

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 2 (22) 2018

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Зам. главного редактора:

Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, доцент
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., доктор юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., доктор юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Майле А.Д., канд. юрид. наук, д-р права,
магистр административных наук
Попов Е.А., д-р филос. наук, доцент
Сизимова О.Б., д-р юрид. наук, доцент
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Анохина С.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент
Галиев Р.С., канд. юрид. наук
Ермаков С.В., канд. юрид. наук
Ермакова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Кругликова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Москвитин Ю.Н., канд. ист. наук
Репьев А.Г., канд. юрид. наук
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Суверов Е.В., д-р ист. наук, профессор
Черепанова Л.В., канд. юрид. наук, доцент
Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 15.06.2018.
Выход в свет 21.06.2018.
Заказ № 279. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 22,0. Тираж 99 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2018

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 2 (22) 2018

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Deputy Editor-in-Chief:

Plaksina T.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Anichkin E.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Anisimov P.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Afanasiev V.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Baranov A.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Beketov O.I., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Buchakova M.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Filippov P.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Gerasimenko Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Derishev Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kim D.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kharitonov A.N., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Knjazkov A.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Kodan S.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Koryakin I.P., PhD. (Doctor of Juridical Sciences)
Kuzmina I.D., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Maile A.D., PhD. (Candidate of Juridical Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Master of Administrative Sciences)
Mazin Ya.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Popov Ye.A., PhD. (Doctor of Philosophical Sciences), assistant-professor
Sizemova O.B., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Sumachev A.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Sharapov R.D., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Shepel T.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Editorial Review Board:

Anokhina S.Yu., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Bublik I.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Galiev R.S., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Ermakov S.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Ermakova O.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Kruglikova O.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Moskvitin Yu.N., PhD. (Candidate of Historical Sciences)
Repev A.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Semenyuk R.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Suverov E.V., PhD. (Doctor of Historical Sciences), professor
Cherepanova L.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Chesnokov A.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Registration certificate PI No. FS77-57487 dated 27.03.2014.

The journal is included into the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Attestation Commission for publishing of major results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of sciences)

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog of «RosPechat» Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's and printing office: 656038, Altai territory, Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49. www. <http://vestnik.buimvd.ru>. E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation and publishing department.

Passed for printing 15.06.2018.

Issue date 19.06.2018.

Order 279. Format 60x84/8.

Conventional printed sheets 22,0.

Issue 99 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018

Содержание

История государства и права

<i>Беденков В.В.</i> Теоретико-правовые проблемы воспитания обыденного правосознания в России.....	7
<i>Грибанов Д.В., Коваленко К.Е., Коваленко Н.Е.</i> Исторические факторы формирования правосознания в российском обществе.....	11
<i>Красилов О.В., Мананников С.В.</i> Лыжная подготовка в советских органах внутренних дел в 30-60-е гг. XX в.	15
<i>Москвитин Ю.Н.</i> Проблемные вопросы организации полицейского управления в городе Новоноколаевске Алтайского округа Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	20
<i>Померлян А.Н., Санин В.Е.</i> Руководство жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги (1893-1917 гг.)	27
<i>Шатилов С.П., Шатилова О.А.</i> Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности судов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края).....	33

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Данелян Р.Н.</i> Развитие учения о праве сотрудников органов внутренних дел на жилище в отечественной юридической науке.....	39
<i>Фазлиева Л.К., Ахмадиева Э.Э.</i> Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека.....	45
<i>Юнусов А.А., Юнусов С.А., Алимов А.А.</i> Роль принципа справедливости в обеспечении безопасности государства.....	49
К юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Александра Сергеевича Мордовца	52
<i>Анохин Ю.В.</i> Учение А.С. Мордовца о социально-юридическом механизме обеспечения прав человека и гражданина	53
<i>Репьев А.Г.</i> Взгляд на равноправие и преимущества в законодательстве с позиции ценностного подхода и человеческого измерения (перечитывая профессора А.С. Мордовца).....	58
<i>Чесноков А.А.</i> Конфликт правовых ценностей как фактор эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина.....	64

Административное право и административный процесс

<i>Бачурин А.Г.</i> Административный запрет на участие в публичных мероприятиях.....	68
<i>Головки В.В.</i> Органы внутренних дел как субъекты исполнения административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения	74
<i>Давыдов М.В., Харыбин А.Ю.</i> Проблема исчисления срока доставления в рамках производства по делам об административных правонарушениях в деятельности полиции.....	79
<i>Равнюшкин А.В.</i> Имплементация рекомендаций Совета Европы о защите женщин от насилия в российское административное законодательство: проблемы и перспективы.....	83
<i>Равнюшкин А.В.</i> Об административно-юрисдикционных полномочиях некоторых должностных категорий сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации	89

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Демидова-Петрова Е.В.</i> О корреляции теории и практики в предупреждении преступности несовершеннолетних	95
<i>Карпов К.Н., Николаев К.Д.</i> Квалификация причинения побоев (ст. 116 УК РФ)	99
<i>Комарикова С.А.</i> Социально-правовые предпосылки криминализации нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших причинение средней тяжести вреда здоровью	106
<i>Мартыненко С.В.</i> Причины молодежного экстремизма в мировой сети Интернет и его профилактика	111

<i>Плаксина Т.А.</i> Ответственность за побои в свете предполагаемого введения в закон понятия уголовного проступка.....	115
<i>Штаб О.Н.</i> Проблемы определения официального документа как предмета преступления, предусмотренного ст. 325 УК РФ.....	120

**Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза,
оперативно-разыскная деятельность**

<i>Бойко Ю.Л.</i> К вопросу о необходимости выделения особенностей в структуре методик расследования отдельных видов и групп преступлений.....	125
<i>Буряков Е.В.</i> Методика осмотра места безвестного исчезновения граждан.....	129
<i>Ильина И.Я.</i> Механизм преступления при розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции.....	133
<i>Огурцов А.Е., Личко Д.И.</i> К вопросу о сотрудничестве в сфере специального сопровождения оперативно-разыскной деятельности.....	139
<i>Поляков Н.В.</i> О некоторых способах незаконного транзитирования денежных средств при осуществлении незаконной банковской деятельности.....	142
<i>Шепель Н.В.</i> О механизме формирования признаков почерка у лиц, имеющих медицинское образование, в целях установления профессиональной принадлежности исполнителя рукописи.....	147
<i>Шхагапсоев З.Л., Карданов Р.Р.</i> К вопросу о идентификации легковых транспортных средств, оснащенных новыми шинами, по следам протектора.....	154

Гражданско-правовые отношения

<i>Кочнева А.А.</i> Методологические предпосылки исследования феномена абсолютных правоотношений в контексте частного права.....	158
<i>Тхабисимова Л.А., Урумов А.В.</i> Нетрадиционные источники гражданского права.....	163
<i>Федоренко Г.Б.</i> О некоторых проблемах терминологии и переизбытка норм в правовом регулировании трудовой миграции в Российской Федерации.....	167
<i>Чазымов М.Р., Мусабеева Н.А.</i> Самовольная постройка как один из способов приобретения права собственности на земельный участок.....	171

CONTENTS

HISTORY OF STATE AND LAW

<i>Bedenkov V.V.</i> Theoretic and Legal Problems of Education of Sacred Justice in Russia	7
<i>Gribanov D.V., Kovalenko K.E., Kovalenko N.E.</i> Historical Factors of Legal Consciousness Formation in the Russian Society	11
<i>Krasilov O.V., Manannikov S.V.</i> Ski Training in the Soviet Internal Affairs Bodies in the 30-60-ies of the XX th Century	15
<i>Moskvitin Yu.N.</i> Problematic Issues of the Police Management in Novonikolayevsk of the Altai District of the Tomsk Province in the Second Half of the XIX th – the Beginning of the XX th Century	20
<i>Pomerlyan A.N., Sanin V.E.</i> Leadership of the Gendarmerie Police Department Siberian Railway (1893-1917).....	27
<i>Shatilov S.P., Shatilova O.A.</i> Prosecutor's Supervision over Law Observance in the Activities of Courts in the Great Patriotic War (on Materials of the Altai Region)	33

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Danelyan R.N.</i> Development of the Doctrine of the Right of Law Enforcement Officials to Housing in the National Legal Science	39
<i>Fazlieva L.K., Ahmadiyeva E.E.</i> Constitutional (Authorized) Courts in Territorial Subjects of the Russian Federation in the Sphere of Protection the Rights and Freedoms of the Person.....	45
<i>Yunusov A.A., Yunusov S.A., Alimov A.A.</i> Role of the Justice Principle in Security Ensuring of a State To the Anniversary of Doctor of Juridical Sciences, professor, Honorary Figure of Russian Higher Education A.S. Mordovets	49
<i>Anokhin Yu.V.</i> A.S. Mordovets Doctrine of the Social and Legal Mechanism of Ensuring Rights of Man and Citizen	52
<i>Repev A.G.</i> View of Equality and Advantages in the Legislation from a Position of Valuable Approach and Human Measurement (Rereading Professor A.S. Mordovets).....	58
<i>Chesnokov A.A.</i> Conflict of Legal Values as a Factor of Effectiveness of Social and Legal Mechanism of Ensuring Human Rights and Freedoms	64

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Bachurin A.G.</i> Administrative Prohibition for Participation in Public Events	68
<i>Golovko V.V.</i> Internal Affairs Bodies as the Subjects of Execution of Administrative Penalties for Offences in the Field of Traffic	74
<i>Davydov M.V., Harybin A.Yu.</i> The Problem of Calculation of Term of Delivery in the Framework of Proceedings on Administrative Offences in Police Activities	79
<i>Ravnushkin A.V.</i> Implementation of the Council of Europe Recommendations on the Protection of Women from Violence in Russian Administrative Law: Problems and Prospects	83
<i>Ravnushkin A.V.</i> On the Administrative-Jurisdictional Authority in some Job Categories of Employees of National Guard Troops of the Russian Federation	89

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Demidova-Petrova E.V.</i> On the Correlation of Theory and Practice in Preventing Juvenile Crime	95
<i>Karpov K.N., Nikolayev K.D.</i> Qualification of Causing of Beating (Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation)	99
<i>Komarikova S.A.</i> Social and Legal Prerequisites of Criminalization of Violation of Traffic Rules and Operation of the Vehicles which Have Caused Bodily Harm of Medium Gravity	106
<i>Martynenko S.V.</i> Causes of Youth Extremism in the Worldwide Network Internet and Its Prevention	111
<i>Plaksina T.A.</i> Responsibility for Battery in Connection with the Forthcoming Introduction of the Concept of Criminal Offense.....	115
<i>Shtab O.N.</i> Problems of Definition of an Official Document as the Subject of the Crime Provided by Article of the Criminal Code of the Russian Federation.....	120

**CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY,
INVESTIGATIVE ACTIVITY**

<i>Boiko Yu.L.</i> About the Necessity of Highlighting Features in the Investigating Methodology of Certain Types and Groups of Crimes.....	125
<i>Buryakov E.V.</i> Methods of View of Place of Citizens' Unknown Disappearance.....	129
<i>Ilyina I.Ya.</i> Crime Mechanism upon the Retail Sale of Alcoholic Products to Minors.....	133
<i>Ogurtsov A.E., Lichko D.I.</i> About the Cooperation in the Sphere of Special Support of Operational-Search Activities.....	139
<i>Poliakov N.V.</i> About some Ways of Illegal Money Transiting when Exercising Illegal Banking Activity.....	142
<i>Shepel N.V.</i> On the Formation Mechanism of Handwriting Signs of Persons with Medical Education in Order to Establish the Professional Identity of the Performer of the Manuscript.....	147
<i>Shkhagapsoyev Z.L., Kardanov R.R.</i> On the Identification of Vehicles Equipped with New Tyres on the Tread Tracks.....	154

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Kochneva A.A.</i> Methodological Background of the Study of the Phenomenon of Absolute Legal Relations in the Context of Private Law.....	158
<i>Tkhabisimova L.A., Urumov A.V.</i> Nonconventional Sources of Civil Law.....	163
<i>Fedorenko G.B.</i> On some Problems of Terminology and Overabundance of Norms in the Legal Regulation of Labour Migration in Russia.....	167
<i>Chazymov M.R., Musabaeva N.A.</i> Unauthorized Construction as one of the Methods of Acquisition of Ownership of the Land Plot.....	171

История государства и права

УДК 340.114.5

В.В. Беденков

соискатель Алтайского государственного университета

E-mail: bedenkov-1989@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ОБЫДЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИИ

Объектом исследования выступает феномен обыденного правосознания. Предметом данного исследования выступают теоретические представления о состоянии и способах воспитания обыденного правосознания. Цель статьи – теоретический анализ проблем правового воспитания обыденного правосознания. Автором использовались такие методы исследования, как диалектический, логический, системно-структурный, формально-юридический. Результатом работы стал комплекс предложенных исследователем общих и специальных мер правового воспитания, выработанных с учетом действующего российского законодательства и правоприменительной практики. Делается вывод о том, что только при системном применении указанных мер возможно преодоление правового нигилизма, формирование и укрепление обыденного правосознания в России.

Ключевые слова: обыденное правосознание, правовая культура, деформация правового сознания, правовой нигилизм, правовые ценности, правовая грамотность, формы правового воспитания.

V.V. Bedenkov

degree-seeking student of Altai State University

E-mail: bedenkov-1989@mail.ru

THEORETIC AND LEGAL PROBLEMS OF EDUCATION OF SACRED JUSTICE IN RUSSIA

The object of the study is the phenomenon of ordinary legal consciousness. The subject of this study is the theoretical ideas about the state and methods of education ordinary legal consciousness. The purpose of the article is a theoretical analysis of the problems of legal education of the ordinary sense of justice. The author used such research methods as dialectical, logical, system-structural, formal-legal. The result of the work was a set of general and special measures of legal education proposed by the researcher developed taking into account the current Russian legislation and law enforcement practice. It is concluded that it is possible to overcome legal nihilism, the formation and strengthening of the ordinary legal consciousness in Russia only with the systematic application of these measures.

Key words: ordinary legal consciousness, legal culture, deformation of legal consciousness, legal nihilism, legal values, legal literacy, forms of legal education.

Правосознание – один из наиболее сложных для изучения феноменов. Осмысление правосознания как духовно-интеллектуальной основы жизни

общества позволяет дать интерпретацию всему спектру государственно-правовых явлений. Между тем в правовой науке отсутствует единство научных

взглядов как на понимание сущности правосознания в целом и обыденного правосознания в частности, так и на его структуру, особенности исторического характера.

Следует констатировать кризис современного российского обыденного правосознания, что находит выражение в его деформированности. Не последнюю роль в этом сыграли процессы вестернизации и глобализации, существенно затронувшие Россию начиная с 90-х гг. XX в. В настоящее время как никогда остро стоят вопросы модернизации обыденного правосознания россиян через осознание его специфики и возрождение исконных российских правовых ценностей. Между тем правовоспитательная деятельность должна осуществляться на протяжении всей жизни человека. По-прежнему отсутствует единый понятийно-категориальный аппарат теории правового воспитания; продолжаются дискуссии о специфике правовоспитательной деятельности, ее субъектах, формах и содержании.

Формирование обыденного правосознания – сейчас самый важный и самый актуальный объект приложения сил государства. Именно обыденное правосознание является фундаментом эффективности правовой системы. На современном этапе развития общества стоит отметить, что феномен правосознания нельзя назвать малоисследованным; с другой стороны, существует не так уж много феноменов столь сложных и многоаспектных, что обуславливает существование большого количества научных подходов к пониманию их сущности.

Обыденное правосознание можно определить как целостную духовно-интеллектуальную систему правовых чувств, знаний, воплощающих в себе правовые ценности, свойственную основной массе членов данного общества, преимущественно носящую эмпирический характер, определяющую правовое поведение людей. Среди его особенностей мы выделяем такие, как свойственность большинству членов общества; эмпирический характер; аккумуляцию основ знаний, умений и навыков; синкретичность; превалирование в его структуре правовой психологии; свойство индикатора уровня правовой культуры в данном обществе.

В современных условиях просматривается острая необходимость правового воспитания обыденного правосознания россиян независимо от их возраста и других характеристик. Правовое воспитание личности – процесс столь же естественный и необходимый, как и воспитание в целом, формирующее все грани личности человека. Правовое воспитание способствует правовой социализации человека; обеспечивает преемственность поколений в передаче правовых ценностей, правовых знаний, умений, на-

выков и правового опыта; закладывает основы профессионализма для будущего юриста. Несомненно, что явления деформации правосознания и низкий уровень правовой культуры российского общества обусловлены, помимо ряда других факторов, низким качеством правового воспитания [2, с. 54].

О.А. Долгополов под правовым воспитанием понимает целенаправленную деятельность сообщества юристов, осуществляемую от лица и по поручению государства, направленную на формирование правосознания субъектов права, которое выражается в определенной правовой культуре – правовом поведении [1, с. 17]. Видимо, автор исходит из того, что правовоспитательная деятельность должна осуществляться исключительно лицами, обладающими правовой компетентностью, поскольку только они обладают необходимым объемом и качеством правовых знаний.

Е.К. Матевосова определяет правовое воспитание как «целенаправленное воздействие на сознание личности, социальных групп и всего общества в целях превращения правовых идей и требований в личные убеждения и правомерное поведение граждан, формирования их правовой культуры» [4, с. 14]. В данном определении не указаны все особенности правовоспитательной деятельности и не совсем верно определены ее цели. Целями правового воспитания являются формирование здорового обыденного правосознания граждан и высокого уровня их правовой культуры. Это определит соответствующий характер их правового поведения и социально-правовую активность. Правовые представления и отношение к праву, исполнению правовых предписаний формируются у молодежи в первую очередь под воздействием моральных норм, политических и иных взглядов. Логично предположить, что если нравственное и политическое сознание индивидуума сформировано правильно, то и его правовые воззрения будут адекватны содержанию действующих правовых предписаний. Динамика доминирующих в правосознании взглядов напрямую зависит от существующей в обществе социально-экономической и политической обстановки, а также исторических факторов. В кругу субъектов правовоспитательной деятельности находятся и прокуратура РФ, и уполномоченные по правам человека, и суды, и органы внутренних дел и т.д., соответствующие должностные лица, общественные организации в целом и их представители, преподаватели вузов и т.п. Во всяком случае лицами, осуществляющими правовое воспитание населения, должны быть те, кто обладает правовой компетентностью в достаточной степени и может передать свои правовые знания и правовой опыт целевой аудитории.

Однако следует учитывать, что на практике правовое воспитание далеко не всегда представляет собой профессиональную, а значит целостную, планомерную, управляемую, систематическую, целенаправленную и должным образом организованную деятельность. Недостатки правового воспитания нуждаются в постоянном мониторинге и своевременном устранении.

Вопрос о формах правового воспитания является дискуссионным. Во-первых, исследователи зачастую допускают смешение форм и средств воспитания правосознания; во-вторых, перечисляют различные формы правового воспитания. Так, Ю.А. Дмитриев среди форм правового воспитания называет средства массовой информации, произведения литературы и искусства о проблемах права, наглядную правовую информацию и т.д. [5, с. 698], в то время как это не формы правового воспитания, а его средства. Между тем стоит отметить, что форма воспитания – это внешнее выражение процесса правового воспитания, одно из его основных направлений.

Правовое воспитание – основной, наиболее эффективный механизм правовой социализации [6, с. 9, 17]. С таким пониманием следует согласиться. Процесс социализации должен пониматься как процесс вхождения индивида в общество, принятия его норм и правил, познания окружающего социального пространства, идентификации себя.

Говоря о формировании обыденного правосознания, необходимо выделить несколько временных этапов правового воспитания правосознания граждан: дошкольный, школьный, этап получения среднего специального и высшего образования, послевузовский и геронтологический. На каждом временном этапе ставятся свои задачи правового воспитания и используются различные формы правового воспитания, среди которых предлагается различать правовое обучение, правовое информирование (правовое просвещение), правовую пропаганду, юридический опыт.

Задача дошкольного этапа – правовое воспитание базовых основ обыденного правосознания дошкольников. При этом применяются такие формы правового воспитания, как правовое обучение, правовое информирование, правовая пропаганда.

Задача школьного этапа правового воспитания – формирование позитивного правосознания и высокого уровня правовой культуры. При этом применяются такие формы правового воспитания, как правовое обучение, правовое информирование (правовое просвещение), правовая пропаганда, юридический опыт.

На этапе получения среднего специального или высшего образования задачи правовоспитательной

деятельности – окончательное формирование позитивного обыденного правосознания и высокого уровня правовой культуры молодежи, преодоление их деформаций. Основными формами правового воспитания выступают правовое обучение, правовое информирование (правовое просвещение), правовая пропаганда, юридический опыт, правовое самовоспитание.

На послевузовском этапе правового воспитания его основная задача – поддержание позитивного правосознания населения и высокого уровня его правовой культуры. Основной формой правового воспитания при этом выступает правовое самовоспитание, хотя при необходимости могут использоваться и иные формы. Что касается юридической практики как формы правового воспитания, то следует отметить, что она эффективна только тогда, когда выступает в виде организованной и контролируемой деятельности [3, с. 19].

Геронтологический этап воспитания обыденного правосознания также предполагает решение задач поддержания обыденного правосознания граждан и их правовой культуры на высоком уровне. При этом особое внимание должно уделяться использованию таких форм правового воспитания, как правовое информирование и правовая пропаганда. Не стоит забывать, что лица пожилого возраста нуждаются в правовой социализации намного сильнее, чем граждане трудоспособного возраста, а потому приоритетом государства в данном отношении остается поощрение их активной правовой позиции.

Важность правового воспитания обыденного правосознания осознается всеми, но целостной теории, посвященной этой проблеме в отечественной правовой науке, так и не сложилось. Не в последнюю очередь это связано с тем, что законодателю пока не удалось выстроить логически стройную нормативно-правовую базу правового воспитания. Политико-директивные документы охватывают только отдельные участки работы по правовому воспитанию; единая государственная Концепция правового воспитания, на базе которой разрабатывались бы федеральные и региональные государственные программы по правовому воспитанию, по-прежнему не принята.

Основным политико-директивным документом в сфере правового воспитания пока являются «Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденные Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168 [8]. Этот документ носит рамочный характер. Как указано в п. 3 и 4 Основ, они направлены на формирование высокого уровня правовой культу-

ры населения, традиций безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства. Определенное отношение к правовому воспитанию населения (большее или меньшее) имеют и другие документы.

Так, существует «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р [9]. К достоинствам данной Стратегии следует отнести то, что она указала те основные духовно-нравственные ценности, которые должны воспитываться в ребенке, на важность формирования активной гражданской позиции детей.

Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р утверждены «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [5].

Среди задач государственной молодежной политики в числе прочих названо развитие просветительской работы с молодежью, инновационных образовательных и воспитательных технологий, а также создание условий для самообразования молодежи. Реализация этой задачи предусматривает осуществление таких мероприятий, как развитие гуманитарного и правового просвещения молодежи, повышение уровня ее финансовой грамотности.

При этом трудно переоценить важность деятельности лиц творческих профессий и их объединений, средств массовой информации, организаторов эфирного и кабельного вещания, издательских организаций, производителей рекламной продукции, направленной на создание и распространение произведений, активно продвигающих в общественное сознание модель законопослушного поведения в качестве общественно одобряемого образца. В то же время нужно бороться с распространением произведений, прямо или косвенно пропагандирующих непочтительное отношение к закону, суду и государству, правам человека и гражданина, поэтизирующих и пропагандирующих криминальное поведение.

Подводя итог, стоит отметить, что в сложном процессе привития обществу уважения к закону, преодоления правового нигилизма необходимо максимально использовать имеющиеся средства правового воспитания, научные методики, комплексные подходы, включающие современные достижения психологов, социологов, педагогов, правоведов. Только при тщательной разработке правовой политики в сфере правового воспитания обыденного правосознания граждан, осознании важности всех временных этапов правового воспитания, четком понимании их задач, определении необходимых средств их решения и соответствующих форм правового воспитания возможно формирование позитивного обыденного правосознания граждан и высокого уровня их правовой культуры.

Литература

1. Долгополов О.А. Организация правового воспитания в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 29 с.
2. Ивлев Ю.Л. Основные теоретические позиции проблемы формирования и развития правового сознания личности // Сборник научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. 2007. № 5.
3. Курбатов С.О. Прокуратура России как субъект правовоспитательного процесса // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2.
4. Матевосова Е.К. Правовое воспитание как средство борьбы с правовым нигилизмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.
5. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.
6. Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168 // Российская газета. 2011. 14 июля. № 151.
7. Пиголкина А.С., Дмитриева Ю. А. Теория государства и права. 2-е изд. М.: Юрайт, 2013. 713 с.
8. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // Российская газета. 2015. 8 июня. № 122.
9. Усимова И.П. Правовая социализация личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 32 с.

УДК 340.114.5

Д.В. Грибанов, доктор юрид. наук, профессор

Уральский государственный юридический университет

E-mail: dvgribanov@mail.ru;

К.Е. Коваленко, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский государственный университет

E-mail: kovalenko1288@mail.ru;

Н.Е. Коваленко

Алтайский государственный университет

E-mail: barnaulforum@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

В статье рассмотрены исторические факторы формирования правосознания российского общества. Выявлены этапы в развитии российского правосознания, которые в основном были связаны с периодами развития социально-экономических отношений. Заложению в правосознании ряда различных установок способствовало особое отношение общества к религии.

Ключевые слова: правосознание, княжеская власть, законодательство, государственность.

D.V. Griбанov, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Ural State Law University

E-mail: dvgribanov@mail.ru;

K.E. Kovalenko, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-

professor

Altai State University

E-mail: kovalenko1288@mail.ru;

N.E. Kovalenko

Altai State University

E-mail: barnaulforum@gmail.com

HISTORICAL FACTORS OF LEGAL CONSCIOUSNESS FORMATION IN THE RUSSIAN SOCIETY

The historical factors of the formation of the legal consciousness of Russian society are considered in the article. The stages in the development of the Russian legal consciousness were identified, which were mainly connected with the periods of development of socio-economic relations. The special attitude of society towards religion contributed to the position in the legal conscience of different settings.

Key words: legal consciousness, princely power, legislation, statehood.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант МК-5088.2018.6).

Российское правосознание развивалось в течение многих столетий и в каждый отдельный период имело свои особенности, которые существовали под влиянием динамичных социально-экономических, культурно-правовых и политических отношений. Анализ истории становления правосознания имеет важное значение, поскольку позволяет определить мотивацию, отношение людей к праву через призму хронологии событий. Изучив историю российского правосознания, можно будет впоследствии ответить на многие вопросы, например, каковы причины правонарушений, что являлось причиной правового нигилизма и т.д.

Первой вехой упоминания о правосознании стоит рассматривать время Киевской Руси. До 862 г. славянское население, живущее на землях будущей Киевской Руси [4, 5], не имело правосознания, которое носило характер группового [1].

Формирование социально-экономических правоотношений способствовало модификации всех сфер жизни (культурной, политической и др.), что способствовало переосмыслению прежних правил, это не могло не отразиться и на правосознании. Если первоначально хищение имущества определялось как преступление (если вором был не родственник), то с появлением частной собственности появилась необходимость в закреплении новых правил поведения в новых нормах и источниках. По мнению В.К. Зиборова, с 912 г. подобные меры проводились уже на международном уровне [2].

Изменение экономического баланса общины признавалось тяжким преступлением. Отсюда создается новое представление о групповой юридической ответственности в виде «дикой виры», которое сыграло особую историческую роль в упрочении общества.

С ноября по апрель (во время полюдья) население особенно сталкивалось с правом. Ученые утверждают, что начиная с Рюрика между первыми князьями и населением стали складываться первые правовые отношения. Князья были обязаны защищать свое население, делиться с ними частью приобретенного в походах, а также у них было право получать «разумную» дань. В свою очередь, население обязывалось платить дань (например, при княгине Ольге был фиксированный размер дани – урок), а также имело право на защиту. Подобные обстоятельства говорят о зарождении гражданско-правовых отношений, основанных на договоре подряда (сделке). Поэтому осознание и оценка княжеской власти были двойственными. С одной стороны, существовали определенные права у князя, а с другой – были и определенные обязанности. Следовательно, оценка правосознанием населения

деятельности князя могла быть дуалистической – и положительной, и (или) отрицательной [15, с. 447-449]. Существовавшая противоречивость правосознания не гарантировала стабильности в обществе.

Положение князя по отношению к населению регулировалось количеством праздничных застолий, а именно пиров. Чем более ослабевало положение князя, тем чаще проводились пиры.

Стоит сказать, что князь Владимир создал базу для формирования российской государственности. Все последующие князья совершенствовали то, что он начал. Однако основа, которую заложил князь Владимир, вначале была непрочной. Через год после его смерти Ярослав попытался вновь воссоздать язычество, поменять курс развития страны, что вызвало отпор со стороны населения. На этом альтернатива развития России была исчерпана. По мнению И.А. Ильина, «истинная религиозность пробуждает волю к естественному праву и поэтому может отрицать положительное право» [5]. Таким образом, особое отношение в обществе к религии способствовало заложению в правосознании ряда различных установок. Были заложены основы не целенаправленности правосознания на позитивное право, когда главной задачей правосознания является достижение несоответствия действующему позитивному праву, а его ценностной ориентированности на право, т.е. оценке позитивного права не с точки зрения его самодостаточности и необходимости, а с точки зрения его соответствия высшему идеалу. Когда большее значение имеет не достижение конечных целей (соответствовать позитивному праву), а процесс, оцениваемый критерием ценности. Другими словами, рассмотрение позитивного права как явления условного, изменчивого, в большинстве случаев не соответствующего абсолютным ценностям, а значит и не обязательного. Тем самым была заложена определенная перспективная альтернатива в развитии правосознания. В ее основу ложился выбор естественной или позитивной (положительной) направленности правосознания. В то же время религиозно-нравственное освещение верховной власти, понимаемой как источник позитивного права, во многом связывало оценку позитивного права и с личностью монарха.

В дореволюционной литературе не существовало точного определения правосознания. Прикладное, социальное либо психологическое значение имела категория правосознания, и многие ученые (М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич и др.) определяли его как осознанную мотивацию участника правоотношений.

П.Н. Новгородцевым впервые предпринято обоснование теории правосознания в книге «Введение

в философию права. Кризис современного правосознания» (1909 г.), итогом стал вывод о кризисе правосознания как следствии кризиса (на философско-теоретическом и практическом уровнях) индивидуализма и западных теорий правового государства в XVIII-XIX вв. [8].

Рассмотрение вопросов теории правосознания было продолжено далее советскими учеными в течение нескольких периодов.

I. 1917 г. – середина 30-х гг. XX в. Тема правосознания была весьма актуальна в этот период и широко освещалась в работах Н.В. Крыленко [7], Д.Н. Курского, Е.Б. Пашуканиса, Г.М. Португапова, М.А. Рейснера, П.И. Стучки [11]. М.М. Исаев, А.А. Пиотковский, А.Я. Эстрин, М.А. Чельцов-Бебутов исследовали проблемы правосознания в связи с уголовным правом. Затрагивались эти проблемы и в трудах И.П. Разумовского, М.Д. Резунова, А.К. Стальгевича, Н.Н. Фиолетова [14] и других ученых.

II. Середина 30-х – середина 50-х гг. XX в. Вопросы правосознания рассматривались в уголовном и уголовно-процессуальном праве. А.Я. Вышинский под правосознанием понимал систему, состоящую из совокупности правовых, философских и политических идей, представления о должном и законном.

III. Середина 50-х гг. XX в. Увеличивается интерес к вопросам правосознания, формируются определенные взгляды на его природу. С одной стороны, сохранились прежние представления о правосознании как классовой категории, связанной с экономическими отношениями. С другой стороны, появляются труды, где в понятие правосознания начинают включать правовую психологию [14] (чувства, эмоции, настроения и т.п.). Первыми из советских ученых эти вопросы рассматривали Г.А. Злобин и И.Е. Фарбер. По мнению Г.А. Злобина, правосознание представляет собой совокупность идей о праве и законности, а также эмоций и привычек людей [3].

IV. Начало 80-х гг. XX в. Ученые изучают вопросы правосознания в основном в учебниках по теории права, в которые включены определения приблизительно одинакового содержания.

Ю.А. Тихомиров понимает его как отражение в общественном сознании действующего права, а также оценку в правовых понятиях и категориях (субъективное право, обязанность, запрет, юридически значимый факт) существующих общественных отношений (представления о желаемом праве) [12].

Сегодня психология интересует многих учёных. Ничто в сознании человека не совершается вне эмоциональной окраски. Эмоциональный стимул за-

ставляет организовывать мысли и действия для достижения определенной цели [13].

Особую роль эмоциям в правосознании отводит Л.И. Петражицкий. Он определял эмоции как мотивы поведения человека, побуждающие к совершению одних действий и воздержанию от других [9].

В настоящее время при изучении проблемы правосознания в литературе часто возникает вопрос: «Есть ли правосознание у правонарушителя или преступника?» Мы выделили два уровня ответа на этот вопрос.

1. У одних преступников превалирует анти-правосознание, они отрицают право, хотя могут знать действующее законодательство (мошенники, подставы на дорогах, коррупционеры и т.д.). Причины правонарушений – соединение объективного (потребности) и субъективного (установка, что можно эту потребность удовлетворить незаконно) факторов.

2. У других нарушителей более глубокий уровень. Так, у Ф.М. Достоевского существует наблюдение в «Записках из мертвого дома» – «даже законченный преступник где-то внутри, иногда сам того не осознавая, пытается себя оправдать». В этом проявляется фундаментальность таких ценностей, как нравственность и справедливость:

- «такое у меня было несчастное детство»;

- «я своровал тысячу, а чиновник берет миллионы»;

- коррупционер – «я люблю жену и детей, обеспечиваю их»;

- «такая жизнь» и др.

Отсюда особая тяжесть преступлений, которые совершают представители элиты – бизнеса, государственной, художественной (почему бы не «похулиганить», если это позволяют себе «они»). Такое поведение создает саму атмосферу антиправосознания.

В целях совершенствования правосознания своих граждан в Японии периодически проводится популяризация законопослушания, в рамках которой присутствуют такие лозунги:

• отступать от закона нельзя, потому что он отстаивает интересы твои и твоей семьи;

• нарушать закон нельзя, потому что это позорит не только тебя лично, но и твою семью, иную общность или группу, к которой ты принадлежишь (деревня, команда, класс и т.д.);

• если ты переступишь закон, то не миновать ответственности [6].

Эти лозунги адресованы потенциальным нарушителям. Но важен и другой аспект – необходимо оказывать помощь государству и полиции. Секрет японской полиции – доверительные отношения с

населением и некриминализованность сознания сограждан. В основе этого лежит консервативное воспитание и пропаганда правомерного поведения, что, несомненно, является причиной массового законопослушания и низкого уровня преступности.

Таким образом, в настоящее время существует негативная направленность правосознания. Правосознание есть у всех людей, в т.ч. у преступников, но оно ложное. Его деформация связана со сниже-

нием жизненного уровня многих семей в сочетании с ослаблением воспитательной функции государственных и общественных институтов, пропагандой жестокости и насилия в средствах массовой информации. Она находит отражение в неверии в возможность законным путем удовлетворить материальные потребности, девальвации правовых ценностей, противоправных поведенческих установках.

Литература

1. Демченко Т.И. Возникновение и понимание древнерусского правового сознания. М., 2004. 126 с.
2. Зиборов В.К. История русского летописания XI-XVIII вв. СПб., 2002. 512 с.
3. Злобин Г.А. Правосознание в советском общенародном государстве. М., 1963. 82 с.
4. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. 410 с.
5. Ильин И.А. Философия права. Нравственная философия // Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 1. 510 с.
6. Ипатьев Н. Преступник «теряет лицо» // Милиция. 1998. № 1. С. 20-22.
7. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. М., 1927. 72 с.
8. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. 407 с.
9. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. Т. 2. 758 с.
10. Спиркин А.Г. Философия. М.: Гардарики, 2002. 356 с.
11. Стучка П.И. Народный суд в вопросах и ответах. М., 1918. 120 с.
12. Тихомиров Ю.А. Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 31-39.
13. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. 205 с.
14. Фиолетов Н.Н. Понятие социалистического правосознания в советском праве // Право и суд. 1925. № 1. С. 8-9.
15. Флоренский П.А. Столп и утверждение веры: Опыт православной теодицеи. М., 2003. 640 с.

УДК 796.92:351.74

О.В. Красилов, канд. пед. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

С.В. Мананников

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: manannikov@buimvd.ru

ЛЫЖНАЯ ПОДГОТОВКА В СОВЕТСКИХ ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В 30-60-Е ГГ. XX В.

В данной статье авторы изучают процесс становления и развития лыжной подготовки в советских подразделениях органов внутренних дел. В связи со сложной криминогенной ситуацией в СССР предъявлялись повышенные требования к физической подготовке сотрудников правоохранительных органов. Использование лыж значительно облегчало передвижение по снегу в северных районах страны. Большой вклад в развитие лыжного спорта оказали ведомственные учебные заведения. Снижало развитие лыжной подготовки недостаточное государственное финансирование.

Ключевые слова: лыжная подготовка, сотрудники, органы внутренних дел.

O.V. Krasilov, PhD. (Candidate of Pedagogical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

S.V. Manannikov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: manannikov@buimvd.ru

SKI TRAINING IN THE SOVIET INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE 30-60-IES OF THE XXth CENTURY

The authors study the process of formation and development of ski training in the Soviet divisions of law-enforcement bodies in this article. There were increased requirements for physical training of law enforcement officers due to the difficult criminal situation in the USSR. The use of skis greatly facilitated the movement of snow in the Northern regions of the country. Departmental educational institutions have made a great contribution to the development of skiing. The development of ski training was reduced by insufficient public funding.

Key words: ski training, employees, Internal Affairs bodies.

После смерти И.В. Сталина обострилась борьба за власть, был арестован и расстрелян Л.П. Берия. В 1955 г. Г.М. Маленков был отстранен от власти и Н.С. Хрущев стал первым человеком в стране. Он развенчал «культ личности» И.В. Сталина, проведя некоторую либерализацию тоталитарной системы [2, с. 214-216].

В изучаемый период сложилась сложная криминогенная обстановка в стране. Уровень преступности был по-прежнему высок. Амнистия 1953 г. самым негативным образом сказалась на оперативной обстановке по всей стране. Общее количество зарегистрированных в стране преступлений более чем в два раза превысило уровень 1952 г. [5, с. 445].

Усложняло ситуацию большая концентрация бандитско-воровского элемента в регионе. С 1954 г. начали прибывать добровольцы на освоение целинных земель. Так, в 1954-1956 гг. на алтайскую целину приехали 50 тысяч новоселов. Причем приезжали самые разные люди, в их числе были и те, кто не отличался законопослушанием [12, с. 257].

Хорошее физическое состояние сотрудников милиции было необходимо для успешной нейтрализации преступников. Лыжная подготовка имела большое значение для успешного выполнения своих служебных полномочий в суровый период, особенно это проявлялось в районах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Целью лыжной подготовки являлось формирование физической, морально-волевой и психологической готовности сотрудников к успешному выполнению оперативно-боевых задач. Необходимо в соответствии с законами осуществлять применение физической силы, боевых приемов борьбы и специальных средств при пресечении противоправных действий правонарушителей, а также обеспечивать высокую работоспособность в процессе служебной деятельности [14, с. 431].

Во время занятий лыжами вырабатывались: выносливость, умение преодолевать трудности, терпение, самообладание, коллективизм. Формирование высоких морально-волевых качеств помогало в повседневной жизни и профессиональной деятельности сотрудников ОВД переносить высокие нагрузки во время несения службы. При проведении занятий по лыжной подготовке личность развивается как физически, так и духовно, что, несомненно, влияет на общий уровень качества профессиональной подготовки будущего сотрудника ОВД [4, с. 171-172]. Регулярные занятия лыжами улучшало кровообращение, тренировало сердечную мышцу, легкие, суставы сотрудника.

Огромные снежные пространства обусловили раннее появление лыж. Большая территория покрывалась снежным покровом, что затрудняло возможность добывать пищу, передвигаться до соседних поселений по глубокому снегу без специальных приспособлений для ног, увеличивающих площадь опоры. Так зародилась вынужденная потребность в создании лыж – одного из самых удивительных изобретений первобытного человека. Родина лыжного спорта – Скандинавия. Первые в мире лыжные соревнования по скоростному бегу на лыжах состоялись в Норвегии в 1767 г. [1, с. 19].

Большое развитие лыжной подготовки в советский период было связано с деятельностью Ленинградского института физической культуры имени

П.Ф. Лесгафта, где выпускались специалисты, которые разъезжались по всей стране для подготовки подразделений специального назначения. В годы Великой Отечественной войны лыжные отряды, состоящие из студентов, наносили существенный урон в тылу врага. Так, отряд под командованием чемпиона СССР по лыжным гонкам ленинградца В. Мягкова, выполняя одно из заданий, попал в тяжелое положение. В. Мягков вступил в единоборство с белофиннами с целью дать время, чтобы отряд смог уйти от преследования на безопасное расстояние от врага. Он погиб, а отряд был спасен. Посмертно В. Мягкову было присвоено звание Героя Советского Союза. Студенты и преподаватели Ленинградского института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта внесли свой вклад в дело разгрома врага под Ленинградом, большинство из них награждены правительственными наградами, а институт за отвагу и доблесть своих воспитанников и большую работу по подготовке резервов для армии награжден орденом Красного Знамени.

В последующие годы лыжный спорт, как и все физкультурное движение в нашей стране, развивался под знаком неуклонного выполнения постановлений ЦК Коммунистической партии Советского Союза. Пропагандировало занятие лыжами спортивное общество «Динамо», объединяющее сотрудников органов внутренних дел. В подразделениях НКВД проводились массовые лыжные забеги, иногда с привлечением жен командного состава. Это должно было стимулировать физическую подготовку сотрудников органов внутренних дел.

Преподаватели и тренеры, окончившие институты физической культуры, становились передовым отрядом физкультурного движения в стране. Эти годы характеризуются неуклонным развитием лыжного спорта. Соревнования становятся все более массовыми, программа их расширяется. Проводятся зимние праздники. В 1930-1932 гг. создается комплекс ГТО. Нормативы комплекса ГТО способствовали вовлечению широких масс трудящихся в систематические занятия лыжным спортом. В нормативы ГТО II ступени (кроме гонок на лыжах) вошли и прыжки на лыжах с трамплина. На принципах ГТО строятся программы крупнейших соревнований. Лыжные переходы и пробег, проведенные в эти годы, явились исключительно действенной пропагандой лыжного спорта.

Окружные зимние спортивные соревнования частей НКВД проходили с 8 по 13 февраля 1937 г. в г. Хабаровске. Хорошие результаты показала Малышева (32 года), которая прошла по пересеченной местности 5 км за 31 мин. 43 сек. и 10 км за 63 мин. 18 сек. Сотрудники бежали на лыжах в караульной

форме по пересеченной местности со стрельбами. Сотрудник Ключе пробежал 15 км за 1 час 9 мин. 17 сек. и 30 км со стрельбой за 2 часа 42 мин. 46 сек. [9, л. 132].

В марте 1938 г. проходят первые соревнования среди сборных команд городов Алтайского края. Именно на этих соревнованиях взойшла звезда из Ойрот-Туры (Горно-Алтайска) Вера Уксегешева. Алтайка по национальности, в 15 лет она стала сильнейшей гонщицей Горного Алтая. В дальнейшем Вера побеждала в чемпионатах Сибири и Дальнего Востока. В марте 1940 г. впервые в Алтайском крае стартовали краевые соревнования среди спортивных обществ. В них приняли участие 11 сборных команд. Первое место заняли лыжники ДСО «Учитель», второе – «Динамо», третье – «Спартак».

Серьезный прогресс в подготовке лыжников произошел после советско-финской войны 1940 г., где в суровых боевых условиях подтвердилась важность лыжной подготовки. Исходя из сложившейся обстановки, 13 февраля 1941 г. Народный комиссар обороны Союза ССР маршал С. Тимошенко подписал приказ № 77 и ввел в действие «Наставление по лыжной подготовке Красной Армии», отменил действие ст. 90-103, 140-141 Строевого Устава пехоты РККА.

Глава первая «Общие положения» данного наставления указывает, что умение ходить и действовать в боевой обстановке на лыжах является обязательным для всего начальствующего и рядового состава Красной Армии. Хорошо подготовленный и натренированный боец-лыжник в нормальной походной форме, при благоприятных условиях погоды может, сохраняя боеготовность, преодолеть по слегка пересеченной местности со скоростью 8 км/ч до 50 км в сутки. Наставление подробно описывает действия командиров по подготовке солдат на начальном и последующих этапах, а также в походах на дальние расстояния и с различными погодными условиями.

После обучения командирами подразделений проводилась проверка подготовленности солдат. При проверке лыжной подготовки устанавливалось:

1. Умение начальствующего состава организовать и проводить с бойцами марши на лыжах, специальные занятия по лыжной подготовке и вести тренировку попутно и в процессе тактической подготовки.

2. Качество отработки рядовым и начальствующим составом приемов и способов действий на лыжах и в объеме программы по лыжной подготовке, подлежащей прохождению к моменту проверки.

3. Обеспеченность лыжной подготовки лыжным инвентарем, его хранение, уход и бережение [6].

В тыловых подразделениях НКВД, расположенных на Дальнем Востоке, готовясь к возможным военным действиям с японскими милитаристами, усилили лыжную подготовку. В ноябре-декабре 1942 г. произошли соревнования истребительных батальонов НКВД Хабаровского края. Участвующие в соревнованиях сотрудники прошли 30-километровую дистанцию на лыжах со средней скоростью 4 км/ч, с решением тактических задач и стрельбой, отставшие составили 0,24%. Первое место занял 40-й Бирский истребительный батальон Еврейской автономной области, в соревнованиях приняло участие 95% личного состава. Дистанция была пройдена за 6 час. 22 мин. с отличной оценкой стрельбы и решением тактической задачи [10, л. 26].

Среди милиционеров также проводились лыжные соревнования. 15 февраля 1943 г. были проведены лыжные соревнования между командами г. Хабаровска, Комсомольска, Биробиджана, Благовещенска. Из города Хабаровска прибыло 2 команды по 7 человек, из них 4 женщины. Из города Благовещенска прибыла одна команда, в составе которой были 2 женщины. Из города Комсомольска прибыла одна команда, в ее составе были 2 женщины. Судейская комиссия работала в составе 5 человек. Главный судья был старший лейтенант милиции Бартышев [10, л. 97]. Лыжный спорт в то время был одним из основных в физическом воспитании милиционеров. Он приучал преодолевать длительную физическую нагрузку, трудности, морозы и слякоть. И это обстоятельство в совокупности с необустроенной жизнью явилось важным фактором победы в Великой Отечественной войне.

Серьезный прогресс в развитии лыжной подготовки среди личного состава органов внутренних дел показали ведомственные учебные подразделения. В Барнаульской специальной средней школе подготовки начальствующего состава МВД СССР большое внимание уделялось физической подготовке курсантов и офицеров. С 1 ноября 1957 г. были введены ежедневные часовые занятия по физической подготовке [13, с. 17].

Среди личного состава спецшколы регулярно проводились длительные лыжные переходы. В феврале 1960 г. среди личного состава спецшколы был проведен марш-бросок на дистанцию 10 км на лыжах со стрельбой из личного оружия (револьвер «Наган», пистолет ТТ, пистолет «Макаров») по упражнению № 1, мишень № 4, дистанция 25 м, 3 выстрела (курс стрельб 1958 г.). Соревнования проходили в составе групп с личным оружием, за-

крепленным за каждым курсантом, противогазом и подсумком. Время старта исчислялось с момента подачи сигнала «Тревога» [7, л. 8]. С 5 по 12 декабря 1965 г. в барнаульской спецшколе был проведен лыжный кросс на дистанцию 5 км и лыжная эстафета 4 по 5 км между взводами. Всего в соревнованиях приняли участие 396 курсантов [8, л. 114].

Кроме того, важно отметить положительное воздействие физических упражнений и нагрузок на самих сотрудников ОВД. Известно, что все правоохранительные органы обязаны следить и укреплять, совершенствовать физическую подготовку сотрудников. Однако физическая подготовка была далеко не у всех сотрудников на высоком уровне.

Специализированные образовательные организации системы МВД России включали не только общую физическую подготовку, но и специальную физическую подготовку, в т.ч. обязательное прохождение дистанции на лыжах. В приказах МВД нередко отмечалось, что в условиях осложнения оперативной обстановки, в экстремальных ситуациях работники органов внутренних дел нередко проявляли растерянность и беспомощность, уступали правонарушителям в умении применять приемы самозащиты. Это свидетельствует о недостаточно эффективной системе их подготовки для успешных действий в ситуациях защиты и задержания правонарушителей [13].

В профессиональной подготовке милиционеров важную роль продолжала играть коммунистическая идеология, изучались марксистско-ленинская теория, что не всегда положительно сказывалось на методике лыжных гонок, не всегда положительно учитывался зарубежный опыт [3].

В связи с тяжелым экономическим положением в стране материальное обеспечение занятий по лыжной подготовке было не всегда полное, не хватало лыж, палок и смазывающих материалов. В «Наставлении по лыжной подготовке Красной Армии» был раздел «Материальная часть». Этот раздел подробно описывал способы хранения и ремонта лыжного инвентаря. Так, незначительные поломки лыж следовало устранять следующими способами:

- если обнаружена продольная трещина или скол, склеить казеиновым или столярным клеем, проклепать или привинтить поврежденное место мелкими винтами, предпочтительно медными;

- если обнаружена сквозная трещина (например, на пятке лыжи), скрепить проволочными скобами и, наложив сверху фанерную накладку, склеить, проклепать и привинтить ее винтами [6].

Все действия тыловых служб были направлены на сохранение инвентаря любыми доступными способами.

Методика лыжной подготовки находилась на низком уровне, во время занятий не учитывались индивидуальные физические данные сотрудников, особенности преодоления пересеченной местности, температурного баланса, уровня снежного покрова, силы ветра. Усложняло передвижение сотрудников и отсутствие специальной одежды. Форменное обмундирование по своему качеству и составу не всегда было пригодно для проведения занятий в зимний период.

Таким образом, лыжный спорт в исследуемый период играл важную роль в физической подготовке сотрудников органов внутренних дел. Немаловажную роль в пропаганде данного вида спорта оказали общество «Динамо», Ленинградский институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта, фронтовой опыт, а также сеть ведомственных учебных заведений.

Литература

1. Герасимов Н.П., Исаев М.Ю., Корнева Т.И., Мингзава Л.Д. Исторические аспекты возникновения лыж и зарождения лыжного спорта // Спорт и физическая культура: интеграция научных исследований и практики: мат-лы 2 международной научно-практ. конф-ции. 2015. С. 17-20.
2. Григоров Е.В., Казаков А.А., Суверов Е.В., Галиева Р.Д., Лен К.В., Алешков И.В. История: учебное пособие для абитуриентов / отв. ред. Л.А. Вишнякова. Барнаул, 2014.
3. История органов внутренних дел Алтая: монография / Е.В. Суверов, Ю.Н. Москвитин, В.М. Антропов, Е.В. Миронов. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017.
4. Красилов О.В., Мананников С.В., Мальченков Е.В. Лыжная подготовка – базис формирования морально-волевых качеств будущего сотрудника полиции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 1 (30). С. 171-172.
5. Министерство внутренних дел России: 1802-2002. Исторический очерк: в 2 т. СПб., 2002. Т. 2.
6. Наставление по лыжной подготовке. Военное издательство Народного Комиссариата Обороны Союза ССР. Москва, 1941.
7. ОДиР (отдел делопроизводства и режима) БЮИ МВД России. 1960. Д. 8. Л. 8.
8. ОДиР БЮИ МВД России. 1964, 1965, 1966. Д. 253. Л. 114.

9. ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 19. Л. 132.
10. ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 40. Оп. 1. Д. 99. Л. 26, 97.
11. Рыжков С.Н., Новиков А.Н. История развития системы боевой и физической подготовки сотрудников ОВД: лекция. Домодедово, 2002.
12. Суверов Е.В., Миронов Е.В. Деятельность органов внутренних дел Алтайского края в первые годы освоения целинных и залежных земель (1954-1956 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы пятнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 257.
13. Суверов Е.В. Вехи истории. Барнаульская специальная средняя школа подготовки начальствующего состава МВД СССР (1957-1991 гг.): учебное пособие. Барнаул, 2017.
14. Физическая культура и физическая подготовка: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, И.С. Барчукова. М., 2010.

УДК 351.74(571.1)

Ю.Н. Москвитин, канд. ист. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: moskw@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДЕ НОВНИКОЛАЕВСКЕ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются проблемные вопросы организации полицейского управления в городе Новониколаевске Алтайского округа Томской губернии, приводятся данные о численности полицейских подразделений, а также анализируются сложные моменты в организации деятельности полиции.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, полиция, городской, городская дума, Томская губерния, Новониколаевск.

Yu.N. Moskvitin, PhD. (Candidate of Historical Sciences)

Barnaul Law Institute of Internal Affairs of Russia

E-mail: moskw@yandex.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF THE POLICE MANAGEMENT IN NOVONIKOLAYEVSK OF THE ALTAI DISTRICT OF THE TOMSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIXth – THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY

The problematic issues of the organization of police department in the city Novonikolayevsk of the Altai district of the Tomsk province are considered, data on the number of police divisions are provided and also problems of organization of police activity are analyzed in the article.

Key words: protection of public order, police, policeman, Tomsk province, Novonikolayevsk.

Реформа полиции, проводившаяся в совокупности с другими историческими преобразованиями государственно-политического устройства Российской империи в 60-х гг. XIX в., преследовала цель переустройства правоохранительной системы применительно к новым социально-экономическим условиям, начавшим развиваться в стране после отмены крепостного права. В 1867 г. в результате проведения реформ полиция Сибири была подвергнута преобразованиям. Специфика ведомственной принадлежности территории Алтая Кабинету Его Императорского Величества создавала определенные исключения в полицейском управлении региона.

Таким исключением, по нашему мнению, следует признать организацию охраны общественного порядка в одном из городов Сибири – Новониколаевске (Новосибирске), территориально входившем в то время в Алтайский округ Томской губернии.

До 1896 г. томская губернская администрация не предпринимала никаких шагов к тому, чтобы уделить какое-то внимание вновь образованному поселку. К тому времени поселок существовал три года, и численность населения перевалила за пять тысяч человек. Все попытки местного самоуправления обозначить свое существование гасились в недрах администрации, которая сознательно затяги-

вала процедуру выделения поселка в самостоятельную административно-территориальную единицу. Власть даже не удосуживалась приписать этот населенный пункт к ближайшей Кривошековской волости. Томская администрация не стремилась рассматривать вопрос о статусе поселка, т.к. основу населения составляли крестьяне-переселенцы, арендующие кабинетские земли Алтайского округа. И в случае становления Новониколаевска как города необходимо было передать часть земли в собственность местного самоуправления, а это противоречило интересам кабинетской администрации, поскольку ограничивало поступление доходов от арендного хозяйства и лесопользования в округе в казну Кабинета Его Императорского Величества, т.е. учреждения, которое, по сути дела, заведовало личным имуществом русской императорской фамилии и поступлениями всех доходов на их содержание. В этих условиях власти Томской губернии не торопились вступать в противодействие с кабинетской бюрократией. Кроме того, это накладывало бы дополнительные обязанности на губернию по организации взаимодействия лесной стражи и полиции [19, с. 33]. Власти, занятые в 1896 г. подготовкой к празднованию по случаю коронации Николая II, от насущных проблем поселка, по сути дела, просто отмахнулись. А между тем именно во время проведения праздничных мероприятий в мае 1896 г. в поселке вспыхнул стихийный бунт. Итог был весьма печальный. В ходе празднования толпой были опрокинуты торговые палатки, часть товаров была украдена. Под напором толпы были уничтожены и палатки, которые установили для угощения собравшегося народа. Пострадал от бесчинства и винный погреб. Некоторых хулиганов, которые устроили погром, задержали местные жители – крестьяне. Их на подводе отправили в полицию в Кривошеково, но по дороге двое подозреваемых в погроме умерли, очевидно, от побоев. Эти факты стали известны общественности. Назрела необходимость в решении вопроса о судьбе поселка. Ходатайство о преобразовании поселка в город было рассмотрено Николаем II, который, учитывая распространенное мнение, что рост населения в поселке – это временное явление, что с окончанием строительства железнодорожного моста в 1897 г. и с уходом строителей произойдет остановка в развитии и последует отток населения из него, решил, что постановка такого вопроса преждевременна. Однако полицейский вопрос был решен положительно. На средства Кабинета в поселке было решено учредить должности полицейского пристава, его помощника и 10 стражников [6, л. 36-37].

В отличие от учреждения должностей горно-заводских приставов в Алтайском горном округе в 1867 г., когда бремя ответственности по содержанию было разделено поровну между заводским управлением и государственным казначейством, полиция в Новониколаевске содержалась полностью на средства Кабинета [18, с. 22]. Социально-экономическое положение в государстве и развитие товарно-денежных отношений создавали определенные трудности для привлечения финансовых средств государственного казначейства к удовлетворению потребностей частновладельческих интересов правящей династии. Министерство Императорского двора и уделов не выходило за рамки бюджета, определенного государственной сметой расходов, но вполне могло распоряжаться теми доходами, которые были получены предприятиями, принадлежащими царствующей фамилии. Поэтому решение самодержца об организации полиции в поселке Новониколаевске может быть рассмотрено как действие по учреждению в соответствии с законодательством полиции для защиты своих предпринимательских интересов.

Таким образом, Кабинету пришлось заниматься не свойственной ему функцией – учреждением и содержанием отдельного штата полиции в поселке Новониколаевске – и заботиться об обеспечении охраны общественного порядка. Все организационные вопросы полицейской службы были возложены на управление Алтайского округа, которое было менее всего компетентно в таком сложном и непростом вопросе. Управлению пришлось решать такие вопросы, как, например, производить расчет необходимого количества помещений для камеры предварительного заключения, определять количество лошадей для нужд полиции, организовывать закупку снаряжения и вооружения и т.д. В итоге Кабинетом были выделены денежные средства для организации работы полиции и оплаты жалованья полицейским чиновникам. Вместе с тем проектировщики не учли, что немалые расходы потребуются для содержания служебных и жилых помещений с отоплением и освещением, на канцелярские расходы, найма писцов и т.д. Просчеты администрации Кабинета в организации работы полиции в поселке были очевидны. Частично это можно объяснить тем, что никакого опыта в деле организации такого института, которым является полиция, у кабинетской администрации просто-напросто не было, отчасти нежеланием чиновников со всей ответственностью подойти к решению этой проблемы.

Назначенный по рекомендации санкт-петербургского градоначальника полицейским при-

ставом в Новониколаевске письмоводитель 2 участка Александро-Невской части столицы коллежский советник Иван Копейкин прибыл к месту службы в апреле 1898 г. В докладе томскому губернатору о состоянии полицейской службы в поселке он отмечал, что у полиции нет бумаг и чернил, что ему из своего жалованья приходится платить за жилье, отопление и освещение, и после всех выплат из жалованья остается около 250 руб. в год, что соответствует жалованию рядовых полицейских. По организации службы пристав отметил, что постоянных полицейских постов в поселке нет из-за малого количества стражников. Вечером проходить по улицам без револьвера небезопасно. После задержания полицейскими подозрительных лиц неизвестные выстрелили по окнам канцелярии и камере предварительного заключения, только по счастливой случайности никто не пострадал [4, л. 23-25].

Конечно, можно допустить, что вновь назначенный пристав Новониколаевска Иван Копейкин несколько сгущает краски, докладывая своему начальству о сложных условиях службы. Поэтому несколько подробнее остановимся на сложившейся в Томской губернской администрации практике формирования управленческого звена чинов полиции в Томской губернии, в т.ч. в Алтайском округе, во второй половине XIX в.

Нередко на должности руководителей полиции в округах (уездах) или городах губернии назначались выходцы из других губерний, соседних сибирских или даже приглашались из европейских губерний страны, включая и национальные окраины империи, такие как Польша или Прибалтика. Либо чиновники полиции, уроженцы губернии, продвигались по службе с низов карьерной лестницы, достигали ее вершин.

В сознании полицейских со всей очевидностью сложилось представление, что их карьерный рост или статус (положение) среди других чиновников в округе (уезде) или городе, наконец, их жалование и благополучие в целом их семей напрямую зависят от вышестоящих чиновников, которые занимали на то время высшие посты в губернии, поэтому чиновники стремились перед лицом вышестоящего начальства создавать о себе мнение как о ревностном слуге интересов государства, который, невзирая на все трудности и преодолевая опасность, остается на страже интересов государства.

Можно условно реконструировать менталитет чиновников, находящихся на службе полицейского ведомства на Алтае и, пожалуй, в Сибири в целом. Особенное рвение к службе наблюдалось у тех чиновников, которые были уроженцами Сибири и выходцами из низших сословий, сумели своим при-

лежанием и усердием в службе достичь высокого положения в иерархии сословной лестницы. Другим примером рвения к службе у сибирского чиновничества может служить то обстоятельство, что иного стабильного источника дохода у большинства из них просто не было, и государственная служба выступала в качестве единственного источника доходов зачастую для всей семьи чиновника.

Иллюстрацией к подобному утверждению могут послужить отдельные фрагменты из биографии Фелициана Игнатьевича Стоцкого, который одно время возглавлял томское окружное (уездное) управление, и Порфирия Алексеевича Кайдалова, руководившего полицейским управлением в г. Томске в пореформенный период. Первый из обозначенных чиновников происходил из семьи потомственных дворян Польши. Учился в Подольском уездном училище. Дальнейший карьерный рост этого чиновника связан с Сибирью, где он и продолжил службу, прослужив в полиции на различных должностях около тридцати лет. Фелициан Игнатьевич начинал службу с одной из самых рядовых должностей в чиновничьей лестнице – секретарь Киренского земского суда Иркутской губернии. Постепенно поднимаясь по ступенькам карьерной лестницы вверх, Ф.И. Стоцкий окончил службу в 1875 г. в должности Мариинского окружного исправника. За долгие годы службы полицейский был отмечен орденами Святой Анны и Святого Станислава со стандартной для того времени формулировкой «за отличную, усердную и ревностную службу». Такой послужной список может характеризовать его обладателя как добросовестного и исполнительного чиновника, впрочем, имевшего какие-то «грехи» по службе или оказавшегося неудобным или «ненужным» вышестоящему томскому начальству. Иначе как можно объяснить, что его карьера заканчивалась в отдалении от губернского центра – в Мариинске?

Карьера другого чиновника – Кайдалова – была связана с Томской губернией и г. Томском. Порфирий Алексеевич родился в семье священнослужителя, учился в духовном училище, и, собственно, все шло к тому, что он мог стать священником. Но в восемнадцатилетнем возрасте Кайдалов неожиданно для всех изменил вектор направления строительства своей духовной карьеры и посвятил себя гражданской службе. Точно не известно, что явилось причиной круто изменить судьбу. По одной из версий такому поступку поспособствовал пример старшего брата, который также, бросив духовную службу в консистории, устроился на службу в Томское губернское правление обыкновенным писцом. Первое время Кайдалов довольствовался скромной должностью канцеляриста в суде Каинского окру-

га (уезда). В дальнейшем ревностный исполнитель указаний вышестоящего начальства, продвигаясь по служебной лестнице, занял должность руководителя томской окружной полиции и в 1879 г. благополучно оставил службу. Его служебная деятельность была отмечена так же, как и Ф.И. Стоцкого, орденами Святой Анны и Святого Станислава, а также золотым перстнем с руки великого князя Владимира Александровича, который посещал Томск в то время, когда Кайдалов занимал должность местного полицмейстера, за образцовый порядок в городе.

Нередкими были случаи, когда чиновники полиции в силу служебной необходимости по распоряжению губернатора отправлялись в длительные (до нескольких лет) служебные командировки. Для полицейских такие командировки в конце XIX – начале XX в. стали обычным явлением. Как правило, это было связано с ростом численности населения в каком-либо одном населенном пункте и недостатком там специалистов полицейского дела. Чаще всего в командировки направлялись чиновники тех округов (уездов), на территории которых не было заметного притока населения и криминогенная ситуация оставалась стабильной. В числе часто командированных оказывались полицейские Кузнецкого, Змеиногорского окружных и Кольванского городского управлений. Чиновников этих управлений по распоряжению губернатора направляли в города, в которых наблюдался рост населения, в частности в Барнаул и Бийск. В начале XX в. к этим городам добавились Томск, Новониколаевск и новые городские поселения, возникшие вдоль железнодорожной линии в начале XX столетия [7, 3].

Еще одной иллюстрацией кадровых передвижений внутри губернии может послужить биография алтайского чиновника Е.П. Клевакина. За период своей карьеры, находясь на государственной службе, он сумел побывать на различных должностях. С 1884 г. за десятилетний период службы в губернии Клевакин занимал должности смотрителя томского тюремного замка, зырянковского полицейского пристава, помощника бийского окружного исправника министерства внутренних дел и, наконец, конторщика в Гурьевской конторе Алтайского горного округа ведомства Кабинета [5].

Итак, в процессе формирования полицейских чиновников Алтайского округа Томской губернии и расположенных на их территории городов в пореформенный период можно обозначить следующие моменты: служба в полиции была привлекательна для тех, у кого не было стабильного источника доходов или не было возможности заниматься какой-либо иной профессиональной деятельностью; нередко на службу в полицию устраивались выходцы из

других губерний Европейской России, рассчитывающие в сибирских условиях добиться более скорейшего карьерного роста, чем у себя на родине; не исключением было назначение на высшие руководящие должности в губернскую полицию представителей нерусской нации, например поляков, немцев, латышей; наконец, формирование высшего эшелона полицейской власти в губернии происходило за счет ротации имеющихся кадров служащих как внутри Сибири и отдельной губернии, так и между учреждениями различных министерств.

Дальнейшая организация полицейского управления в Новониколаевске связана с присвоением поселку статуса города, когда Кабинетское начальство отошло от участия в судьбе города. За 4 года до присвоения поселку статуса города в 1899 г. произошло несущественное увеличение количества полицейских стражников – до 20 человек, однако все это не способствовало криминальной разрядке в поселке.

С 10 января 1904 г. по старому стилю, или с 28 декабря 1903 г. по новому стилю, Новониколаевск стал городом. Кабинет не участвовал в финансировании расходов на полицию, и вся дальнейшая ответственность за организацию работы полиции была возложена на губернские власти. В 1909 г. в городе был учрежден отдельный штат полиции во главе с полицмейстером, двумя участковыми приставами, шестью околоточными надзирателями, секретарем и пятьюдесятью городскими.

Просчеты кабинетской администрации по организации службы новониколаевской полиции самым негативным образом сказались на ее дальнейшей судьбе. Время от времени в прессу просачивались скандальные известия о разгуле преступности в городе или о коррупции в среде полицейских чинов [1, 15].

В этой связи характерным примером может послужить биография одного из полицмейстеров города Новониколаевска по фамилии Висман. Интерес к описанию исторических фактов из жизни руководителей полиции в последнее время способствовал их изучению. Примером такого рода может послужить вышедшая монография К.В. Лена «Знаменитые сыщики Российской империи (XVIII – начало XX в.)» [9].

Проявление особого интереса к личностным качествам чинов полиции появилось у населения сибирской глубинки в конце XIX – начале XX в. Тогда в прессе стали печатать не только криминальную хронику, но и некоторые подробности деятельности полицейских.

Например, в январе 1913 г. в омской судебной палате слушалось дело барнаульского уездного исправника Г.Г. Григорьева и бывшего столоначаль-

ника этого же управления К.А. Жиликова, обвиняемых в превышении своих должностных полномочий, связанных с отбыванием арестантом в тюремном замке вместо назначенного по суду срока 2 месяца 4. И хотя Григорьева оправдали, и он вновь занял прежнюю должность, тем не менее это событие получило широкий резонанс в обществе [8]. Карьера исправника завершилась после февральской революции 1917 г., когда проходила чистка рядов милиции и избавление от прежних служителей царского режима, которые так или иначе скомпрометировали себя службой. «26 марта 1917 г. комиссариатом по управлению томской губернией Временного правительства был уволен "по случаю преобразования полиции в милицию" барнаульский уездный исправник Григорий Григорьев» [17, с. 23].

Особенно красочно характеристика полицейских и их деятельности преподносилась со страниц либеральных периодических изданий, нередко украшенная различными подробностями, которые оставались незаметными для глаза простого обывателя, и не без доли иронии. Так, например, из-за перевода исправника Кузнецкого уезда Г. Донорского на должность Алтайского горного исправника на страницах «Сибирской жизни» появился очерк о деятельности этого чиновника. В частности, отмечалось, что при всем его внешне корректном и тактичном поведении для простых обывателей он не сделал ничего хорошего и полезного, как и для самого полицейского управления. Другой исправник А.А. Зеленский организовал «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся». Приступил к организации «Вольной пожарной дружины». Было собрано около 700 руб., но Зеленского перевели в Мариинск, и общество исчезло, как и те деньги [14].

Другой пример рассказывал о деятельности полиции бийского уезда. В Быстром Истоке в конторе «Сибирской компании» был похищен ящик с деньгами, около двенадцати тысяч рублей. Даже по сегодняшним временам расстояние от Барнаула до Быстрого Истока приличное, тем загадочнее выглядела ситуация, когда чиновников барнаульской полиции горожане и сельчане Бийска и его близлежащих окрестностей длительное время наблюдали в бийском уезде. Как было написано на страницах «Сибирской жизни», «...барнаульская полиция проявляет небывалое усердие в розыске преступников. Пристава и околоточные ночей не спят: один на моторной лодке караулит похитителей на Оби выше города, разъезжая по всем протокам и расспрашивая всех встречных о "приметных людях", другой на простой лодке тоже самое проделывает по Оби ниже города; третий верхом на лошади едет на заимку; четвертый караулит на паромных приста-

вах, пятый рыщет по городу. Вся полиция на ногах. Что за причина такого небывалого усердия? Оказывается фирма обещала пойманному преступников с деньгами награду в 1 тысячу рублей» [14].

В начале XX в. на страницах прессы стали появляться публикации, посвященные личности отдельных полицейских чиновников, которые оказывались замеченными в каких-либо скандалах, происшествиях или преступлениях. Наиболее известным среди таких случаев служит приводимый в качестве примера процветания коррупции среди чинов полиции образ начальника новониколаевской полиции Висмана. В свое время Г.Х. Рабинович в статье, посвященной истории крупной буржуазии г. Новониколаевска, приводил преступную деятельность Висмана на посту руководителя городской полиции города в качестве одного из примеров накопления первоначального капитала [13, с. 73].

В настоящее время благодаря публикациям в сети Интернет новосибирского журналиста Сергея Слугина стали известны новые факты о деятельности этого полицейского служителя. Этнический немец, уроженец Риги Бернхард Петрович Висман родился в 1877 г. Окончил столичные курсы урядников и продолжил карьеру в Томской губернии. Был урядником в Каинском уезде, затем служил в заштатном городе Кольвань. Быстро продвигаясь по карьерной лестнице, перебрался в Новониколаевск, где был назначен на должность полицейского пристава одного из участков, а затем и полицмейстера всего города. Висман в своей деятельности использовал все возможные способы, чтобы навести в городе порядок. Нередко в своей деятельности он пользовался и запрещенными методами: запугивал и избивал попавшихся на краже воров-карманников или задержанных за хулиганство или драки обывателей. Конечно, это могло остаться незамечено криминальными элементами. Были попытки вступить в противоборство с полицмейстером. Нередко в его сторону летели булыжники. При задержании преступников-рецидивистов Висман обезоруживал пытавшихся напасть на него с ножом, вступал с криминалом в перестрелку. Вскоре по городу поползли слухи о необыкновенно везучем, сильном и страшно суровом полицмейстере, и непростая криминальная ситуация в городе стала постепенно меняться в лучшую сторону. Мелкие местные воры и хулиганы поутихли. Заезжие «гастролеры» отправились в другие города к «более лояльным» полицмейстерам. Заслуга и успех Висмана заключались в том, что, не обладая специальными знаниями в работе уголовного розыска, ему удалось создать свою агентурную сеть, с помощью которой он был осведомлен, где планируется пре-

ступление или где можно разыскать того или иного преступника [16].

К сожалению, уверовав во вседозволенность применения любых методов в решении проблем обеспечения охраны общественного порядка, полицмейстер преступил закон. Его дальнейшая деятельность стала носить криминальный отпечаток. По сути дела, он начал вымогать деньги с держателей торговых точек, питейных заведений и публичных домов. Говоря современным языком, он стал коррупционером.

Профессиональная деятельность полицмейстера была оценена на страницах той же периодической печати достаточно высоко, и эта оценка была выявлена в результате опроса обывателей г. Новониколаевска. Одной из главных его заслуг было то, что при нем были практически полностью ликвидированы преступные шайки, занимавшиеся разбойничьими нападениями и грабежами населения, которые процветали в 1906-1907 гг. [1]. Проведенный анализ публикаций криминальных происшествий в некоторых периодических изданиях, выходящих в свет в губернии в этот период времени, действительно показывает достаточно высокую степень криминализации жизни в этом городе в сравнении с другими городами. Журналистские заметки живописуют криминальную обстановку в городе. «Убивают и грабят на каждом шагу, так на праздниках убито 11 человек, по вечерам теперь ходить нет возможности» [15]. В некоторых газетных номерах описывалось до 12 криминальных происшествий, которые случились за одну неделю [2].

После 1907 г. заметки о криминальных событиях в Новониколаевске стали появляться реже. Статистика о количестве насильственных смертей

в этот период в г. Новониколаевске также идет на убыль: 1905 г. – 13, 1908 г. – 11, 1909 г. – 5 [10-12].

Очевидно, что деятельность Висмана на посту полицмейстера носила не только негативный характер, но и благоприятно сказывалась в деле обуздания преступности. Тем не менее Висман был отстранен от должности и отдан под суд. По мнению «Алтайской газеты», кампанию против полицмейстера организовали некоторые влиятельные лица города, возможно, являвшиеся представителями крупного капитала, т.к. больше всего Висмана обвиняли со страниц «Сибирского коммерсанта» и «Сибирских вопросов». Это была своеобразная месть за то, что полицмейстер прекратил незаконные операции с потерявшимся имуществом, которые проводили некоторые члены городского самоуправления [1].

Как бы то ни было, деятельность Висмана на посту полицмейстера г. Новониколаевска закончилась.

В целом следует отметить, что чиновникам Кабинета было сложно организовать деятельность полицейского управления в г. Новониколаевске. Сегодня сложно точно утверждать, в чем заключалась основная трудность – неумение выполнить порученное дело или обыкновенное нежелание заниматься несвойственными функциями. Возможно, и то и другое. Подбор кадров на ключевые должности полицейских также оставлял желать лучшего. На ведущие руководящие должности могли назначаться либо полностью подконтрольные вышестоящей администрации лица, которые стремились успешно сделать карьеру, при этом мало заботясь о нуждах населения, либо успешные чины, справлявшиеся с возложенными обязанностями, но погрязшие в коррупции.

Литература

1. Алтайская газета. 1910. 6 апреля.
2. Алтайская газета. 1907. 8 февраля.
3. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 3. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.
4. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 117.
5. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8. Л. 175; Д. 21. Л. 12; Д. 19. Л. 1.
6. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1.
7. Государственный архив Томской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3851. Л. 2об.-3, 9об.-10об.
8. Жизнь Алтая. 1913. 16 января.
9. Лен К.В. Знаменитые сыщики Российской империи (XVIII – начало XX в.): монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 66 с.
10. Обзор Томской губернии за 1905 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету томского губернатора. Томск, 1906.
11. Обзор Томской губернии за 1908 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету томского губернатора. Томск, 1909.
12. Обзор Томской губернии за 1909 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету томского губернатора. Томск, 1910.
13. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия Новониколаевска (Новосибирска) в период капитализма // Из истории Алтая. Томск, 1978.

14. Сибирская жизнь. 1913. 9 августа.
15. Сибирская мысль. 1907. 10 января.
16. Слугин С.А. История полицмейстера // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/istoriya-politseystera> (дата обращения: 24.01.2018).
17. Суверов Е.В., Карпов Р.А. Влияние негативных последствий Первой мировой войны и февральской революции 1917 г. на деятельность милиции в Алтайской губернии (февраль-октябрь 1917 г.) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 4.
18. Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н. Участие населения Западной Сибири в охране общественного порядка в период второй половины XIX – первой половины XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3.
19. Тяпкин М.О., Антропов В.М. Формы взаимодействия полиции и лесной стражи при реализации государственной функции по охране лесов во второй половине XIX – начале XX в. (к 300-летию российской полиции) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3.

УДК 351.742(571.1)

А.Н. Померлян, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

E-mail: pomerlyan_nvi@mail.ru;

В.Е. Санин, канд. юрид. наук

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

E-mail: sanin.vlad1983@yandex.ru

РУКОВОДСТВО ЖАНДАРМСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1893-1917 ГГ.)

На основе проведенных авторами статьи исследований составлен коллективный портрет начальников жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги. В работе проанализированы данные начальников управления: этническое и социальное происхождение, вероисповедание, образовательный уровень, общий стаж службы, опыт работы в жандармских подразделениях и др. Реконструкция коллективного портрета позволила выявить особенности кадровой политики, проводимой в железнодорожных подразделениях Отдельного корпуса жандармов в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: начальник жандармского полицейского управления, жандармское полицейское управление Сибирской железной дороги, Отдельный корпус жандармов, Сибирь, железная дорога, назначение, деятельность, образование, опыт работы.

A.N. Pomerlyan, PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor

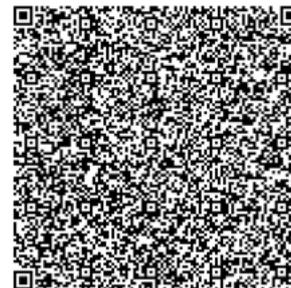
Novosibirsk Military Institute named after General of the Army
I.K. Yakovlev of National Guard Troops of the Russian Federation

E-mail: pomerlyan_nvi@mail.ru;

V.E. Sanin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of National Guard
Troops of the Russian Federation

E-mail: sanin.vlad1983@yandex.ru

LEADERSHIP OF THE GENDARMERIE POLICE DEPARTMENT SIBERIAN RAILWAY (1893-1917)

Collective portrait of the chiefs of the gendarmerie police Department Siberian railway is composed on the basis of the authors' research. This paper analyzes the data heads of department: ethnic and social origin, religion, educational level, total work experience, experience in gendarme units and others. The reconstruction of the collective portrait allowed revealing the peculiarities of personnel policy in the railway units of the gendarmerie in the late XIX – early XX centuries.

Key words: head of the gendarmerie police department, the gendarmerie police of the Siberian railway, the Separate corps of gendarmes, Siberia, railway, appointment, activities, education, experience.

Задолго до начала строительства Сибирского железнодорожного пути государственные деятели Российской империи понимали, что железная дорога, связав Сибирь и Дальний Восток с центральной Россией, позволит не только открыть «в Сибири новые рынки для сбыта произведений Европейской России» [10, с. 64], но и «доставит самой Сибири возможность идти по пути правильного экономического развития» [10, с. 64].

Сибирская железная дорога проходила по территории Западной Сибири, где «совершались многочисленные преступления – от убийств, разбоев, грабежей до самых изощрённых мошенничеств» [12, с. 22]. Особая значимость Сибирской железной дороги, особенности её эксплуатации требовали от руководства военного министерства, министерств внутренних дел и путей сообщения принятия адекватных мер по обеспечению безопасности перевозок на всем протяжении магистрали. Выполнение этой многотрудной задачи возлагалось на чинов временного Омского жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги (далее – Омское ЖПУ СЖД), учрежденного по Высочайшему повелению 20 июня 1893 г. [1].

Начальник жандармского полицейского управления как главное должностное лицо отвечал за организацию и качество работы подчиненных отделений, обеспечивающих правопорядок на закрепленных участках, и играл важную роль в организации работы сложного механизма под названием Сибирская железная дорога. Начальник управления заведовал управлением на правах полкового командира и назначался на должность (в чине полковника или генерал-майора) приказом по Отдельному корпусу жандармов (ОКЖ).

По мере постройки дороги менялись структура и штаты управления, возрастал объем задач, возлагаемых на чинов железнодорожной жандармерии, росла ответственность начальника управления. Так, если в 1893 г. в составе управления было 8 отделений [1] со штатом в 130 человек, то уже к концу 1914 г. эти цифры равнялись соответственно 20 отделений и 494 человек по штату [5, л. 71-73об.].

Для более точного отражения событий с назначением и деятельностью начальников жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги необходимо напомнить, что первоначально в период строительства с 1893 по 1900 гг. существовали Западно-Сибирская и Средне-Сибирская железные дороги, и полицейский надзор на их территории обеспечивало временное Омское ЖПУ СЖД. В 1900 г. произошло объединение вышеназванных железных дорог в одну Сибирскую железную дорогу [2]. Временное Омское ЖПУ СЖД было пере-

именовано в жандармское полицейское управление Сибирской железной дороги (далее – ЖПУ СЖД) с перемещением штаб-квартиры из города Омска в город Томск [3, л. 75]. С 1915 г. в условиях Первой мировой войны для оперативности управления Сибирская железная дорога была разделена на Омскую и Томскую, а жандармское полицейское управление Сибирской железной дороги соответственно было преобразовано в два: Омское жандармское полицейское управление железных дорог со штаб-квартирой в городе Омске и Томское жандармское полицейское управление железных дорог со штаб-квартирой в городе Томске [5, л. 71]. В таком состоянии они просуществовали вплоть до Февральской революции 1917 г.

Со времени начала строительства Сибирской железной дороги в 1892 г. и до её раздела на Омскую и Томскую в начале 1915 г. на должность начальника жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги назначались 6 офицеров ОКЖ. Это были: подполковник Кирсанов Дмитрий Ефимович (29.07.1893-28.02.1898), полковник Каханов Семён Иванович (28.02.1898-25.01.1902), полковник князь Волконский Михаил Викторович (22.04.1902-24.12.1902), подполковник Сыропятов Александр Петрович (10.01.1903-10.09.1906), подполковник Деболи Владимир Николаевич (10.09.1906-03.04.1911), полковник Бардин Леонид Алексеевич (16.04.1911-19.01.1915).

После образования Томского жандармского полицейского управления железных дорог его начальником 19 января 1915 г. был назначен полковник Львов Николай Васильевич [11, с. 309]. Позднее в соответствии с приказом по ОКЖ от 3 января 1917 г. [9, с. 473] его должен был сменить полковник князь Путятин Константин Владимирович, но по причине начавшейся революции к исполнению обязанностей так и не приступил.

Начальником Омского жандармского полицейского управления железных дорог 19 января 1915 г. стал подполковник Улан-Полянский Сергей Самуилович [11, с. 334]. 25 мая 1916 г. он был уволен по болезни, в соответствии с приказом от 30 мая того же года его сменил подполковник Кастрицин Вячеслав Леонтьевич, который исполнял обязанности до Февральской революции 1917 г.

Известно, что к комплектованию кадрового состава корпуса, особенно офицерским составом, власти подходили очень серьёзно, не говоря уже о подборе офицеров на должность начальника жандармского полицейского управления железной дороги.

Коллективный портрет лиц, назначаемых в разное время на должность начальника жандармского управления Сибирской железной дороги, целесоо-

образно выстроить посредством учета основных требований, предъявляемых к офицерам Отдельного корпуса жандармов. Это, во-первых, этническое, социальное происхождение и вероисповедание, во-вторых, образовательный уровень и, в-третьих, общий стаж службы, опыт работы в жандармских подразделениях.

Исходя из сведений, полученных из издаваемых ежегодно штабом ОКЖ списков общего состава управлений и чинов ОКЖ, приказов по корпусу, вырисовывалась следующая картина.

Все без исключения начальники ЖПУ СЖД по этническому происхождению были русскими православного вероисповедания. По социальному происхождению все, кроме А.П. Сыропятова, были из потомственных дворян, при этом К.В. Путятин и М.В. Волконский носили родовой княжеский титул. А.П. Сыропятов был «сыном капитана». Особо можно отметить происхождение С.И. Каханова, отец которого генерал от артиллерии И.С. Каханов с 1884 г. был Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором, а в 1893 г. назначен членом Государственного Совета.

Средний возраст офицеров, назначаемых на должность начальника жандармского полицейского управления, составлял 49 лет, что говорит о наличии у всех богатого жизненного опыта. Самым молодым начальником управления стал князь М.В. Волконский в 42 года, при этом звание полковника он имел уже в 39 лет, будучи на должности полицмейстера города Баку. Самым возрастным был начальник Омского управления подполковник С.С. Улан-Полянский, при назначении в 1915 г. ему уже исполнилось 56 лет. В целом прослеживается тенденция назначения возрастных начальников (50-56 лет) именно после 1915 г., что связано, по-видимому, с дефицитом кадров в условиях войны.

Семейное положение рассматриваемых лиц следующе. Женаты были все, кроме С.И. Каханова, Д.Е. Кирсанов был дважды женат и имел 6 детей, не было детей лишь у князя М.В. Волконского, который женился предположительно в возрасте 44 лет, и у Н.В. Львова, который вступил в брак в возрасте 52 лет.

Переходя к рассмотрению образовательного уровня офицеров, назначаемых на должность начальника железнодорожной жандармерии, следует оговориться, что в ОКЖ существовала строгая система отбора, а затем и подготовки офицеров к их практической деятельности на местах. Нередко исследователи критически оценивают уровень профессиональной подготовки офицеров ОКЖ [7, с. 315-344], но справедливости ради необходимо отметить, что железнодорожные жандармы в целом

всегда успешно решали поставленные перед ними задачи.

Рассматриваемые нами должностные чины жандармерии блестяще, по 1 разряду, закончили военные училища, как и требовали того правила приема офицеров в ОКЖ. Правда, были и исключения. Например, по 2 разряду закончили Д.Е. Кирсанов – Александровское военное училище, а В.Н. Деболи и Л.А. Бардин – Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище. Следует выделить С.И. Каханова, окончившего самое престижное учебное заведение Императорской России – Пажеский Его Императорского Величества Корпус камер-пажом по 1 разряду.

Таким образом, можно констатировать, что все офицеры, назначаемые на должность начальника ЖПУ СЖД, имели качественное военное образование, при этом сведениями о наличии у них какого-либо юридического образования мы не располагаем. Можно предположить, что недостаток базовых юридических знаний компенсировался богатым жизненным и служебным опытом. Достаточно сказать, что до назначения они имели опыт службы на различных должностях в ОКЖ от 13 (Д.Е. Кирсанов) до 25 лет (К.В. Путятин), средний показатель – 15 лет. Два офицера имели опыт службы в должности полицмейстера города: князь М.В. Волконский в Дербенте и Баку, Д.Е. Кирсанов в Белостоке.

Особо хотелось бы выделить наличие у офицеров опыта службы именно в жандармских подразделениях железных дорог. Таким опытом располагали: Д.Е. Кирсанов – 8 лет, А.П. Сыропятов – 6,5 лет, В.Н. Деболи – 13,5 лет, Л.А. Бардин – 1 год, Н.В. Львов – 17 лет, К.В. Путятин – 23 года, С.С. Улан-Полянский – 20 лет, В.Л. Кастрицин – 13 лет, средний показатель – 10 лет. Не имели подобного опыта службы полковники С.И. Каханов и князь М.В. Волконский. Но о их служебном пути следует рассказать поподробней.

С.И. Каханов по окончании Пажеского Корпуса в 1870 г. служил в Гвардейской Конно-Артиллерийской бригаде и Лейб-Гвардии 2 артиллерийской бригады, был ординарцем при графе Лорис-Меликове, с 1880 г. адъютант при командире ОКЖ, с 1894 г. штаб-офицер для особых поручений при командире ОКЖ. Полковник с 1893 г. В 1897 г. был прикомандирован в Санкт-Петербург – к Варшавскому ЖПУ ЖД. 28 февраля 1898 г. полковник С.И. Каханов был назначен начальником временного Омского ЖПУ (с 1900 г. ЖПУ СЖД) и руководил им вплоть до своей скорострительной кончины 25 января 1902 г.

М.В. Волконский был включен в состав ОКЖ 20 апреля 1902 г., а уже 22 апреля он назначен на вакантную должность начальника ЖПУ СЖД. По всей

видимости, это назначение состоялось в результате сложившейся нештатной обстановки, связанной со смертью полковника С.И. Каханова. Такое предположение можно сделать в связи с тем, что М.В. Волконский руководил вверенным управлением всего 8 месяцев. Материалы инспекторских проверок ЖПУ СЖД тех лет свидетельствуют о неудовлетворительном состоянии отдельных сфер хозяйственной и служебной деятельности ряда жандармских отделений [6, л. 186-191].

10 января 1903 г. управление возглавил подполковник Сыропятов Александр Петрович [4, л. 110б.]. Это был опытный с 15-летним стажем службы в ОКЖ офицер, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Кроме него, из числа начальников ЖПУ СЖД участие в боевых действиях с турками в 1877-1878 гг. принимали только Д.Е. Кирсанов и С.И. Каханов.

Руководить жандармским управлением А.П. Сыропятову пришлось в сложной ситуации. На востоке страны обострилась внешнеполитическая обстановка, Япония грозила России войной, а состояние дел в управлении оставалось неудовлетворительным. В этих условиях командир корпуса ставит вновь назначенному начальнику ЖПУ задачу «устранить все замеченные неисправности и привести вверенное управление в надлежащий порядок и на уровень остальных жандармских полицейских управлений» [6, л. 212]. Нужно отдать должное организаторским способностям и личным качествам полковника (30.01.1903) А.П. Сыропятова [8, с. 182], который в короткий срок сумел сплотить подчиненных и обеспечить безопасность перевозок людей и грузов по Сибирской железной дороге в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. Он стал единственным начальником ЖПУ СЖД, которому на этой должности было присвоено воинское звание «генерал-майор» (04.1906).

Не менее трудную задачу пришлось решать и преемнику А.П. Сыропятова подполковнику В.Н. Деболи. Он был назначен на должность 10 сентября 1906 г., когда еще не утих пожар революции, именно полковнику (26.09.1906) В.Н. Деболи пришлось решать задачи совершенствования работы ЖПУ и повышения эффективности жандармского

надзора на закрепленных территориях с учетом недостатков, выявленных в ходе противостояния революционным выступлениям рабочих и служащих железных дорог в 1905-1907 гг.

Последний начальник жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги полковник Л.А. Бардин, назначенный 16 апреля 1911 г., вплоть до раздела управления на два в 1915 г. решал вопросы качественного обеспечения порядка, благочиния и общественной безопасности в районе действия жандармского управления железных дорог, который простирался на всю территорию, отведенную под железные дороги и все находившиеся в этой полосе постройки и сооружения.

Средняя продолжительность нахождения в должности начальника ЖПУ СЖД (без учета начальников Омского и Томского управлений) составила 3,6 года. Больше всех пробыли в должности полковник Д.Е. Кирсанов (4 года 7 месяцев) и полковник В.Н. Деболи (4 года 3 месяца).

Подводя итог, можно сказать, что все без исключения офицеры, в разное время занимавшие должность начальника жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги, были людьми во всех отношениях достойными, настоящими патриотами своей великой Родины и до конца исполнившими свой долг по обеспечению спокойствия и безопасности граждан Российской империи. Как мы уже отмечали выше, за успехи по руководству жандармским полицейским управлением Сибирской железной дороги высоким званием генерал-майор был удостоен А.П. Сыропятов (1906 г.). Кроме него, генералами стали, будучи на других должностях, Д.Е. Кирсанов (1902 г.), князь М.В. Волконский (1906 г.), Л.А. Бардин (1916 г.), В.Н. Деболи (1917 г. после увольнения). В период исполнения обязанностей начальника жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги были награждены орденами: Святого Владимира 3-й степени – С.И. Каханов, А.П. Сыропятов, Л.А. Бардин; Святой Анны 2-й степени – С.С. Улан-Полянский; Святого Станислава 2-й степени – Д.Е. Кирсанов; Святого Владимира 4-й степени – князь М.В. Волконский, В.Н. Деболи, Н.В. Львов.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Начальники жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги

Ф.И.О. (даты жизни)	Образование	В корпусе жандармов	Период руководства жандармским поли- цейским управлением СЖД (чин)	Награды в период руководства жан- дармским полицей- ским управлением СЖД
Временное Омское жандармское полицейское управление Сибирской железной дороги				
Кирсанов Дми- трий Ефимович (20.11.1845-?)	Александровское военное училище по 2 разряду	29.02.1880	29.07.1893- 28.02.1898 (полковник 17.04.1894)	Орден Святого Станислава 2-й степени (1896 г.)
Каханов Се- мён Иванович (24.07.1851- 25.01.1902)	Пажеский его Импе- раторского Величе- ства Корпус, камер- паж по 1 разряду	28.05.1897	28.02.1898- 25.01.1902 (умер от разрыва сердца) (полковник 30.08.1893)	Орден Святого Вла- димира 3-й степени (1900 г.)
Жандармское полицейское управление Сибирской железной дороги				
Князь Волконский Михаил Викторо- вич (22.08.1859- март 1908)	Николаевское кавказ- ское училище по 1 разряду	20.04.1902	22.04.1902- 24.12.1902 (полковник 06.12.1898)	Орден Святого Владимира 4-й степени (1902 г.)
Сыропятов Алек- сандр Петрович (25.05.1855-июль 1915)	Сибирская военная гимназия, 2 военное Константиновское училище по 1 разряду	05.10.1887	10.01.1903- 10.09.1906 (полков- ник 30.01.1903; генерал-майор 02.04.1906)	Орден Святого Вла- димира 3-й степени (1905 г.)
Деболи Влади- мир Николаевич (17.03.1860-?)	1 Варшавская гим- назия, Елисаветград- ское кавалеристское юнкерское училище по 2 разряду	22.06.1890	10.09.1906- 03.04.1911 (полковник 26.09.1906)	Орден Святого Владимира 4-й степени (15.09.1908)
Бардин Леонид Алексеевич (21.02.1864- 01.08.1936)	Михайловская Воро- нежская военная гим- назия, Елисаветград- ское кавалеристское юнкерское училище по 2 разряду	21.07.1889	16.04.1911- 19.01.1915 (полковник 06.12.1906)	Орден Святого Вла- димира 3-й степени (06.12.1912)
Томское жандармское полицейское управление железных дорог				
Львов Нико- лай Васильевич (10.09.1864-?)	2 кадетский корпус, 2 военное Константи- новское училище по 1 разряду	26.12.1895	19.01.1915- 03.01.1917 (полковник 06.12.1912)	Орден Святого Вла- димира 4-й степени (30.07.1915)
Князь Путятин Константин Владимирович (26.04.1863- 1920 г.?)	Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, Михайлов- ское артиллерийское училище по 1 разряду	09.06.1891	Назначен 03.01.1917 – к исп. обязан. не при- ступил (полковник 06.05.1914)	

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Омское жандармское полицейское управление железных дорог				
Улан-Полянский Сергей Самуилович (29.06.1858-?)	1 Московская военная гимназия, Николаевское кавалерийское училище по 1 разряду	07.02.1894	19.01.1915-25.05.1916 уволен по болезни (полковник 22.03.1915)	Орден Святой Анны 2-й степени (11.05.1915)
Кастрицин Вячеслав Леонтиевич (16.05.1863-?)	Нижегородская графа Аракчеева военная гимназия, 3 военное Александровское училище по 1 разряду	10.04.1895	30.05.1916-02.1917 (полковник 05.10.1916)	

Литература

1. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром «Об учреждении временного Омского Жандармского Полицейского Управления Сибирской железной дороги» от 20 июня 1893 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. СПб., 1897. Т. XIII. № 9818.
2. Высочайшее повеление, объявленное Министром Путей Сообщения «О присвоении объединяемым Западно- и Средне-Сибирским железным дорогам общего наименования "Сибирская железная дорога"» от 17 декабря 1899 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. СПб., 1902. Т. XIX. Отд. I. № 17892.
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 110. Оп. 22. Д. 233.
4. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 22. Д. 333.
5. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 434. Оп. 1. Д. 6.
6. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 26.
7. Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сборник научных статей. Курск: КГУ, 2012. Вып. 5.
8. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 20 июля 1903 г. СПб.: Типография Штаба Отд. Корп. Жанд., 1903.
9. Приказы ОКЖ 1916-1917 гг. Русский книжный фонд. РНБ. СПб.
10. Путеводитель по великой Сибирской железной дороге / под ред. А.И. Дмитриева-Мамонтова и инжен. А.Ф. Здзярского. СПб.: Товарищество Художественной Печати, 1900.
11. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 1 июля 1915 г., 1 и 2 части. Петроград: Типография Штаба Отд. Корп. Жанд., 1915.
12. Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н. Участие населения Западной Сибири в охране общественного порядка в период второй половины XIX – первой половины XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 21-25.

УДК 343.163(571.150)

С.П. Шатилов, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: shatilov_sp@mail.ru;

О.А. Шатилова, канд. ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: shatilova_oa@mail.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

В статье на основе архивных материалов дается историко-правовой анализ деятельности органов прокуратуры Алтайского края по надзору за соблюдением законности судами в годы Великой Отечественной войны. Подробному анализу подвергнуты такие направления деятельности органов прокуратуры, как: изучение судебной практики по делам различной категории; порядок опротестования явно мягких либо излишне жестких судебных приговоров; осуществление контроля за своевременным и оперативным рассмотрением судами дел ввиду недопущения их волокиты; проведение работы по устранению ошибок, допущенных судами при квалификации правонарушений.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, судебная практика, милиция, правоохранительные органы, виды преступлений.

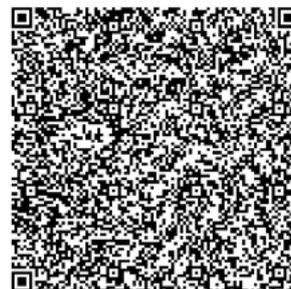
S.P. Shatilov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shatilov_sp@mail.ru;

O.A. Shatilova, PhD. (Candidate of Historical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shatilova_oa@mail.ru

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER LAW OBSERVANCE IN THE ACTIVITIES OF COURTS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON MATERIALS OF THE ALTAI REGION)

The historical and legal analysis of the activity of the prosecution agencies of the Altai Region on supervision of observance of legality by vessels during the Great Patriotic War is given in the article on the basis of archival materials. The following areas of activity of the prosecution agencies are subjected to detailed analysis: study of judicial practice in cases of different categories; the procedure of appeal is clearly mild, judicial sentences are excessively rigid; control over timely and prompt consideration of cases by the courts in view of preventing their red tape; work on elimination of errors made by the courts in the classification of offences.

Key words: prosecutor's office, prosecutor's supervision, judicial practice, militia, law enforcement agencies, types of crimes.

В годы Великой Отечественной войны надзор за правильным и единообразным применением законов судами становится важной гарантией защиты прав граждан со стороны государства. Граждане

Советского Союза, попавшие в «горнило» войны, должны были быть уверены в справедливом решении суда. Поэтому органы прокуратуры уделяли особое внимание этому направлению деятельности.

В рассматриваемый период прокуратура Алтайского края в сфере судебной деятельности проводила работу по трем направлениям: поддержание государственного обвинения по уголовным делам; участие в суде при рассмотрении гражданских дел; надзор за законностью выносимых судом решений.

В процессе реализации данных направлений деятельности органы прокуратуры решали следующие задачи:

а) изучали судебную практику по делам различной категории;

б) опротестовывали явно мягкие либо излишне жесткие судебные приговоры;

в) контролировали своевременное и оперативное рассмотрение судами дел ввиду недопущения их волокиты;

г) требовали устранять ошибки, допущенные судами в квалификации правонарушений [8, с. 72].

А. Изучение судебной практики по делам различной категории.

Так, в конце 1941 г. в результате изучения судебной практики по делам, рассмотренным народными судами Волчихинского, Андреевского, Залесовского, Грязнухинского, Белоглазовского, Алтайского и Кулундинского районов в порядке, предусмотренном постановлением ЦИК и СНК СССР от 11.04.1937, по искам Уполнаркомзагов о взыскании недоимок и штрафов по государственным натуральным поставкам были выявлены следующие факты:

1. Основную массу составляли иски о взыскании недоимок и штрафов по государственным натуральным поставкам с единоличников и колхозников. Иски о взыскании недоимок по государственным поставкам с колхозов, а также иски о взыскании налоговых платежей были единичны.

2. Народные суды рассматривали дела с грубым нарушением ст. 98 ГПК. Так, народный суд Кулундинского района рассмотрел с нарушением ст. 98 УПК РСФСР свыше 50% дел, а народные суды Волчихинского района – свыше 15% дел.

3. Суды взыскивали штрафы и не взыскивали натурой недоимки. Также суды взыскивали недоимки, но не взыскивали штрафы. Например, суды Андреевского, Залесовского, Грязнухинского и Кулундинского районов, народные суды Алтайского района по ряду дел законно взыскали госпоставки в натуре и штрафы, однако незаконно указали в решении, что в случае погашения недоимок госпоставки в натуре в десятидневный срок со дня вынесения решения штраф не подлежит взысканию. Народный суд Алтайского района, как правило, указывал в своих решениях о взыскании мяса в натуре, в то время как согласно примечанию к ст. 4 постановле-

ния ЦИК и СНК СССР от 11.04.1937 мясо и зерно с единоличников и колхозников подлежало взысканию в безвозмездном порядке.

4. В своих решениях народные суды допускали взыскание штрафа и натурой по госпоставкам и не всегда указывали, что взыскание штрафа может быть обращено на имущество ответчика.

5. Народные суды Волчихинского и Залесовского районов по ряду дел взыскивали штрафы в трехкратном размере и освобождали хозяйство от сдачи мяса в натуре, т.е. применяли Инструкцию Наркомзага от 1938 г. по поставкам 1940 и 1941 гг., тогда как эта инструкция была отменена постановлением ЦК ВКП(б) от 6 июля 1939 г. с 01.01.1940 [1, л. 46].

6. После вынесения решения народные суды не всегда высылали истцу исполнительные листы, Уполнаркомзаги (истцы по этим делам) исполнительные листы не требовали, а районные прокуроры надзор за исполнением судебных решений по этой категории дел не осуществляли. Так, народный суд Белоглазовского района по делам № 272 и № 2-155 вынес решение о взыскании сельскохозяйственного налога и кульсбора, но не взыскал пеню за просрочку выплаты этого налога [1, л. 47].

По результатам изучения судебной практики прокуратурой Алтайского края были сделаны необходимые выводы. Сотрудники прокуратуры должны были постоянно проверять райфинотделы и райуполнаркомзаги, а также выполнение судебных решений этой категории дел; все ли недоимщики погасили недоимку по госпоставкам в тех случаях, когда народный суд в своем решении не предусмотрел взыскание недоимки в натуре.

В том случае, если устанавливались недоимки в натуре и они не были погашены, а по судебному решению взыскание недоимки не было предусмотрено, по этой категории дел сотрудники прокуратуры должны были направлять заявление с просьбой вынести определение в порядке ст. 185 УПК РСФСР в истолковании решения, что, кроме штрафа, недоимщик обязан погасить недоимку в натуре.

Во всех случаях, когда по судебному решению не были взысканы штрафы, а недоимщики по госпоставкам не погасили налоги в установленные сроки, сотрудникам прокуратуры было необходимо просить народный суд в соответствии со ст. 181 УПК РСФСР вынести дополнительное решение о взыскании штрафа.

В случаях, когда дело было незаконно производством прекращено или от уплаты натурой недоимщик незаконно был освобожден, в частности по мясopоставкам, или решение народного суда было вынесено с другими грубыми нарушениями закона, которые нельзя исправлять в порядке ст. 181 и 185

УПК РСФСР, было необходимо направить в народный суд заявление с просьбой восстановить кассационный срок в порядке ст. 62-63 УПК РСФСР и опротестовать незаконное решение в кассационном порядке [1, л. 48].

Если выявлялись случаи отказа или уклонения от выполнения госпоставок со стороны недоимщиков, необходимо было обсуждать вопрос о привлечении их к уголовной ответственности по ст. 59-6 УК РФ [1, л. 49].

Б. Опротестование явно мягких либо излишне жестких судебных приговоров.

Так, в 1942 г. при проверке гражданских дел были установлены многочисленные факты незаконного отказа народных судов в исках, предъявленных колхозами к лицам, по вине которых был причинен материальный ущерб животноводству, а также факты удовлетворения предъявленных исков по явно заниженной стоимости причиненного ущерба.

В результате таких незаконных решений выявлено значительное количество. По проверенным краевой прокуратурой 205 делам правления колхозов предъявили иски о возмещении за причиненный ущерб на общую сумму 192385 руб., а народными судами было присуждено по этим искам 78967 руб. [1, л. 197].

Наряду с этим отмечены случаи, когда, несмотря на установленные во время судебного разбирательства гражданских дел по искам о возмещении ущерба факты преступного отношения к содержанию и уходу за животными, против виновных не возбуждалось уголовное преследование. Так, при рассмотрении дела по искам колхоза им. Ворошилова к гр. Душину в сумме 2064 руб. было установлено, что ответчик, будучи ночным сторожем, оставил во время бурана дверь конюшни открытой, в результате две лошади, выйдя на улицу, были замечены снегом и погибли. Несмотря на наличие явной вины гр. Душина, последний не был привлечен к уголовной ответственности [1, л. 197об.].

По результатам данной проверки прокурор Алтайского края отдал распоряжение, в соответствии с которым сотрудники прокуратуры должны были усилить борьбу с фактами разбазаривания скота в колхозах и совхозах, хищнического убоя взрослого скота и молодняка, преступного нарушения правил ухода и содержания скота.

В случае злостного забоя совхозного или колхозного скота, а также массового его уничтожения необходимо было виновных привлекать к ответственности в соответствии с приказом Прокурора СССР № 08-7 от 10 мая 1942 г. и по закону от 7 августа 1932 г.

На особый учет были взяты все находящиеся в стадии расследования дела о нарушении правил животноводства, преступном отношении к содержанию и уходу за скотом, незаконной продаже, хищении и разбазаривании скота и кормов.

Кроме того, сотрудники прокуратуры должны были обеспечивать быстрое производство расследования по уголовным делам, направлять их в суды без задержек, а также своевременно приносить кассационные протесты на неправильные приговоры суда [1, л. 198].

В отношении явно мягких либо излишне жестких судебных приговоров прокуратурой Алтайского края выносились кассационные протесты. Так, всего за 8 месяцев в 1942 г. было принесено райпрокурорами 256 протестов и гражданским отделом краевой прокуратуры – 130, всего – 386. В 1941 г. было принесено протестов за 8 месяцев – 467, в этой части в 1942 г. принесение кассационных протестов снижено на 81.

В годы войны о качестве выносимых протестов за 1942 г. можно судить по следующим данным: протесты райпрокуроров были удовлетворены судебной коллегией по гражданским делам краевого суда – 249, отклонено – 7, или 3,75%, по остальным 97,3% с протестами судебная коллегия крайсуда была согласна.

Из направленных в Прокуратуру РСФСР представлений было отклонено 8, или 33,3%, остальные 6 представлений Прокурором РСФСР были направлены в Судебную коллегию Верховного Суда Республики, по которым решения судей были отменены.

За 8 месяцев 1942 г. Судебная коллегия по гражданским делам Алтайского краевого суда рассмотрела по 2-й инстанции всего 1981 дело, прокурорами гражданского отдела краевой прокуратуры было дано заключений по 1611 делам, или 83,3%, в июне было дано 92% заключений, июль, август – по 100% к числу рассмотренных дел 2-й инстанцией краевого суда, по каждому делу прокуроры составляли письменные заключения [3, л. 81об.].

О качестве заключений прокуроров в суде 2-й инстанции можно судить по следующим данным: из 1611 данных заключений прокурорами судебная коллегия по гражданским делам была не согласна по 54 делам, что составляет 3,3% всех случаев.

В связи с этим прокурор Алтайского края считал, что работу прокуроров районов по принятию кассационных протестов нельзя признать удовлетворительной как по количеству, так и по качеству. Так как райпрокурорами и горпрокурорами было принесено незначительное число протестов:

белоглазовский райпрокурор принес 1 протест, знаменский – 3, андреевский – 9, баевским и завьяловским прокурорами не было принесено за указанный период ни одного протеста.

Протесты иногда приносились без достаточных оснований, а иногда их содержание свидетельствовало о полном непонимании их авторами основных положений гражданского права и процесса.

Так, прокурором Солонешенского района был принесен протест на решение народного суда, в котором он указывал, что договор, заключенный между райсельпо и промартелью на изготовление кондитерских изделий, являлся недействительным, поскольку был не заверен в нотариальном порядке, тогда как такие договоры не требовали их заверения в нотариальном порядке [3, л. 82].

Прокурором Солонешенского района по делу иска Солонешенского Маслосовхоза к гр. Бабакаеву о взыскании 829 руб. 73 коп., которое народный суд на основании ст. 100 ГПК своим определением прекратил, был написан кассационный протест, тогда как на определение судов согласно ст. 249 ГПК должны были подаваться частные протесты, кроме того, по данному делу совершенно не требовалось приносить протеста в том случае, если прокурор усмотрел в решении суда незаконное прекращение дела, то прокурор в порядке ст. 2 ГПК имел право предъявить иск вновь на основании примечания к ст. 100 ГПК.

За рассматриваемый период принесенные протесты прокурорами гражданского отдела краевой прокуратуры (130) были полностью удовлетворены Судебной коллегией по гражданским делам краевого суда [3, л. 82об.].

В. Контроль за быстрым и оперативным рассмотрением судами дел ввиду недопущения их волокиты.

При проверке народного суда 1-2-го участков Центрального района г. Барнаула, народного суда г. Бийска и возбуждении исков органами милиции в 1942 г. сотрудниками прокуратуры было установлено, что расследование уголовных дел, а также рассмотрение их в суде в ряде случаев затягивались на длительные сроки. Выявлены факты, когда с момента совершения преступления до дня вынесения приговора проходило 3-4 месяца. Сроки рассмотрения гражданских дел также носили длительный характер. Из 207 гражданских дел, расследованных краевой прокуратурой, 54% от всего количества дел было рассмотрено судами в срок до 10 дней, 23,8% – до 2-х месяцев и 21,7% – свыше 2-х месяцев [1, л. 197об.].

В результате изучения дел установлено, что во многих случаях иски возбуждаются органами ми-

лиции несвоевременно. С нарушением указания Наркомюста СССР и Прокурора СССР от 6 июля 1941 г., где указывалось, что в случаях неуплаты штрафа в течение 3-дневного срока виновный подлежит штрафу и принудительному взысканию в судебном порядке в соответствии с постановлением ЦИК СНК СССР от 11 апреля 1937 г.

Из 353 дел, рассмотренных указанными выше нарсудами, своевременно были предъявлены иски по 182 делам, или 52,1%, остальные по 169 делам (47,9%) были предъявлены в сроки через два месяца и больше после составления постановления о наложении штрафа и вручения предупреждения об уплате. Кроме того, было установлено, что в отдельных случаях предупреждения об уплате штрафа не посылались. Так, по делу нарсуда 1 участка г. Бийска по иску административной комиссии к гр. Жданову С.И. о взыскании штрафа 75 руб. протокол был составлен о нарушении штрафа 19 января 1942 г., предупреждение об уплате так и не было направлено в установленные законом сроки, в связи с чем решение о взыскании штрафа в размере 75 руб. было вынесено 13 марта 1942 г. [3, л. 67].

В результате несвоевременного предъявления исков о взыскании была создана волокита и неосновательный отрыв граждан от производства в связи с вызовом их в суд. Так, из 353 дел, поступивших в народный суд, к моменту рассмотрения их в суде ответчиками по 170 делам, или 49%, были представлены в судебное заседание квитанции об уплате штрафов, и народными судами дела были прекращены [3, л. 67].

Прокурор Алтайского края неоднократно обращал внимание на то, что эффективность применения репрессий к нарушителям трудовой дисциплины в значительной мере снижается волокитой, допускаемой народными судами при расследовании дел этой категории. Так, из 133 дел, переданных меланжевым комбинатом народному суду 1-го участка Октябрьского района г. Барнаула в январе 1942 г., на 15 мая 1942 г. было получено копий приговоров по 37 делам, в феврале меланжевым комбинатом было направлено в тот же народный суд 205 дел, сведений о приговоре не было предоставлено по 95 делам. В марте тем же комбинатом в народный суд было направлено 192 дела, на день проверки не было сведений о приговорах по 148 делам. В апреле меланжевым комбинатом было передано в народный суд 277 дел. На день проверки отдел кадров меланжевого комбината не получил ни одной копии приговора по направленным делам [1, л. 240].

Г. Проведение работы по устранению ошибок, допущенных судами при квалификации правонарушений.

Так, сотрудниками прокуратуры в январе 1942 г. был выявлен факт неправильной квалификации народным судом второго участка Рубцовского района. Гр. Клин И. был осужден к 6 месяцам исправительно-трудовых работ за избивание лошади, причинив ей тяжелые увечья, в результате чего лошадь пала. Судом преступление было квалифицировано по ч. 1. ст. 79-4 УК, в то время как его следовало квалифицировать по ч. 2. ст. 79-4 УК в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 17 марта 1935 г., которым было предложено всем судам применять ч. 2 ст. 79-4 УК «в случае злостного нарушения правил ухода за скотом, последствием чего был падеж хотя бы одной лошади, абортирование жеребой матки и т.д.» [1, л. 196об.].

В результате преступно-небрежного отношения к содержанию и уходу за скотом по вине гр. Ячменева, Бобровой и Свиридова пали две конематки и один конь. 15 апреля 1942 г. народным судом Белоглазовского района гр. Ячменев был приговорен к 1 году исправительно-трудовых работ, а Боброва и Свиридов – к 6 месяцам исправительно-трудовых работ. Причем в отношении гр. Свиридова преступление было неправильно квалифицировано по ч. 1 ст. 79-4 УК РСФСР вместо ч. 2 ст. 79-4 УК РСФСР [1, л. 196].

В годы Великой Отечественной войны и суды, и органы прокуратуры попали в сложную ситуацию, обусловленную войной. Во-первых, большое количество новых нормативных правовых актов усложнило работу данных правоохранительных органов тем, что их сотрудники не сразу смогли сориентироваться в определении правовой квалификации. Во-вторых, данные обстоятельства многократно увеличили нагрузку как на суды, так и на органы прокуратуры. В-третьих, в условиях военного времени органы государственной власти были вынуждены возложить на суды и прокуратуру несвойственные им функции. Все это сказалось на том, что прокурорский надзор в этом направлении не всегда служил гарантией законности, надежной охраной интересов государства и прав граждан.

Так, при проверке деятельности прокуратуры Ребрихинского района было установлено, что прокурор ненадлежащим образом организовал надзор за судом. В 1941 г. в порядке ст. 2 ГПК было возбуждено 45 исков, однако результаты рассмотрения дел в суде неизвестны. В порядке ст. 2 ГПК прокурор в суде выступил всего 6 раз, а в порядке ст. 12 ГПК – два раза. В отношении незаконных и несправедливых решений народных судов протесты по гражданским делам не выносились. В связи с тем, что прокурор не осуществлял надзор за исполнением судебных решений, у судебных испол-

нителей находилось 400 неисполненных листов [2, л. 362].

Чтобы своевременно устранить такие недостатки и контролировать работу прокуратур всех звеньев, Прокурор СССР в своем письме о представлении спецдонесений по особому плану от 24.10.1942 № 4/20м [5, л. 85-86] обязал всех прокуроров ежемесячно представлять в уголовно-судебный отдел Прокуратуры СССР спецдонесения по судебному надзору по следующему плану:

1. Количественный анализ статистических показателей за отчетный месяц в части, касающейся участия прокуроров в подготовительных заседаниях, в суде первой инстанции и в кассационной инстанции, сопоставив эти цифры с данными за предыдущий месяц.

2. Статистические показатели отмененных и измененных приговоров по важнейшим видам преступлений в сопоставлении с общим числом рассмотренных в кассационной инстанции дел по этим же категориям преступлений с указанием, какое количество приговоров было изменено или отменено по жалобам осужденных и какое – по протестам прокуратуры. В случае наличия фактов необоснованных изменений приговоров или их отмены надлежит привести эти факты неправильных действий суда.

3. Данные об оправдательных приговорах по отдельным категориям преступлений (сколько было оправдательных приговоров по отдельным важнейшим видам преступлений, процент к соответствующему количеству дел).

4. Характеристика рассмотренных протестов (процент протестов на жестокость, процент протестов на мягкость меры наказания, процент протестов на процессуальные нарушения) и анализ результата их рассмотрения, причем вместе со спецдонесением необходимо было представлять копии наиболее характерных отклоненных протестов и копии определений суда, которыми они были отклонены, с указанием почему тот или иной прокурор посчитал действия суда неправильными.

5. Мероприятия, проведенные прокурорами за истекший месяц для улучшения работы по судебному надзору [5, л. 85-86].

Данная мера частично способствовала тому, что органы прокуратуры стали более эффективно осуществлять надзор за соблюдением законности в деятельности судов. Во второй половине войны ситуация с надзором в данной сфере стала еще более жизнеспособной, связано это было с принятием нормативных правовых актов, регулирующих отдельные аспекты надзора за соблюдением законности за деятельностью судов и их реализацией органами прокуратуры.

Так, во исполнение Постановления СНК СССР № 31 от 9 января 1944 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам» прокурором СССР был издан приказ № 20 от 24 января 1944 г. «Об определении размера ущерба, причиненных гибелью или хищением скота» [4, л. 10]. Органы прокуратуры должны были при возбуждении уголовного преследования в отношении лиц, виновных в гибели или хищении крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, обеспечивать возмещение убытков, причиненных этими преступлениями, по рыночной стоимости [7, с. 56; 6, с. 24].

Заместитель прокурора СССР К. Макичев 31 января 1944 г. издал распоряжение, адресованное всем прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей, округов, городов и районов. В нем он потребовал в течение февраля 1944 г. проверить в порядке надзора все рассмотренные во втором полугодии 1943 г. дела о мелких хищениях зерна из колхозов и совхозов, по которым осуждены члены семей военнослужащих, многодетные матери, инвалиды Великой Отечественной войны и лица, пострадавшие от немецкой оккупации, с точки зрения законности и обоснованности осуждения и правильности применения мер наказания с учетом приказа проку-

рора СССР и Народного комиссара юстиции СССР от 23 июля 1943 г. № 18/35/1/11260. Все незаконные приговоры, а также приговоры, вынесенные с нарушением упомянутого приказа, подлежат опротестованию в установленном законом порядке [4, л. 39].

Все вышеизложенное дает нам основание сделать вывод о том, что организация работы органов прокуратуры Алтайского края по судебному надзору была организована таким образом, чтобы обеспечить своим участием в подготовительных и судебных заседаниях законность и обоснованность определений и приговоров по каждому конкретному делу. В своей деятельности органы прокуратуры периодически анализировали свою работу в суде по обеспечению правильной уголовной репрессии и по отдельным видам преступлений, выводы которых обсуждались на камерных совещаниях.

Перед органами прокуратуры Алтайского края при осуществлении данного вида надзора стояли важные задачи: выявление и устранение нарушений норм материального и процессуального права; устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие мер по их устранению; усиление борьбы с преступностью; охрана прав и законных интересов участников процесса и т.д.

Литература

1. АПАК (Архив прокуратуры Алтайского края). Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 5.
2. АПАК. Ф. Р-1474. Оп. 2. Д. 4.
3. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 1474. Оп. 62. Д. 455.
4. ГААК. Ф. 1474. Оп. 86. Д. 677.
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-8131 сч. Оп. 19. Д. 15.
6. Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н. Участие населения Западной Сибири в охране общественного порядка в период второй половины XIX – первой половины XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3. С. 21-25.
7. Шатилов С.П. Деятельность милиции Западной Сибири в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (историко-правовой аспект). Барнаул, 2004.
8. Шатилов С.П., Шатилова О.А. Правоохранительная деятельность в годы Великой Отечественной войны // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2007. № 11.

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 365:351.74

Р.Н. Данелян, канд. юрид. наук, доцент

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

E-mail: ruzka@yandex.ru

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ПРАВЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ЖИЛИЩЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В работе исследуются теоретические и практические вопросы реализации права на жилище. Рассмотрен исторический аспект научного осмысления содержания и сущности права на жилище, его законодательное закрепление в различные периоды исторического развития государства и общества, в частности законодательное закрепление права на жилище сотрудников органов внутренних дел. Осуществлен комплексный историко-правовой анализ жилищного законодательства СССР, РСФСР и Российской Федерации, на основе которого сформулированы выводы.

Ключевые слова: право на жилище, жилищное законодательство, органы внутренних дел, социальные гарантии, жилищное обеспечение сотрудников органов внутренних дел.

R.N. Danelyan, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

E-mail: ruzka@yandex.ru

DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF THE RIGHT OF LAW ENFORCEMENT OFFICIALS TO HOUSING IN THE NATIONAL LEGAL SCIENCE

This paper investigates theoretical and practical issues of realization of the right to housing. The author considers historical aspect of scientific understanding of the content and essence of the right to housing, its legislative recognition in different periods of historical development of state and society, and in particular; the legislative consolidation of the right to housing of law enforcement officials. It is carried out a comprehensive historical and legal analysis of the housing legislation of the USSR, the RSFSR and the Russian Federation on the basis of which conclusions were formulated.

Key words: right to housing, housing legislation, law enforcement agencies, social guarantees, housing provision for law enforcement officials.

Вопросы обеспечения человека жилищем являются актуальными с момента возникновения первой потребности в укрытии и защите своей семьи от внешних факторов, с древних времен и до настоящего времени. Особо актуальными являются мо-

менты, связанные с обеспечением жильем отдельных категорий граждан, в т.ч. сотрудников органов внутренних дел. Жилищный вопрос для граждан, состоящих на службе в органах внутренних дел, всегда был важным условием обеспечения их эф-

фективной деятельности. Однако не всегда гарантированное государственным аппаратом право на обеспечение жильем доступно для реализации.

Право на жилище является одним из наиболее сложно реализуемых прав в современной России. Ежегодно в своих докладах Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации сообщает о положении дел во всех сферах жизнедеятельности человека. В докладе за 2016 год Татьяна Москалькова отмечает, что анализ ситуации в сфере реализации жилищных прав граждан, складывавшейся в 2016 г. в Российской Федерации, показывает, что государство не в полной мере выполняет свои обязательства перед гражданами [13].

Так, в 2016 г. от граждан поступило 7183 жалобы на нарушение жилищных прав. Доля жалоб на нарушение прав по обеспечению жилыми помещениями отдельных категорий граждан, в т.ч. сотрудников правоохранительных органов, составила 18% от общего числа и заняла второе место в общем количестве. Большинство жалоб от сотрудников органов внутренних дел касается вопросов предоставления жилья ввиду недостаточности финансирования из средств федерального бюджета на указанные цели¹. Кроме того, существует ряд иных проблем теоретического и практического характера, препятствующих реализации сотрудниками органов внутренних дел права на жилище.

Для того чтобы рассмотреть с научно обоснованной точки зрения понятие и содержание права на жилище сотрудников органов внутренних дел как особой категории граждан Российской Федерации, части её населения, необходимо осуществить комплексный анализ сущности права граждан России на жилище в целом.

Право человека на жилище многогранно как в теоретическом аспекте, так и при его реализации. Исследованию вопросов содержания и сущности права на жилище наряду с науками гражданского и жилищного права придавалось важное значение также в теории и истории государства и права, кон-

ституционном, финансовом праве и праве социального обеспечения.

Так, например, право социального обеспечения рассматривает право на жилище как одну из мер социальной поддержки населения, конституционное согласно Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [21] – как вид социально-экономического права, административное право – в качестве отношений по распределению жилья и управлению жилищным фондом.

В теории и истории государства и права уделено внимание исследованию места права на жилище в системе прав и свобод человека. Финансовая составляющая по реализации права граждан на жилище отражается в теории финансового и бюджетного права. И это далеко не исчерпывающий перечень юридических наук, имеющих взаимосвязь с содержанием и сущностью права граждан на жилище.

Отдельные вопросы конституционного права на жилище как составной части системы прав и свобод человека и гражданина рассмотрены в работах следующих ученых: С.С. Алексеева, М.В. Баглая, Н.С. Бондаря, С.А. Комарова, М.А. Краснова, О.Е. Кутафина, Н.И. Матузова, В.С. Нерсесянца, Ю.А. Тихомирова и др.

Существенный вклад в изучение и развитие теоретических основ и практических аспектов конституционного права на жилище внесли: С.И. Аскназий, Ю.Г. Басин, М.И. Брагинский, Е.В. Богданов, А.В. Габов, И.К. Кобленц, П.В. Крашеников, А.В. Кудашкин, В.Н. Литовкин, Л.М. Пчелинцева, П.И. Седугин, И.И. Семенов, А.А. Титов, А.С. Титов и др.

Однако, несмотря на достаточное внимание, уделяемое авторами исследованию содержания и сущности права граждан на жилище, многие вопросы по-прежнему остаются недостаточно освещенными в современной юридической литературе.

Как справедливо отмечает Евгений Богданов, «недостаток исследований феномена права на жилище сказывается в первую очередь на состоянии жилищного законодательства в целом» [3, с. 22]. Отсутствие фундаментального исследования в области историко-правового анализа отечественного законодательства о праве граждан на жилище, а также отсутствие исследований, посвященных рассмотрению и анализу актов международного права, являются бесспорными пробелами в изучении права граждан на жилище.

Познание права сотрудников органов внутренних дел на жилище будет полным и всесторонним лишь в случае проведения исследования с учетом ретроспективного анализа законодательства. Рассмотрение генезиса понятия и содержания права на

¹ Согласно официальной статистике, представленной в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в 2016 г. в обеспечении жильем нуждались 151,7 тыс. сотрудников МВД России. На нужды МВД России по предоставлению единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения потребность в 2016 г. составила 340 млрд руб., тогда как фактически выделено 2,4 млрд руб. В УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре в 2016 г. государственные жилищные сертификаты выдавались сотрудникам и гражданам, уволенным со службы в правоохранительных органах, которые были приняты на жилищный учет до 1990 года включительно.

жилище позволит глубже осмыслить произошедшие в Российской Федерации в современный период реформы в исследуемой сфере.

Начальным этапом рассмотрения становления законодательства о праве на жилище сотрудников органов внутренних дел представляется принятие постановления НКВД от 28 октября (10 ноября) 1917 г. «О рабочей милиции» [12], которое положило начало деятельности советской милиции.

Людмила Пчелинцева выделяет пять этапов формирования и развития жилищного законодательства, охватывающие период с 1917 по 1993 гг., вплоть до начала XXI в. [15, с. 116]. Подобная классификация основана на такой критерии, как прямое закрепление в законодательстве права граждан на жилище, что, по нашему мнению, является наиболее удобным способом с точки зрения доступности источников для проведения исследования, изучения сущности и содержания права на жилище.

Послереволюционный период ознаменовался разрухой в стране, катастрофическим состоянием жилищного фонда, в особенности принадлежащего такой категории граждан, как рабочие, низкооплачиваемые служащие и семьи фронтовиков.

Программа коммунистической партии, принятая VIII съездом РКП (б) в марте 1919 г., закрепляла: «Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, Советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским Советам; произвела массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома, передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства, приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т.п. ...Задача РКП (б) состоит в том, чтобы, идя по вышеуказанному пути и отнюдь не задевая интересов некапиталистического домовладения, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс» [14].

Ориентация государства на разрешение «жилищного вопроса» путем строительства новых домов, а также принятие Гражданского [23] и Земельного [22] кодексов РСФСР в 1922 г. обусловили направленность научных изысканий о праве граждан на жилище.

Известные ученые указанного периода отмечали важность обеспеченности граждан нормальным жилищем как необходимого условия существования человека и, как следствие, повышения продуктивности его работы (И.К. Кобленц, 1924, В.С. Малченко, Л.И. Моравский, 1923).

В Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. была предпринята попытка закрепления прав на частную

собственность (ст. 54) и возможность заключения договора купли-продажи (ст. 182) в отношении немunicipализированных строений. Однако предусмотренные при этом ограничения были настолько существенны, что делали реализацию указанных прав маловероятной (например, в результате купли-продажи в руках покупателя (его супруга и несовершеннолетних детей) не должно было оказаться двух или более владений).

Не решил жилищную проблему и принятый 11 июня 1964 г. Гражданский кодекс РСФСР (далее – ГК РСФСР 1964 г.) [4]. Впервые гражданское законодательство содержало указание (ст. 95) о нахождении в собственности государства основного фонда жилья городов и поселков городского типа. Подобная норма устанавливала для граждан в качестве основной формы удовлетворения потребности в жилище предоставление жилья из указанного фонда.

ГК РСФСР 1964 г. закрепил принцип жесткого нормирования жилищных отношений. Государство регулировало частные дела граждан в сфере найма жилого помещения и личной собственности граждан на жилой дом (гл. 11, 28). Нормы, закрепленные в законодательстве, позволяли государству изымать часть жилплощади у нанимателя (более 9 кв. м сверх установленной нормы на одного члена семьи) и у собственника жилого дома (квартиры), если общая площадь находящегося в частной собственности жилья превышала 60 кв. м.

Состояние политико-экономических процессов в стране, развитие законодательной базы по типу «вмешательства государства в частные дела граждан» повлияли и на развитие цивилистической мысли в области исследования сущности и содержания права на жилище.

Ситуация складывалась так, что в науке право граждан на жилище рассматривалось не как такое, а как право на жилую площадь (С.М. Корнеев, Ю.М. Коньков, 1968). Однако понимание этого права несколько разнилось. Так, например, С.И. Аскназий под правом на жилую площадь понимал особый гражданско-правовой институт, имеющий самостоятельное место в системе гражданского права (С.И. Аскназий, 1940). С таким мнением не были согласны С.Н. Братусь, И.Л. Брауде и А.И. Пергамент, объясняя свою позицию тем, что подобный подход к пониманию указанного права «отражает неправильный взгляд на полномочия съемщика как на вещное право на чужое имущество» [1, с. 86-88].

Подход ученых к изучению содержания и сущности права на жилище в дальнейшем был направлен на исследование права советских граждан на жилую площадь (исследовалось право на жилище

как гражданско-правовой институт, но при этом не уделялось внимания изучению конституционного права граждан на жилище). Такое положение отечественной гражданско-правовой науки в сфере исследования права на жилище сохранялось до принятия Конституции СССР 1977 г. [7].

Основной закон закреплял положение о праве граждан СССР на жилище (ст. 44), обеспеченное поддержкой государства и низкой платой за квартиру и коммунальные услуги. Через шесть месяцев аналогичная норма была отражена в ст. 42 Конституции РСФСР 1978 г. [5]. Подобная новелла законодательства послужила стимулом для развития научной мысли о праве граждан на жилище в новом свете. Право на жилище стало рассматриваться не только как «право на жилую площадь», а именно как таковое – важнейшее социально-экономическое право человека.

Принятие в дальнейшем «Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 24 июня 1981 г. (далее – Основы) [8] и Жилищного кодекса РСФСР от 24 июня 1983 г. (далее – ЖК РСФСР 1983 г.) [6] еще больше укрепило теоретические изыскания ученых-правоведов в отношении юридической природы и сущности права граждан на жилище как комплексного правового института.

Основы не только явились первым единым законодательным актом, закрепляющим основные вопросы правового регулирования обеспечения жилищных прав граждан, но и определили состав жилищного фонда, вопросы разграничения компетенций Союза ССР и союзных республик в области регулирования жилищных отношений, порядок предоставления жилья гражданам из различных фондов и др.

Последующее принятие Жилищного кодекса РСФСР 1983 г. закрепило порядок реализации гражданами РСФСР права на жилище, что, в свою очередь, послужило основанием для развития научной мысли о праве на жилище в теории гражданского, жилищного и конституционного права как о праве, гарантируемом и обеспеченном государством.

Основные научные изыскания были предприняты И.И. Андриановым (1988), Ю.Г. Басиным (1982), В.П. Грибановым (1983), А.Ю. Кабалкиным (1986), О.А. Красавчиковым (1985), В.Н. Литовкиным (1982), П.И. Седугиным (1983), Ю.К. Толстым (1984), В.Ф. Чигиром (1985) и др.

Дальнейшая эволюция в научном осмыслении права граждан на жилище произошла после принятия «Декларации прав и свобод человека и гражданина» 1991 г. [10] (далее – Декларация), Закона Российской Федерации от 24 декабря 1992 г. № 4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики»

(далее – Закон об Основах) [11] и Конституции РФ 1993 г., что послужило новым толчком для научных исследований.

Положения Декларации провозглашали: «а) каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища; б) государство поощряет жилищное строительство, содействует реализации права на жилище; в) жилье малоимущим гражданам предоставляется бесплатно или на льготных условиях из государственных и муниципальных жилищных фондов» (ст. 10). Указанные положения фактически привели законодательство о праве советских граждан на жилище в соответствие с общепризнанными нормами и принципами международного права.

Результатом принятия Закона об Основах явились закрепление положения об обязанности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению права граждан на жилище, существенное расширение форм реализации гражданами права на жилище, среди которых, кроме уже существующих, появились и новые. Граждане, согласно законодательству, могли приобрести жилье на условиях договоров найма, аренды, путем приобретения (по договору купли-продажи, мены, дарения, по наследству и др.) или строительства жилья за собственные средства.

Принятый 18 апреля 1991 г. Закон Российской Федерации № 1026-1 «О милиции» [9] в ст. 30 также закрепил право сотрудников милиции на получение отдельной комнаты или дома в первоочередном порядке и ряд иных дополнительных льгот.

Однако некоторыми авторами комментариев Закона об Основах указывалось и на то, что «значение норм закона о помощи государства гражданам не следует переоценивать. Содержание закона в целом отчетливо демонстрирует стремление устранить иждивенческие настроения и ориентацию на то, что, прежде всего, сам гражданин должен заботиться об улучшении своих жилищных условий» [2, с. 26-27]. Эта позиция впоследствии легла в основу принятия Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) 2005 г., основным разработчиком которого стал председатель Комитета Государственной думы по государственному строительству и законодательству Павел Крашенинников, являющийся сторонником указанной точки зрения.

С принятием Конституции РФ право на жилище вошло в число элементов, составляющих правовой статус гражданина Российской Федерации, что коренным образом изменило осмысление его сущности в отечественной юридической науке.

В исследованиях ученых по теории государства и права большинство авторов (Е.А. Лукашева, 2000,

В.С. Нерсесянц, 1999, В.Д. Перевалов, 2002 и др.) придерживаются мнения о том, что право на жилище – это элемент социальных прав, который служит обеспечению нормального уровня жизни человека.

Право каждого гражданина Российской Федерации на жилище, закрепленное в ст. 40 Конституции РФ, напрямую зависит от экономической составляющей, политических процессов в стране и правовой основы. Указанные условия, а также ориентация разработчиков на создание благоприятных условий, способствующих самостоятельному решению жилищных условий, нашли отражение в принятом в 2005 г. Жилищном кодексе РФ [16].

Новый закон является фундаментальным и закрепляет комплекс законодательных изменений. Основной новеллой ЖК РФ стали отмена существовавшего ранее порядка внеочередного и первоочередного предоставления жилья и упразднение ордера на занятие жилого помещения. После 1 марта 2005 г. жилье по договору социального найма предоставляется только малоимущим и иным определенным законодательством категориям граждан.

Кардинальные изменения, обоснованные реальной необходимостью обновления жилищного законодательства, обусловили дальнейшее развитие научной мысли в направлении теоретического осмысления содержания и сущности права граждан на жилище. В научных исследованиях современного периода право на жилище рассматривается как элемент системы прав и свобод человека и гражданина, наиболее тесно взаимосвязанный с некоторыми конституционными правами и свободами, в частности с правами: на достоинство личности (ст. 21), неприкосновенность жилища (ст. 25), свободный выбор места пребывания и жительства (ст. 27), частную собственность (ст. 35-36) (О.Е. Алексикова, 2016, О.Г. Миролубова, 2013, С.В. Николукин, 2014, Е.С. Селиванова, 2015). Такой подход совпадает с научными изысканиями предыдущего десятилетия.

Теоретическое осмысление права на жилище активно продолжается в научных трудах современных исследователей, в то же время следует отметить, что на сегодняшний день юридическая наука не пришла к единому пониманию сущности и содержания права граждан на жилище.

До настоящего времени не предпринято также и попыток фундаментального исследования права на жилище сотрудников органов внутренних дел.

Началом реформирования законодательства о праве сотрудников органов внутренних дел на жилище на современном этапе стало принятие в 2011 г. федеральных законов «О полиции» [17], «О социальных гарантиях сотрудникам органов вну-

тренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [18], «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [19].

Часть норм, регулирующих ранее обеспечение жильем сотрудников органов внутренних дел, получила свое закрепление в новом законодательстве (предоставление жилого помещения на основании договора социального найма сотрудникам, принятым на учёт до 1 марта 2005 г.¹; получение государственного жилищного сертификата²; предоставление служебных жилых помещений сотрудникам полиции, замещающим должность участкового уполномоченного³).

Сохранение вышеперечисленных норм не усовершенствовало способов их реализации. В некоторых случаях вновь принятые нормы о жилищном обеспечении сотрудников полиции даже ограничили их права. Например, ст. 44 федерального закона «О полиции» предусматривает обеспечение сотрудника полиции «жилым помещением»⁴, тогда как в соответствии со ст. 30 закона «О милиции» сотрудникам милиции предоставлялась жилая площадь в виде отдельной квартиры или дома.

Новеллой законодательства о жилищном обеспечении сотрудников органов внутренних дел стало принятие Постановления Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1223 «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» [20].

Завершая рассмотрение основных этапов развития учения о содержании и сущности права на жилище, избранных для исследования, следует отметить, что указанный процесс продолжается. Осмысление правовой природы, содержания права граждан на

¹ Часть 2 ст. 6 Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации».

² В рамках подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы «Жилище» на 2015-2020», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2015-2020 годы».

³ Часть 3 ст. 44 федерального закона «О полиции».

⁴ В соответствии с ч. 2 ст. 12 ЖК РФ к жилым помещениям относятся: 1) жилой дом, часть жилого дома; 2) квартира, часть квартиры; 3) комната. Подобное закрепление в законодательстве видов «жилых помещений» является основанием для предоставления сотруднику полиции как отдельной квартиры или дома, так и комнаты.

жилище, в т.ч. сотрудников органов внутренних дел, является важным условием для разработки новых действенных механизмов его реализации.

Подводя итог изложенному выше, автор делает следующие выводы.

Право граждан на жилище, его содержание и сущность многогранны и являются предметом теоретического осмысления различных отраслей права, прежде всего конституционного, гражданского и жилищного.

В различные периоды исторического развития понимание права на жилище было обусловлено политическими, социальными и экономическими процессами, происходящими в стране, что, в свою очередь, отражалось в действующей законодательной базе СССР, РСФСР, Российской Федерации и не всегда рассматривалось с точки зрения комплексного правового института.

Теоретическому осмыслению права на жилище как такового (т.е. как основного важнейшего соци-

ально-экономического права человека) положило начало закрепление в Конституции СССР 1977 г., а затем в Конституции РСФСР 1978 г. норм о праве граждан на жилище. Ранее право на жилище рассматривалось как право на жилую площадь, жилое помещение.

В настоящее время в юридической науке не существует единого понимания сущности и содержания права граждан Российской Федерации на жилище. Отсутствуют также фундаментальные исследования о содержании и сущности права на жилище сотрудников органов внутренних дел.

Прослеживается тенденция к ограничению жилищных прав сотрудников органов внутренних дел в свете реформирования законодательства о социальных гарантиях сотрудников органов внутренних дел.

Указанные выше обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего осуществления научных исследований о праве сотрудников органов внутренних дел на жилище.

Литература

1. Акснэзий С.И., Брауде И.Л., Пергамент А.И. Жилищное право. М.: Госюриздат, 1956.
2. Басин Е.В., Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Шамузафаров А.Ш. Современная жилищная политика России. Комментарий к закону об основах федеральной жилищной политики. М., 1992.
3. Богданов Е.В. Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. 2003. № 4.
4. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
5. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
6. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 26. Ст. 883.
7. Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 26. Ст. 834.
9. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.
10. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
11. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 3. Ст. 99.
12. Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 30 окт. № 2.
13. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2016>.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. М.: Политиздат, 1970. Т. 2.
15. Пчелинцева Л.М. Право военнослужащих на жилище: Теоретические аспекты и проблемы реализации. М.: Норма, 2004.
16. Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.
17. Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
18. Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4595.
19. Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.
20. Собрание законодательства РФ. 2012. № 3. Ст. 430.
21. Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
22. Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.
23. Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

УДК 342.565.2

Л.К. Фазлиева, канд. хим. наук, доцент

Казанский юридический институт МВД России

E-mail: lkfaz@mail.ru;

Э.Э. Ахмадиева

Казанский юридический институт МВД России

КОНСТИТУЦИОННЫЕ (УСТАВНЫЕ) СУДЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

В статье рассмотрен вопрос о роли конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека. Проведенное исследование позволило авторам прийти к выводам о том, что конституционный региональный орган правосудия является дополнительным нормоконтролем в сфере защиты конституционных прав и свобод граждан и противодействует возникновению противоречий между законодательством Российской Федерации и ее субъектов.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, защита прав и свобод граждан, решения конституционного суда Республики Татарстан, правотворчество конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

L.K. Fazlieva, PhD. (Candidate of Chemical Sciences), assistant-professor

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: lkfaz@mail.ru;

E.E. Ahmadiyeva

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CONSTITUTIONAL (AUTHORIZED) COURTS IN TERRITORIAL SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF PROTECTION THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE PERSON

The article reveals the role of the constitutional (authorized) courts in territorial subjects of the Russian Federation in the sphere of protection the rights and freedoms of the person. The conducted research allowed the authors to come to conclusions that the constitutional regional judicial body is an additional compliance assessment in the sphere of protection of constitutional rights and freedoms of citizens and counteracts emergence of contradictions between the legislation of the Russian Federation and its subjects.

Key words: Constitutional court of the Russian Federation, constitutional (authorized) courts of territorial subjects of the Russian Federation, protection of the citizens' rights and freedoms, decisions of the constitutional court of the Republic of Tatarstan, law-making of the constitutional (authorized) courts in territorial subjects of the Russian Federation.

Защита прав и свобод человека и граждани- на гарантирована Основным законом Российской Федерации. Следует отметить, что сфера защиты прав граждан находится в конституционной юрис- дикции как на федеральном уровне (в Конститу- ционном Суде РФ (далее – КС РФ)), так и на уров- не субъектов РФ (в конституционных (уставных)

судах субъектов РФ (далее – К(У)С субъектов РФ)).

Поэтому правотворчество К(У)С субъектов РФ на региональном уровне, как отмечает исследова- тель Н.С. Бондарь, направлено на уточнение или «создание дополнительных механизмов реализа- ции» гарантированных основным законом прав и

свобод человека «к конкретным условиям отдельных субъектов РФ» [1, с. 361].

Т.А. Тухватуллин утверждает, что образование К(У)С определено в конституциях (уставах) 56 субъектов РФ, а в 24 существует законодательное закрепление об этих судах [14]. Однако на сегодняшний день К(У)С функционируют в 14 субъектах РФ.

Правовой основой деятельности К(У)С субъектов РФ является ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 27) [8], в котором отмечено, что толкование основного закона субъекта РФ является полномочием К(У)С соответствующего региона. Рассматриваемое полномочие решает проблемы, связанные с коллизией и несоответствием норм региональным конституциям (уставам). По мнению В.Д. Зорькина, упразднение несовершенства норм основного закона возможно осуществлять «не через замену Конституции, а через ее интерпретацию и толкование» [4, с. 36]. Проанализировав конституции (уставы) регионов, констатируем факт различных полномочий К(У)С субъектов РФ по толкованию их основных законов [14, с. 68]. Инициаторами дел могут являться должностные лица, органы публичной власти, судебные органы и др. Так, в КС Республики Татарстан (далее – КС РТ) по вопросам о толковании Конституции РТ могут обращаться президент республики, правительство республики, органы МСУ и их должностные лица [10]. В Уставный суд Свердловской области по данному вопросу обращаются федеральные и мировые суды, а также омбудсмен. Не указан субъектный состав, например, в Конституции Башкортостана, в которой определено, что высший юрисдикционный орган дает толкование основного закона. Наконец, обширный круг лиц, имеющих полномочия запроса о толковании основного закона, перечислен в Конституции Северной Осетии – Алании.

Отсутствие единообразного подхода в регионах к определению и конституционно-уставному за-

креплению полномочий конституционных (уставных) судов и субъектов, могущих обратиться в суд с запросом о толковании, не способствует единству складывающейся в стране судебной практики по укреплению конституционной законности и защите прав граждан.

Как отмечает В.А. Будаев, как правило, в высший юрисдикционный орган обращаются малообеспеченные граждане и другие лица государственной социальной поддержки [2, с. 83]. Так, в Конституционный суд Республики Татарстан в 2016 г. поступило 325 обращений, из них 219 обращений (67%) от социально незащищенных граждан (для сравнения в 2015 г. доля таких обращений составила 70%).

Этот региональный юрисдикционный орган рассмотрел дела о проверке конституционности нормативных правовых актов органов:

- государственной власти РТ (4 закона РТ, 12 постановлений кабинета министров РТ);
- местного самоуправления (11 нормативных правовых актов органов местного самоуправления).

Основанием для инициирования гражданских дел явились жалобы граждан на нарушение их конституционных прав и свобод. Итогом деятельности КС РТ за 2016 год стали 6 постановлений и 20 определений об отказе в принятии обращения к рассмотрению [6].

Необходимо отметить значение К(У)С субъектов РФ в сфере защиты прав несовершеннолетних детей. Однако в исследовании Р. Исламовой отмечено, что минимальное количество итоговых решений выносятся при рассмотрении региональными К(У)С вопросов в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; нарушения жилищных, социальных прав несовершеннолетних детей и др. [5, с. 34]. Данный тезис подтверждается статистическими данными (таб. 1).

Таблица 1

**Решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ
в сфере защиты прав несовершеннолетних детей**

Наименование конституционного (уставного) суда субъектов РФ	Всего решений	Решения по вопросам защиты прав несовершеннолетних
Конституционный суд Республики Татарстан	154	1 постановление, 3 определения
Конституционный суд Республики Башкортостан	120	3 постановления, 2 определения
Конституционный суд Свердловской области	114	4 постановления, 5 определений
Конституционный суд Республики Северная Осетия – Алания	70	1 постановление
Конституционный суд Республики Саха (Якутия)	49	1 постановление
Конституционный суд Республики Марий Эл	28	3 постановления
Конституционный суд Республики Коми	52	5 постановлений, 1 определение

Наименование конституционного (уставного) суда субъектов РФ	Всего решений	Решения по вопросам защиты прав несовершеннолетних
Конституционный суд Республики Ингушетия	34	1 постановление, 1 определение
Другие региональные конституционные (уставные) суды		нет

Из итоговых решений КС РТ прослеживается тенденция к обращению к вопросам ненадлежащего опубликования и введения в действие нормативных правовых актов. Так, основанием к рассмотрению дела КС РТ 3 октября 2017 г. явилась выявленная неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли оспариваемые заявителем нормативные положения постановления Исполнительного комитета муниципального образования г. Казани от 24 декабря 2013 г. № 11787 «Об утверждении административных регламентов в сфере опеки и попечительства недееспособных или ограниченно дееспособных граждан» Конституции РТ. С жалобой обратился гражданин Р.С. Ибрагимов о нарушении его конституционных прав и свобод подпунктами 8, 11, 12, 13 и абзацем первым подпункта 14 пункта 2.5 графы «Содержание требования стандарта предоставления государственной услуги» раздела II Административного регламента предоставления государственной услуги по выдаче разрешения на осуществление сделок по отчуждению имущества, принадлежащего совершеннолетним лицам, признанным в судебном порядке недееспособными или ограниченно дееспособными. КС РТ признал оспариваемые нормы соответствующими Конституции РТ. В решении КС РТ указано о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования порядка получения опекунами разрешения на осуществление сделок по отчуждению имущества, принадлежащего подопечным, и о пересмотре принятых и опубликованных нормативных правовых актов муниципальных образований РТ с нарушением установленного порядка [11].

Следовательно, для того чтобы восстановить нарушенные конституционные права и интересы граждан, необходимо:

- 1) устранить выявленные противоречия;
- 2) восполнить недостатки правового регулирования.

Однако существующий пробел в законодательном регулировании невозможно оспорить в К(У)С региона, т.к. внесение изменений в нормативные правовые акты не является компетенцией этого судебного органа. Пункт 9 ст. 3 Закона РТ от 22.12.1992 № 1708-ХII определяет, что КС РТ решает исключительно вопросы права.

В том случае, если К(У)С субъекта РФ выявил нормативный правовой акт не соответствующий основному закону, то он теряет юридическую

силу. Последствием данного факта является отмена противоречащего конституции (уставу) субъекта РФ закона или иного нормативного правового акта полностью или в части законодательным органом.

Приведем пример из практики КС РТ. В Постановлении КС РТ от 26.12.2017 № 77-П была проверена конституционность пунктов 8, 11 и 13 статьи 32.1 Земельного кодекса Республики Татарстан и абзацев девятого и десятого «Перечня земельных участков, бесплатно предоставляемых многодетным семьям, постоянно проживающим на территории муниципального образования города Казани, для осуществления индивидуального жилищного строительства».

В ходе разбирательства по делу КС РТ пришел к выводу о том, что из жалоб О.Н. Меркурьевой, А.И. Владимировой, С.К. Невирович и Л.В. Рагимовой усматривается нарушение их прав абз. 9 и 10 «Перечня земельных участков, бесплатно предоставляемых многодетным семьям, постоянно проживающим на территории муниципального образования города Казани, для осуществления индивидуального жилищного строительства», утвержденного постановлением Исполнительного комитета муниципального образования г. Казани от 18 ноября 2013 г. № 9838 (в редакции от 6 июля 2016 г.), в части установления в них дополнительных условий предоставления многодетным семьям конкретных земельных участков в зависимости от количества детей в многодетной семье не соответствующими Конституции РТ [12].

До вынесения решения КС РТ Исполнительный комитет г. Казани принял постановление от 21 декабря 2017 г. № 5323, которое устранило несоответствие в обозначенном выше перечне земельных участков [7].

Следовательно, региональные законодательные органы восстанавливают социальную справедливость и устраняют противоречия в нормативных правовых актах, ставших предметом рассмотрения в К(У)С субъекта РФ еще до вынесения судебного решения.

В правотворческой деятельности К(У)С имеются случаи, когда высший судебный орган повторно принимает решение по жалобе гражданина, если даже предыдущее постановление сохранило юридическую силу. Подобную ситуацию мы наблюдаем в постановлении КС Республики Коми от 08.07.2008. Объясняя

ется данное обстоятельство социальной значимостью вопроса о соответствии Конституции Республики Коми нормативных правовых актов, которые отменяют меры социальной защиты педагогов-пенсионеров, проживающих в сельской местности [13]. По мнению Е.В. Портновой, такая практика является исключением из установленных правил конституционной (уставной) юстиции, а не нарушением [9].

Уникальность конституционного (уставного) судопроизводства проявляется не только в признании оспариваемых нормативных правовых актов не соответствующими требованиям Конституции или Устава, но и в определении направлений для законодательной и иной нормотворческой деятельности в субъектах Федерации и разработке единых подходов в истолковании правовых норм при осуществлении правоприменительной практики [3, с. 76].

О необходимости конституционной юрисдикции на региональном уровне отмечено в исследованиях А.М. Цалиева, который утверждает, что в

субъектах РФ, в которых действуют и осуществляют правосудие К(У)С, граждане приобретают двойную степень судебной защиты [15, с. 156]. Он же отмечает, что региональное конституционное правосудие должно основываться на «рамочном федеральном законе», раскрывающем его «общие принципы организации и деятельности» [16].

Таким образом, конституционные (уставные) суды субъектов РФ являются дополнительным нормоконтролем в сфере защиты прав и свобод граждан, гарантированных в Основном законе России. Конституционная юстиция на региональном уровне выявляет многие коллизии и пробелы в нормативных правовых актах субъектов РФ и свидетельствует о наличии у данных органов правоукрепляющей функции. Следовательно, решения соответствующих органов укрепляют конституционную законность и правопорядок в сфере защиты прав и свобод граждан на территории соответствующего субъекта РФ.

Литература

1. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005.
2. Будаев К.А. Новые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации об организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Современное право. 2016. № 2. С. 80-85.
3. Демидов В.Н. Конституционное (уставное) правосудие в субъектах Российской Федерации – существенный элемент правового государства // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 74-78.
4. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007.
5. Исламова Р. Конституционные (уставные) суды субъектов Федерации как дополнительный гарант защиты прав несовершеннолетних // Законность. 2017. № 8. С. 32-35.
6. Итоговые решения Конституционного суда Республики Татарстан. URL: <http://ks.tatarstan.ru> (дата обращения: 25.11.2017).
7. О внесении изменений в постановление исполнительного комитета г. Казани от 18.11.2013 № 9838. URL: <http://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 25.01.2018).
8. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
9. Портнова Е.В. Предварительное изучение жалобы гражданина в конституционный (уставный) суд субъекта РФ и основания отказа в принятии ее к рассмотрению // Российский судья. 2017. № 7. С. 46-49.
10. Постановление Конституционного суда Республики Татарстан от 17.07.2003 № 10-П. URL: <http://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 25.01.2018).
11. Постановление Конституционного суда Республики Татарстан от 3 октября 2017 г. № 75-П. URL: <http://ks.tatarstan.ru> (дата обращения: 25.01.2018).
12. Постановление КС РТ от 26.12.2017 № 77-П. URL: <http://ks.tatarstan.ru> (дата обращения: 25.01.2018).
13. Постановление Конституционного суда Республики Коми от 8 июля 2008 г. по жалобе гражданки Г.Н. Лешуковой // Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации: дайджест оперативной информации. 2008. № 7. С. 47.
14. Тухватуллин Т.А. Некоторые проблемы толкования конституционными (уставными) судами положений основных законов субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 67-70.
15. Цалиев А.М. Судебная власть как обязательный атрибут субъекта Российской Федерации // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 151-159.
16. Цалиев А.М. О Федеральном законе об общих принципах организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 7.

УДК 34

А.А. Юнусов, доктор юрид. наук, профессор

Академия ФСИН России

E-mail: abdulzhabar@mail.ru;

С.А. Юнусов, канд. юрид. наук

Академия ФСИН России

E-mail: samur_@mail.ru;

А.А. Алимов

Юридический институт Южно-Уральского государственного университета

РОЛЬ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена вопросу о роли справедливости в обеспечении безопасности государства и мирового сообщества. Раскрыто понятие «справедливость» и сущность принципа справедливости, рассмотрены идеи о справедливости выдающихся деятелей науки. С учетом этого концептуально обосновывается понимание безопасности государства в условиях построения многополярного миропорядка как части безопасности мирового сообщества.

Ключевые слова: справедливость, безопасность, безопасность государства, мировое сообщество.

A.A. Yunusov, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: abdulzhabar@mail.ru;

S.A. Yunusov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Academy of the Federal penitentiary service of Russia

E-mail: samur_@mail.ru;

A.A. Alimov

South Ural State University

ROLE OF THE JUSTICE PRINCIPLE IN SECURITY ENSURING OF A STATE

This article deals with the question of justice role in security ensuring of a state and world community. The notion «justice» and the essence of the justice principles are disclosed, and the ideas about the justice of outstanding scientists are considered. With this in mind, the authors substantiate the understanding of the state security under the conditions of building a multipolar world order as part of the security of the world community.

Keywords: justice, security, state security, world community.

Право и справедливость должны корениться в свободе и воле, а не в несвободе, к которой обращается угроза.

Г. Гегель

Понятие «справедливость» прочно вошло в современную российскую правовую доктрину и практику. Достаточно лишь упомянуть УК, УПК, КоАП,

в которых принцип справедливости упоминается в качестве основополагающего начала судопроизводства.

Однако наряду с юридическим наполнением понятие справедливости имеет и общечеловеческое (бытовое) значение. Мы часто слышим о ней по телевидению, в кино, радио... Наверное, каждый человек, живя в современном мире, не раз задумывался над этим понятием. Однако далеко не каждый сможет дать определение того, что же такое справедливость и что справедливо в его представлении.

Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой понимает этот термин следующим образом: «Справедливое отношение к кому-нибудь, беспристрастие... признать за кем-либо какие-нибудь достоинства, правоту, отдать должное». А справедливый – это тот, кто «...действует беспристрастно, в соответствии с истиной» [11, с. 578].

Проблема справедливости волновала умы многих представителей различных сфер общественной жизни (ученых, философов, правоведов, психологов, социологов и пр.), которые в зависимости от своих мировоззренческих представлений вкладывали в это понятие свой уникальный смысл.

Чешский педагог-гуманист Я.А. Коменский, размышляя о вопросах справедливого и несправедливого, в своем труде «Великая дидактика» писал: «Справедливости учатся, никого не оскорбляя, воздавая каждому свое, избегая лжи и обмана, проявляя исполнительность и любезность» [8, с. 207].

Великий древнеримский политический деятель, оратор и философ Марк Тулий Цицерон отмечал: «Когда спрашивается о справедливости и несправедливости, следует обратиться к местам, имеющим отношение к справедливости. Их различают два: природа и установление. Справедливость по природе делится на две части: уделять каждому свое и право отмщения. Справедливость по установлению – на три части. Первая – закон, вторая – приличия, третья – старинные обычаи. Еще говорят, что справедливость делится на три части так: одна – для богов, другая – для манов, третья – для людей. Первая – благочестие, вторая – почитание предков, третья – право и справедливость» [12, с. 240].

Особый интерес представляет мнение греческого философа Аристотеля об относительности данного понятия: «Все опираются на некую справедливость, но доходят при этом только до некоторой черты, и то, что они называют справедливостью, не есть собственно справедливость во всей ее совокупности. Так, например, справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных... Справедливость – понятие относительное и разли-

чается столько же в зависимости от свойств объекта, сколько и от свойств субъекта» [2, с. 348].

С приведенными выше утверждениями невозможно не согласиться. Действительно, справедливость является многоаспектным составным понятием, включающим в себя множество компонентов (правовых, моральных, этических, философских).

Понятие «справедливость» находится в определенной взаимосвязи с таким понятием, как «безопасность». В особенности это касается сферы международно-правовых отношений, где данные правовые понятия являются всеобщими основами межгосударственных отношений. В этой связи достаточно упомянуть ст. 1 Устава ООН, в которой говорится том, что Организация преследует цель «поддерживать международный мир и безопасность... в согласии с принципами справедливости и международного права». При этом для достижения данной цели, согласно ст. 2 Устава, ООН в целом и государства-участники в частности действуют в соответствии с принципом, согласно которому «все члены разрешают свои международные споры... таким образом... чтобы не подвергать угрозе... безопасность и справедливость».

Следует отметить, что доминирующей точкой зрения в советской правовой доктрине являлось понимание неделимости безопасности и, как следствие, критическое отношение к обеспечению безопасности одного государства за счет безопасности другого государства. Это предопределило не только соответствующее наполнение принципов построения коллективной безопасности, но и повлияло на правовое мышление современных политических руководителей. В частности, 5 июня 2008 г. в Берлине Президентом РФ Д.А. Медведевым была озвучена идея о создании «Договора о европейской безопасности» [5]. Обосновывая необходимость принятия данного соглашения, глава государства отметил, что «настало время сближения позиций и принятия совместных решений, направленных на создание более устойчивой и справедливой системы мироустройства» [4].

В договор планировалось включить множество военно-политических аспектов безопасности, однако в итоге, как отметил Министр иностранных дел С.В. Лавров, в проекте остался «один только принцип – принцип неделимости безопасности» [3].

Несмотря на то что проект не нашел должного отклика, отрядно отметить готовность руководства страны к диалогу и восприятию иного понимания безопасности. В частности, на научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность» Президент РФ отметил: «Мы свой вклад в конкуренцию идей внес-

ли: это упомянутый мною Договор о европейской безопасности, но мы готовы обсуждать и альтернативные идеи по обеспечению неделимости безопасности. Мы никогда не зашорены, не считаем, что наша идея – самая лучшая, а всё остальное обсуждаться не может. Нет, конечно. Но этих идей нет, мы их пока, во всяком случае, не слышим» [12].

Право государства на обеспечение собственной безопасности является незыблемым правом, признаваемым не только отечественной и зарубежной доктриной международного права, но и периодически подтверждаемое нормами международного права, а также практикой их применения [1, с. 9-12]. Однако в современную эпоху глобализации и декларирования многополярности мироустройства необходимо новое осмысление данного основного права государства.

На наш взгляд, обеспечение безопасности отдельных государств должно предопределяться необходимостью обеспечения безопасности всего мирового сообщества [10]. Таким образом, безопасность мирового сообщества и безопасность государства воспринимаются как соотношение целого и частного. При подобном понимании безопасности не только во многом нивелируется элемент блокового противостояния государств [15], но и первостепенное значение приобретает принцип справед-

ливости. Он находит собственное определенное наполнение. В частности, государства должны получить справедливые юридические и иные возможности в обеспечении собственной безопасности. Соответственно, наличие равных возможностей в обеспечении собственной безопасности не только детерминирует отсутствие конфликтных ситуаций между государствами, но и является в таком случае залогом безопасности всего мирового сообщества.

Естественно, что подобный подход требует не только политической воли, но и колоссальных усилий. Однако следует понимать, что затраты подобного рода всегда оправданы, ибо вопрос безопасности – это вопрос самого существования. В этой связи уместно упомянуть суждение английского философа, политического деятеля, материалиста Томаса Гоббса, которое было высказано в его произведении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»: «В Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти – искусственные суставы; ... справедливость и законы суть искусственный разум (reason) и воля; гражданский мир – здоровье; смута – болезнь, и гражданская война – смерть» [6, с. 27].

Литература

1. Алимов А.А. Государство как объект безопасности. Некоторые вопросы теории и юридической практики // Закон и право. 2011. № 9. С. 86-91.
2. Аристотель. Сочинения в 4 т.; т. 3: Философское наследие. М., 1981. 610 с.
3. Выступление на 46-й конференции по вопросам политики безопасности Министра иностранных дел РФ Лаврова С.В. // Право и безопасность. 2010. № 1 (34). Март. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_30_5.htm (дата обращения: 05.04.2018).
4. Выступление на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии Президента РФ Д.А. Медведева // Сайт Президента РФ. Берлин, 05.06.2008. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/06/202133.shtml> (дата обращения: 05.04.2018).
5. Дмитрий Медведев предложил созвать общеевропейский саммит для запуска разработки нового договора о европейской безопасности // Сайт Президента России. 05.06.2008. URL: <http://kremlin.ru/news/322> (дата обращения: 05.04.2018).
6. Гоббс Томас. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 479 с.
7. Коменский Я.А. Великая Дидактика. М.: Наркомпрос, 1939. 318 с.
8. Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е., Алимов А.А. Безопасность государства и мирового сообщества: теоретико-правовая формула обеспечения в XXI веке: монография (с элементами учебного пособия). Челябинск: Цицеро, 2015. 302 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
10. Стенографический отчет о научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность» Российского совета по международным делам 23 марта 2012 года, Москва // Сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/news/14834#sel=> (дата обращения: 05.04.2018).
11. Цицерон Марк Тулий. Речи. М.: АН СССР, 1962. 303 с.
12. Юнусов А.А., Юнусов М.А., Алимов А.А. Организационно-правовые основы обеспечения безопасности государства и мирового сообщества на региональном уровне // Современное право. 2018. № 2. С. 124-131.

*К юбилею доктора юридических наук, профессора,
заслуженного работника
высшей школы Российской Федерации
Александра Сергеевича Мордовца*

Уважаемый Александр Сергеевич!

Руководство, коллектив Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, его профессорско-преподавательский состав, Ваши друзья и ученики сердечно поздравляют Вас с 70-летием со дня рождения, а также с наступающим 55-летием Вашей по настоящему насыщенной трудовой деятельности!

В течение без малого сорока лет Вы успешно проходили службу в ведущих образовательных и научных учреждениях внутренних дел: Академии управления МВД СССР (г. Москва), Рязанской высшей школе МВД СССР (ныне Академия права и управления ФСИН России (г. Рязань)), Саратовском юридическом институте МВД России, воспитав не одно поколение офицеров – защитников правопорядка.

Зная Вас как человека целеустремленного и удивительно работоспособного, автора более чем ста пятидесяти опубликованных в стране и за рубежом научных работ, мы убеждены, что возглавляемая Вами научная школа «Правовая культура, правовая политика и права человека» и дальше будет способствовать развитию системы подготовки кадров для органов внутренних дел.

Сегодня Ваш вклад в воспитание и обучение высококвалифицированных научных кадров тяжело переоценить! Подготовив свыше двадцати кандидатов юридических наук, Вы продолжаете в рамках своей научной школы и научных творческих групп

не только руководить подготовкой кандидатских, но и осуществлять консультирование по четырем докторским диссертациям.

Являясь более чем тринадцать лет главным редактором, а затем заместителем главного редактора журнала «Правовая культура», Вы подняли на качественно новый уровень научно-издательскую деятельность, результатом чего являются высокие показатели журнала.

Свидетельством Вашего личного вклада в дело развития отечественной науки и образования являются государственные и общественные награды, которые Вы по праву заслужили, а также высокий авторитет среди отечественных и зарубежных ученых.

Ваше яркое, неординарное научное дарование, вдумчивость и глубокое понимание как общих, так и специальных вопросов развития государства и права вносят достойный вклад в развитие российской юридической науки и практики, способствуют совершенствованию высшего юридического образования.

Руководство и коллектив Барнаульского юридического института МВД России, Ваши друзья, коллеги и ученики, уважаемый Александр Сергеевич, желают Вам новых творческих достижений, свершения всех самых светлых и добрых намерений, уверенности в будущем, здоровья Вам и Вашим близким!

Ю.В. Анохин, А.Г. Репьев

УДК 342.7

Ю.В. Анохин, доктор юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: anohinuv@buimvd.ru

УЧЕНИЕ А.С. МОРДОВЦА О СОЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Представленная статья посвящена основным аспектам очень важной и многогранной проблемы обеспечения прав человека, изложенным в работе профессора А.С. Мордовца «Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина».

Ключевые слова: механизм, права человека, ценность прав человека, человеческое измерение, социально-юридический механизм обеспечения прав человека.

Yu. V. Anokhin, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: anohinuv@buimvd.ru

A.S. MORDOVETS DOCTRINE OF THE SOCIAL AND LEGAL MECHANISM OF ENSURING RIGHTS OF MAN AND CITIZEN

The article is devoted to the main aspects of a very important and multifaceted problem of ensuring human rights set out in the work of professor A.S. Mordovets «Social and legal mechanism of ensuring the rights of man and citizen».

Key words: mechanism, human rights, value of human rights, human dimension, social and legal mechanism of human rights.

Обеспечение прав личности как специфичное многоплановое социальное явление требует своего всестороннего научного изучения. Причем перед юридической наукой стоит задача не только раскрыть сущность данного социального феномена, но и выявить все многообразие связей, факторов, влияющих на его состояние.

Более успешно задача обеспечения прав человека может быть решена лишь в том случае, если такое многогранное социальное явление будет рассмотрено в качестве системы, обладающей развитыми связями, разнообразными сторонами и занимающей определенное место в системе социальных ценностей.

Именно с позиций системного подхода для обеспечения прав человека необходима теоретическая разработка комплексного механизма обеспечения прав личности.

Термин «механизм обеспечения прав человека» не получил широкого распространения в науке по

ряду причин. Прежде всего до 60-х годов в этом не было ни теоретической, ни практической необходимости. Советская юриспруденция не признавала теорию естественного права, а права человека не всегда рассматривались в качестве ценностного ориентира.

Кроме того, существующий терминологический разнобой можно объяснить рядом обстоятельств. В первую очередь приверженностью тех или иных авторов к определенной терминологии и различными смысловыми оттенками, вкладываемыми в это понятие, а также другими обстоятельствами, в т.ч., видимо, и терминологической небрежностью.

Все это, безусловно, не способствует разработке указанной проблемы и, более того, затрудняет ее. Между тем проблема механизма обеспечения правовой защиты личности все еще находится в стадии первоначальной разработки, когда особенно недопустима терминологическая путаница, способная

повлечь в дальнейших исследованиях бесконечные дискуссии.

В основу многих исследований был положен «социально-юридический» или «правовой» механизм защиты личности. В рассматриваемом аспекте интерес состоит в том, что разграничиваются социальная и юридическая стороны механизма обеспечения прав и свобод личности. Вместе с тем термин «социальный» более подразумевался, нежели присутствовал в научном языке. Правда, это вовсе не означало, что он не использовался юристами во взаимосвязи с категорией «механизм» вообще. Так, термин «социальный» в сочетании с «механизмом охраны и защиты прав человека и гражданина» использовался юристами при рассмотрении его психологических аспектов. Е.А. Лукашева пишет, что «установление системы гарантий не обеспечивает автоматического осуществления прав и свобод, их реализации. В этом процессе важная роль принадлежит психологическому механизму, выступающему в качестве регулятора поведения субъекта его деятельности» [5, с. 72]. Важную лепту в исследование проблем обеспечения прав человека внес профессор А.С. Мордовец.

В 90-е годы прошлого столетия А.С. Мордовцом был подготовлен основательный труд под названием «Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина» [12]. Важно подчеркнуть четко выверенную и логически выстроенную структуру работы, включающую понятие и общую характеристику исследуемого механизма, его нормативный и поведенческий аспекты, общественное мнение и гарантии в механизме социально-юридического обеспечения прав человека и гражданина, а также вопросы ответственности, процедуры и контроля.

На основе проведенного анализа подходов к определению понятия прав человека и гражданина, сложившихся на тот период [2, 4, 6, 7, 15], А.С. Мордовцу импонирует позиция И.Е. Фарбера, основанная на естественной школе права [15, с. 179-180], с акцентом на социальные возможности индивида иметь определенные блага [14, с. 76]. С учетом отработанных суждений права человека он определяет как «...гарантированные демократическим обществом возможности для каждого индивида, его сообщностей на достойный уровень жизни, эффективную социальную систему охраны и защиты от произвола государства в соответствии с установленными международными и национальными стандартами и процедурами» [12, с. 32].

В дальнейших работах А.С. Мордовец развивает исследуемое понятие и говорит о том, что «права человека – это и неременный атрибут познания, и

неизменный объект политики. Соответственно, задача науки в вопросах прав человека заключается в реализации таких важнейших направлений, как пропаганда институтов прав человека; поиск наиболее эффективных форм воспитания населения, повышение уровня его правосознания, правовой культуры в названной сфере; привитие навыков использования гражданами своих прав и свобод, умения защищать себя от окружающих и государства; повышение уровня мировоззренческого, духовного и профессионального роста работников государственного аппарата, особенно работников правоохранительной системы, призванных охранять и защищать права личности» [8, с. 113].

Учитывая, что термин «социально-правовой механизм обеспечения прав человека» на тот период не получил широкого распространения в науке, более того, социальный компонент более подразумевался, нежели присутствовал в научном языке, А.С. Мордовец, изучив терминологический оборот, пришел к выводу, что словосочетание «социальный механизм» вместо «социально-юридический механизм» более точное, поскольку юридические средства – часть социальной системы регулирования и воздействия на общественные отношения, в т.ч. в вопросах охраны и защиты личности [12, с. 84-85].

В своей работе автор определяет механизм социально-юридической защиты прав человека как «определенную систему средств и факторов, обеспечивающих необходимые условия уважения всех прав и основных свобод человека, вытекающих из достоинства, присущего человеческой личности, и являющихся существенными для ее свободного и полного развития» [12, с. 85].

Важно подчеркнуть, что А.С. Мордовец провел исследование определяющих категорий, имеющих важное значение для теоретико-правовой разработки проблем прав человека. В частности, он совершенно справедливо, с нашей точки зрения, считает, что охрана и защита – самостоятельные категории, которые нельзя дифференцировать по состоянию правонарушения, т.к. эти категории следует различать по сути, содержанию и форме. Охрана есть состояние правомерной реализации прав и свобод под контролем социальных институтов, но без их вмешательства. Меры защиты применяются тогда, когда осуществление прав и свобод затруднено, но права и свободы еще не нарушены. Если права и свободы нарушены, то их нужно не защищать, а восстанавливать [12, с. 88]. Особо автор акцентирует внимание на значении термина «обеспечение», который не только может нести юридически смысловую нагрузку, но и предполагает восприятие его через систему социальных факторов, создающих

условия для удовлетворения материальных и духовных потребностей, интересов человека [12, с. 90-91]. В.Н. Бутылин также говорит о том, что понятие «обеспечение» является родовым по отношению к понятиям «охрана» и «защита» [3, с. 18]. На базовый характер категории «обеспечение» указывает в своей работе и автор настоящей статьи, говоря о том, что «...без обеспечительных мероприятий невозможны ни реализация, ни охрана, ни защита прав и свобод личности. Соответственно, реализацию, охрану и защиту необходимо рассматривать не иначе, как формы выражения обеспечения прав и свобод личности» [1, с. 18].

А.С. Мордовец в основу механизма социально-юридического обеспечения прав человека закладывает нравственную направленность правовой системы. При этом он акцентирует внимание на важности социальных норм, которые, как справедливо отмечает автор, «служат критерием оценки поведения социальных общностей и политических, нравственных, правовых и иных отношений» [12, с. 108-109]. Центральное место в сфере защиты прав человека занимают морально-нравственные ценности. Без нравственности демократия обречена на политическую смерть. Задача реализации норм морали в сфере прав человека предполагает системное решение вопросов нравственного, духовного воспитания членов общества, максимального удовлетворения интересов и материальных благ, создание равных возможностей гражданам лишь на основе общественно полезной деятельности.

В исследуемом механизме немаловажное значение в структурном ряду правовых категорий отводится правомерному поведению, в основу которого заложена социально-правовая активность граждан. Как на весьма важное связующее звено в механизме социальной и правовой защиты личности А.С. Мордовец особо акцентирует внимание на правомерном поведении государств [12, с. 131].

Еще одним важным звеном механизма социально-юридической защиты личности является общественное мнение.

В работе акцентировано внимание на исследовании роли и места гарантий прав личности в социальном и правовом механизме обеспечения прав человека и гражданина. Гарантии как социально-правовые меры материального, организационного и иного характера всесторонне характеризуют степень демократичности общества, уровень его экономического и политического развития, общественного и правового сознания населения [12, с. 171].

Эффективность юридической ответственности в сфере обеспечения прав граждан производна от эффективности правотворчества и правоприме-

нения, включая дифференцированное сочетание мер юридической ответственности и мер защиты. И здесь важно, по справедливому утверждению А.С. Мордовца, чтобы меры юридической ответственности не были чужды и самому государству в тех случаях, когда его поведение противоречит содержанию общественного договора.

Важное место в работах А.С. Мордовца отводится концепции человеческого измерения как весьма объемной и проблемной. В любом случае она подчинена социальной практике. Содержание идей понятия «человеческое измерение» включает такие элементы, как права человека, верховенство закона, правовое государство, демократия, уважение, свобода, равенство, личная неприкосновенность, качество жизни и др. [10, с. 500-501]. Человеческое измерение – закономерный, беспристрастный, объективный и весьма динамичный оценочный критерий развития цивилизации [13].

Права человека обеспечиваются там, где функционируют эффективные формы демократии, действует совершенная система законов и процедурных отношений, последовательных актов процедурной деятельности. Любое государственно организованное общество невозможно представить себе без определенной системы ценностей, сложившихся под воздействием исторических, религиозных, нравственных, правовых и иных обычаев и традиций народов, составляющих определенный тип цивилизации. Познание системы и иерархия ценностей определенных видов: общечеловеческих, региональных и национальных ценностей малых и больших народов, их научное и практическое значение всегда привлекали и привлекают внимание представителей различных гуманитарных знаний с глубокой древности до настоящего времени.

Правовая политика государства, которая основывается на идеях уважения и заботы о человеке и гражданине и реализована в его правотворческой и правоприменительной практике, есть деятельность гуманистическая. Признание же государством уважения и заботы в качестве принципов правовой политики есть одновременно признание и нравственной, и юридической обязанностей государства по осуществлению их требований в правовой жизни. Власть вынуждена соизмерять свою деятельность с учетом потребностей человека, уважать его интересы, заботиться об их материальном и духовном состоянии, стимулировать социально активное правомерное поведение личности [9, с. 48].

Человеческое измерение – это объективная и разумная оценка человеческого бытия. Универсальным критерием человеческого измерения служат права человека. Они имеют особое значение для

«измерения» цивилизации, поскольку определяют положение личности в обществе и в конечном счете раскрывают характер цивилизации, ее системоцентристскую или персоналистскую направленность, отвечая на главный вопрос: человек для системы или система для человека [10, с. 500].

В своей работе А.С. Мордовец центральное место в социально-юридическом механизме обеспечения прав человека отводит международным процедурам, которые являются неоценимым средством повышения эффективности норм международного права в области охраны индивидов [12, с. 254].

Указывая на универсальность проблемы эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека, автор обозначает грани этой эффективности, отмечая: во-первых, материальные, процессуальные, международные нормы и принципы, а также нормативно-правовые акты, международные соглашения и договоры; во-вторых, деятельность разнообразных социальных институтов гражданского общества, включая государство и его институты, международные правительственные и неправительственные, а также внутригосударственные неправительственные правозащитные организации; в-третьих, процедурно-политико-правовые механизмы охраны и защиты прав человека и гражданина; в-четвертых, международные и внутригосударственные механизмы контроля (правительственные и неправительственные) за обеспечением прав человека [12, с. 260-261].

В целом же под условиями эффективности социально-юридического механизма охраны и защиты личности следует понимать совокупность обстоятельств, с одной стороны, учитывающих человека как высшую ценность, а с другой – факторы,

от наличия и изменения которых зависит уровень, способы и методы действия индивида, а также социальных институтов по реализации этой высшей ценности.

Конституционно-правовая ценность социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина как вид правовых ценностей относительно самостоятельна. Она призвана удовлетворять интересы субъектов прав человека на международном, региональном, национальном, местном и индивидуальном уровнях, служить внутренней мотивацией рационального поведения индивидов в случаях правовых коллизий либо побуждать их к активным действиям в случае наличия таковых, например в плане использования своего права на защиту и самозащиту [11].

Таким образом, следует отметить, что среди многочисленных работ по проблемам прав человека труд А.С. Мордовца отличается высокой степенью научности и прагматичности всех без исключения направлений. И по прошествии времени мы видим развитие автором своих суждений и востребованность идей научной общественностью, учениками и последователями ученого.

Сегодня со всей очевидностью можно говорить, что исследование социально-юридического механизма обеспечения прав человека направлено на развитие принципов права в рамках модели гражданского общества и государственности, на познание эффективности функционирования социальных институтов, на выявление назревших потребностей индивидов, на выработку эффективных мер по соблюдению, охране и защите прав человека.

Литература

1. Анохин Ю.В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007.
2. Бережнов А.Г. Права личности. Некоторые вопросы теории. М., 1991.
3. Бутылин В.Н. Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
4. Витрук Н.В. Статус личности в политической системе общества // Политология: курс лекций. М., 1993.
5. Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность. М., 1967.
6. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Саратов, 1972.
7. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
8. Мордовец А.С., Уфаева О.Е. Правовая культура прав человека как элемент социально-юридического механизма реализации прав и свобод недееспособных граждан // Правовая культура. 2017. № 4 (31). С. 113.
9. Мордовец А.С. Взаимосвязь нравственно-правовых категорий и принципов прав человека (на примере уважения и заботы) // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3 (15). С. 48.
10. Мордовец А.С. Социально-юридическая конструкция человеческого измерения прав человека // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 500-501.

11. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина как правовая категория и конституционно-правовая ценность // Конституция Российской Федерации: 20 лет спустя: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Саратов, 2014. С. 21-22.

12. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: СВШ МВД РФ, 1996.

13. Мордовец А.С. Человеческое измерение прав человека: нормативно-ценностный аспект // Гражданское общество и правовое государство. 2013. Т. 1. С. 50-53.

14. Фарбер И.Е. Конституционное обеспечение прав советского человека // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 76.

15. Фарбер И.Е. О развитии конституционной теории прав человека // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 г. Саратов, 1980.

УДК 342.7

А.Г. Репев, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: repev-artem@yandex.ru

ВЗГЛЯД НА РАВНОПРАВИЕ И ПРЕИМУЩЕСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ С ПОЗИЦИИ ЦЕННОСТНОГО ПОДХОДА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ (ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПРОФЕССОРА А.С. МОРДОВЦА)

В честь юбилея одного из виднейших отечественных ученых-теоретиков, профессора Александра Сергеевича Мордовца, автор подвергает осмыслению его труды, посвященные аксиологической тематике и нравственно-правовым аспектам правовой жизни. С позиции ценностного подхода к равноправию, взгляду на него под призмой человеческого измерения аргументируется тезис о диалектической взаимосвязи преимуществ и ценностей в праве.

Ключевые слова: А.С. Мордовец, правовое преимущество, ценности, уважение, забота, человеческое измерение.

A.G. Repev, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: repev-artem@yandex.ru

VIEW OF EQUALITY AND ADVANTAGES IN THE LEGISLATION FROM A POSITION OF VALUABLE APPROACH AND HUMAN MEASUREMENT (REREADING PROFESSOR A.S. MORDOVETS)

In honor of anniversary of one of the most visible national scientists-theorists, professor Alexander Mordovets the author subjects to judgment his works devoted to axiological subject and moral and legal aspects of legal life. The thesis about dialectic interrelation of advantages and values in the right is reasoned from a position of valuable approach to equality.

Key words: A.S. Mordovets, legal advantage, values, respect, care, human measurement.

18 июня 2018 г. исполняется 70 лет со дня рождения одного из самых ярких и неординарных отечественных ученых-правоведов – профессора Александра Сергеевича Мордовца! Едва ли среди юридической научной общественности России, Беларуси, Казахстана, Украины найдется человек, который не знал бы юбиляра лично или по его фундаментальным работам и успехам на управленческой стезе.

Долгое время кафедра теории и истории государства и права Саратовского юридического института МВД России ассоциировалась с именем своего волевого и в то же время тонкого, трепетного

к человеческим проблемам руководителя. Будучи настоящим лидером на службе и вне ее, Александр Сергеевич не только на высоком уровне руководил неординарным коллективом, где одновременно трудились начальник института профессор Владимир Николаевич Синюков, профессора Александр Петрович Плешаков, Рустам Сулейманович Байниязов, Павел Петрович Сальников, Николай Анатольевич Катаев, Наталья Борисовна Баранова, но и органично создавал настоящую творческую атмосферу, которая стала благодатной почвой для всхода новых талантливых молодых ученых на nive теоретико-правовой науки. Александр Сергеевич всег-

да особенно умело работал с молодежью, окружая себя учениками и единомышленниками, которые сегодня вошли в его научную школу. Кафедра не просто занималась наукой, она ею жила!

За это время с отдельными научными и образовательными организациями Александра Сергеевича связали не только творческие контакты, но и по-настоящему дружеские отношения. Это в первую очередь коллективы ученых из учреждений, где во многом состоялось его становление как офицера и научного деятеля, – Академии управления МВД России (г. Москва), Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань), Саратовской государственной юридической академии. Кроме того, вот уже более десяти лет творческий путь Александра Сергеевича связан с именем Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва и филиал в г. Саратове).

Полковник милиции в отставке Александр Сергеевич Мордовец, будучи без преувеличения настоящим патриотом службы, не ограничивался в своих изысканиях так называемой полицейской тематикой. Диапазон его научного поиска максимально разнообразен. Это и вопросы обеспечения прав человека, развития правовой культуры, реализации принципов права и отдельных его институтов, проблематика юридической ответственности, сложности построения гражданского общества.

В числе вопросов, которые волнуют Александра Сергеевича в последние годы, улавливается тонкий гуманистический мотив. Мы отмечаем это в связи с появлением ряда статей и глав коллективных монографий, посвященных ценностям права и праву как ценности, заботе и уважению в правовой жизни, человеческому измерению в государственно-правовых явлениях современности, к сожалению, не всегда прослеживающемся. Исследование аксиологических оснований права – «стиль» научных работ Александра Сергеевича последнего времени.

Аксиологическая проблематика близка и нам. Занимаясь исследованием различного рода отступлений от равноправия посредством института преимуществ в праве, мы не могли не коснуться вопросов ценностного подхода к данной проблематике. На это есть ряд объективных причин.

Изучение любого правового явления, как нам кажется, неминуемо должно начинаться с рассмотрения его с общефилософских позиций. Это позволит взглянуть на проблематику, отталкиваясь от различных способов или вариантов восприятия человеком окружающего мира, и, как следствие, задействовать соответствующий методологический аппарат познания. На доминирующее место философского подхода при изучении любых правовых

явлений, позволяющего увидеть их с наиболее общих, мировоззренческих позиций, ранее обращали внимание многие авторы, среди которых особенно хотелось бы отметить сегодняшнего юбиляра – Александра Сергеевича Мордовца!

Взгляд на правовые преимущества, даже не подкрепленный глубокими знаниями закономерностей государственно-правового развития, так или иначе останавливается не только на их месте в бытии, но и ценностной роли. Последняя предполагает осмысление преимуществ с позиции приоритетов развития государства и общества, импульс которым нередко заложен в законодательном закреплении дополнительных прав и возможностей. Как известно, предпочитаемые блага, желаемые объекты, на которые ориентирован, устремлен субъект и к которым проявляет интерес, выступают частью содержания аксиологии как совокупности знаний о природе ценностей, их месте в структуре мироздания. Сообразно трансформации ценностных ориентиров личности в историческом развитии общества формировались и представления о преимуществах. По сути, разные преимущества выступили отражением своей эпохи, ее особенностей и, разумеется, ценностей.

Включенность ценностей в правовую материю – одна из вечных дискуссий двух противоположных систем взглядов. Сторонники нормативизма, как мы помним, стоят на исключении из сущностной сферы права ценностного подхода, рассматривая под первым совокупность норм, установленных государством. Юснатуралисты, напротив, склонны сводить право к совокупности ценностей – равенства, свободы, справедливости и пр.

Полагаем неуместным в рамках нашей работы подвергать глубокому обсуждению две хорошо аргументированные, но достаточно крайние в своих суждениях позиции. Попробуем выработать некий компромисс.

Думается, ценностный подход имеет место быть в праве. Стоит признать, что возросшее внимание ученого сообщества к аксиологической проблематике последних лет во многом обусловлено работами нашего учителя А.С. Мордовца и его научной школы [3, 5, 8, 15], а также его многолетних соратников [2, 16, 17, 19].

Исследование норм, содержащих правовые преимущества, с позиции ценностного подхода представляется актуальным и интересным сразу с нескольких ракурсов, поскольку:

- во-первых, юридические нормы, усиливающие правовой статус субъекта, дополняющие его новыми и более широкими правами и возможностями, всегда детерминируют поиск путей к обладанию последними, побуждают интерес, желание, волю;

- во-вторых, политико-правовое, экономическое развитие государства в современных, не всегда благоприятных условиях с учетом отдельных проявлений стагнации внутренних и внешних отношений заставляет институты власти делать нелегкий выбор, расставлять приоритеты в распределении благ. Руководствуясь фактором целесообразности, практической значимости того или иного правотворческого шага, закон предоставляет преимущества в правах и возможностях одним субъектам, утверждая их неравное положение с другими;

- в-третьих, правовые преимущества выступают средством построения иерархии ценностей государства и общества, определяя вектор движения последних. Наделяя дополнительными правами и послаблениями многодетные семьи, малоимущих граждан, власть демонстрирует приоритетность социальной сферы. Обеспечивая расширенными возможностями в виде первоочередного получения жилых помещений, санаторно-курортного лечения военнослужащих, устанавливая упрощенный порядок жилищно-бытового обслуживания для членов их семей, законодатель дает посыл на развитие оборонного сектора.

Подобная позиция расширяет возможности аксиологического подхода для познания как права в целом, так и такого явления, как преимущества, в частности. С учетом того обстоятельства, что правовые преимущества так или иначе выступают отступлением от всеобщего равноправия, неминуемо может возникнуть вопрос о выборе ценностного подхода. Здесь необходимо помнить о ценностном многообразии, которое связано со структурной и содержательной многогранностью нашего общества.

Допускаем, что ценности у людей могут существенно розниться. Так, учеными предпринималась попытка выделения, например, абсолютных ценностей, надличностных, составляющих «идеальное бытие» [1, с. 132]. Другие попытались из имеющихся ценностей выделить наиболее приоритетные, высшие [10, с. 485; 11, с. 12, 17]. К примеру, А.А. Юнусов заметил, что важнейшие цели, идеалы, смысл жизни людей обобщенно выражают базовые ценности [20, с. 34].

Профессор А.С. Мордовец поддерживает перспективное направление в исследовании не только ценностей права, но и ценностей в праве [8, с. 26]. Соглашаясь с мнением уважаемого ученого, предположим, что к базовым ценностям относятся личность, семья, свобода, труд. Этот ряд можно было бы продолжить, но здесь важно другое. Мы однозначно можем заключить, что правовые преимущества находят в них свое воплощение. Одни преимущества в виде освобождения от обязанно-

сти свидетельствовать против своего близкого или предоставления режима послаблений в труде для беременных женщин, инвалидов, престарелых, несовершеннолетних выражают фундаментальные ценности человеческого общежития: забота о старшем и младшем поколениях, семье, человеколюбие. Другие, по примеру субсидий и дотаций отдельным представителям предпринимательской деятельности, финансовым организациям, сообщают ценностные ориентиры будущего развития общества: модернизация производства, технологический прогресс, экономический рост и пр.

Получается, что правовые преимущества обладают, с одной стороны, качеством укрепления отдельных ценностей, а с другой – их ротации. А.С. Мордовец на примере такой нравственно-правовой категории, как забота, пишет: «Советское социалистическое общественное сознание с его пониманием заботы о человеке коренным образом отличается от нынешнего, современного российского общественного сознания» [7, с. 299].

Соглашаясь с утверждением, приведем доводы в его поддержку на свежем примере. Еще не так давно продовольственная сфера нашего государства находилась в практически полной импортозависимости. Однако изменение геополитической обстановки побудило государственную власть не только на модернизацию методов экономического развития. Это, как думается, видимая составляющая. Речь также стоит вести и об изменении ценностных ориентиров на укрепление национального достоинства, патриотизма и пр. Необходимость обеспечения жизнеспособности страны подтолкнула на введение конкурентных преимуществ – льгот и привилегий для отечественных товаропроизводителей [12]. Ценности, находившиеся в тени международных отношений, вышли на первый план.

При этом не следует забывать, что ценности всегда представляют собой духовные конструкты социума, взгляды на идеал развития, желаемое в жизнедеятельности. В этом аспекте снова прав А.С. Мордовец, что «такой подход к пониманию ценностей позволяет полнее раскрыть и гуманистический потенциал демократического общества, и ценность человеческой личности, уважения к ней» [8, с. 26].

Развивая подобный подход, А.А. Васильев пишет, что «юридическая материя должна быть не только средством охраны высших ценностей, но и по своему содержанию соответствовать и выражать надправовые ценности» [4, с. 33]. Речь, как думается, должна идти о моральном требовании общества к закону в виде его соответствия нравственным, духовным ценностям, защите, прежде всего, идеалов

личности, семьи, долга, совести, правды. На примере предоставления преимущества в виде возможности сохранения тайны исповеди [14] мы можем убедиться пусть и не в повсеместном присутствии такого подхода в законодательстве, но все же в его существовании.

Ценности рассматриваются и как источник преимуществ в праве. Данный постулат официально закреплен в нормативных правовых актах международного уровня. К примеру, как известно, «Совет Европы, представители членов и Секретариат пользуются такими привилегиями и иммунитетами, которые разумно необходимы для выполнения ими своих обязанностей» [18]. В свою очередь, в преамбуле данного документа Совет Европы подтверждает «...свою приверженность духовным и моральным ценностям, которые являются <...> подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства Права, лежащих в основе любой истинной демократии» [18].

К сожалению, видимо, стоит признать существование и кризисных явлений в ценностных ориентирах населения нашего государства, а также представлений власти о заботе. Речь идет о тотальной материализации отношений между людьми, о приоритете жизнедеятельности отдельных граждан по достижению максимального финансового благополучия. Казалось бы, даже активная жизненная позиция может быть продиктована не идеалами добра, человеколюбия, взаимопомощи, а соображениями финансового благосостояния [9, с. 180]. Как бы мы не хотели затрагивать данный аспект, правовые преимущества опосредованно способствуют восприятию сугубо духовных идеалов через призму материальных отношений.

Типичный пример – программа поддержки граждан, имеющих детей (материнский капитал) [13]. К сожалению, мы все чаще сталкиваемся с примерами восприятия некоторыми женщинами процесса зачатия и рождения второго ребенка не в качестве духовной ценности материнства и детства, не как социальное и природное предназначение женщины, не как возможность укрепления семейных отношений (они зачастую могут и вообще отсутствовать), а руководствуясь исключительно потребительскими интересами своего потенциального преимущественного положения перед другими женщинами, не имеющими ребенка. Речь идет об улучшении жилищных условий, повышении уровня пенсионного обеспечения и пр.

Безусловно, затронутый нами аспект не простой и, допуская, может вызвать критические суждения. Писать о таких деликатных моментах – дело неблагодарное. Однако мы прежде всего призываем

объективно и всесторонне воспринимать такой инструмент правового регулирования, как преимущество. Задача государства в данном случае сохранить баланс духовных интересов общества и материальных, не создавать как искусственных преимуществ, не подкрепленных объективной необходимостью, так и барьеров по реализации гражданами своих прав и законных интересов. В своих работах А.С. Мордовец неоднократно подчеркивал обязанность власти «соизмерять свою деятельность с учетом потребностей человека, уважать его интересы, заботиться об их материальном и духовном состоянии, стимулировать социально активное правомерное поведение личности» [6, с. 48].

В этой связи, по нашему мнению, на уровне теории права и государства следует ставить вопрос о необходимости концептуального переосмысления роли и места правовых преимуществ с позиции ценностного подхода и человеческого измерения.

Подводя итоги, выдвинем достаточно смелый тезис, что разумность должна стать универсальным принципом при формулировании в текстах нормативных правовых актов положений, устанавливающих преимущественное положение одного субъекта над другим. Это обеспечит гибкость процесса перехода от неопределенности к конкретизации, рациональность и целесообразность действительности, а также в конечном итоге эффективность действия преимуществ в процессе правового регулирования.

Сегодня бессмысленно отрицать, что существование личности – процесс крайне сложный. Обусловлено это в первую очередь неоднородностью, многослойной структурой социальной среды. Прибавим к этому закономерности развития природы, исторические и культурные предпосылки объективной действительности, в которой оказался человек. В результате с первых дней жизни индивид попадает в условия необходимости выживания и социальной борьбы. Результатом является дифференциация общества.

Кто-то от рождения и до смерти наделен в лучшем случае базовыми, основополагающими правами, а другой в силу социально активной деятельности или по иному основанию получает расширенные возможности, дополнительные социальные ресурсы и послабления. Легитимность им придается за счет законодательно установленных преимуществ в форме привилегий, льгот, иммунитетов, особых правовых процедур и пр. В этой связи от выверенности, глубины и доскональности при определении подходов к закреплению преимуществ в праве во многом зависит не только результат их эффективно-го или неэффективного регулирования общественных отношений. Это подразумевается само собой.

Однако немаловажным будет и их оценка гражданским обществом с позиции ценностного подхода, заботы и человеческого измерения, поскольку, как известно, любые формы неравенства вызывают наибольшую социальную напряженность среди населения.

Осмысление работ Александра Сергеевича Мордовца, посвященных аксиологической тематике и нравственно-правовым аспектам правовой жизни, позволяет прийти к выводу о безграничности и глубине данной тематики. Отсутствие комплексного, теоретико-правового исследования нравственно-

правовых категорий «забота», «человеческое измерение» отчасти подтверждает изложенное. Предполагаем, что данная статья поддержит тот импульс, заданный юбилеем, и подстегнет научное сообщество к дальнейшему изучению этой сферы.

В судьбе каждого человека присутствуют люди, без преувеличения, давшие дорогу в жизнь. В моем случае это Александр Сергеевич Мордовец! Неравнодушный и отзывчивый человек, строгий и принципиальный учитель! Пример беспрецедентной порядочности и верной дружбы! Александр Сергеевич, бодрости духа и долгих Вам лет жизни!

Литература

1. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 395 с.
2. Байниязов Р.С. Дух и право // *Философия права*. 2005. № 1. С. 19-21.
3. Баландина Н.В. О функциональной роли ценностей в субъектной позиции участника общественных отношений // *Проблемы теории и практики современной науки: мат-лы VII международной научно-практ. конф-ции*. М.: ООО «НОУ «Вектор науки», 2016. С. 135-139.
4. Васильев А.А. Консервативная правовая идеология России: сущность и формы проявления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 56 с.
5. Грандоян К.А. Социальная ценность права в России в условиях глобализации // *Гражданское общество и правовое государство*. 2013. Т. 1. С. 115-117.
6. Мордовец А.С. Взаимосвязь нравственно-правовых категорий и принципов прав человека (на примере уважения и заботы) // *Алтайский юридический вестник*. 2016. № 3 (15). С. 47-51.
7. Мордовец А.С. Об уважении и заботе как нравственно-правовых категориях и принципах прав человека // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы четырнадцатой международной научно-практ. конф-ции / под ред. А.А. Андреева*. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. Ч. 2. С. 298-300.
8. Мордовец А.С., Рагузина О.В. Уважение как принцип и ценностное явление правовой политики // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2016. № 1. С. 22-28.
9. Мордовец А.С. Юридическая ответственность должностных лиц по российскому законодательству как средство борьбы с коррупцией: XXI век // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы шестнадцатой международной научно-практ. конф-ции / под ред. Ю.В. Анохина*. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. Ч. 2. С. 179-181.
10. Морозова Л.А. Роль правовых приоритетов в формировании стратегии законотворчества в России // *Юридическая техника*. 2015. № 9. С. 485-487.
11. Нерсесянц В.С. *Философия права: учебник для вузов*. М.: Норма, 2005. 656 с.
12. Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения: постановление Правительства РФ от 28.01.2016 № 41 (в ред. от 06.10.2017) // *Собрание законодательства РФ*. 2016. № 6. Ст. 837; 2017. № 42. Ст. 6159.
13. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (в ред. от 28.12.2016) // *Собрание законодательства РФ*. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 19; 2017. № 1 (ч. I). Ст. 11.
14. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 06.07.2016), п. 7 ст. 3 // *Собрание законодательства РФ*. 1997. № 39. Ст. 4465; 2016. № 28. Ст. 4558.
15. Репьев А.Г. Юридическое преимущество сквозь призму естественно-правового правопонимания // *Философия права*. 2015. № 6 (73). С. 34-37.
16. Рыбаков О.Ю. Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческая предпосылка толкования права // *Образование и право*. 2017. № 2. С. 153-157.

17. Рыбаков О.Ю. Ценностные измерения российской правовой политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. Дополнительный выпуск (85). С. 11-17.

18. Устав Совета Европы: принят в г. Лондоне 05.05.1949, ст. 40 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1390.

19. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Ценности правовой культуры и российская государственность // Правовая культура. 2016. № 4 (27). С. 8-16.

20. Юнусов А.А. Общетеоретические проблемы обеспечения прав человека в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 445 с.

УДК 342.7

А.А. Чесноков, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: chesnokovaa@mail.ru

КОНФЛИКТ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В статье рассматривается проблема реализации западной концепции прав человека в российской правовой системе, на основе инструментария социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина делается вывод о снижении эффективности данного процесса в связи с глубинными противоречиями ментальных установок населения.

Ключевые слова: права, свободы, личность, правовые ценности, правовой менталитет.

A.A. Chesnokov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: chesnokovaa@mail.ru

CONFLICT OF LEGAL VALUES AS A FACTOR OF EFFECTIVENESS OF SOCIAL AND LEGAL MECHANISM OF ENSURING HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

The article deals with the problem of implementation of the Western concept of human rights in the Russian legal system on the basis of social and legal mechanism to ensure the rights and freedoms of man and citizen, the conclusion about reducing the effectiveness of this process in connection with the deep contradictions of mental attitudes of the population is made.

Key words: rights, freedoms, personality, legal values, legal mentality.

Человечество подобно маятнику, с завидной периодичностью меняющему свое расположение по отношению к различным ценностям, зачастую взаимоисключающим. Религия сменяется воинствующим атеизмом, консерватизм замещается реформаторством, индивидуализм – коллективизмом, через цикл все меняется, а свобода и тотальное подавление настолько переплетаются, что грани становятся неощутимы.

Период XX – начала XXI в. ознаменовался многими экстремумами, среди них особенно выделились процессы борьбы идеологий, цементирующих различные социально-экономические системы. После победы над фашизмом одним из ведущих направлений объединения народов избирается идея прав человека. Задача утвердить веру в основные

права человека, равенство мужчины и женщины, больших и малых наций, в достоинство и ценность человеческой личности была провозглашена в уставе ООН, подписанном 26 июня 1945 г. в г. Сан-Франциско [11, с. 14]. Ценность прав человека стала (или должна была стать) во главу угла международной политики, встроилась в фундамент каждой правовой системы.

При этом оговоримся, что под правами человека мы понимаем политические, гражданские, экономические, социальные, культурные и т.п. гарантии реализации интересов личности, потенциала ее беспрепятственного развития в том виде, в каком они нашли юридическое выражение в международных документах. Именно совокупность таких норм вместе с их типичными юридическими и философски-

ми толкованиями выступает как «концепция прав человека».

Российская Федерация, выполняя свои международные обязательства, также стремится к провозглашенным общечеловеческим идеалам. Основной закон, отрасли права, даже структура механизма государства получили отпечаток соответствия идеалам прав личности. Но до сих пор наблюдается игнорирование законных интересов и не просто отдельных граждан, а целых социальных групп, населения в целом. Самое поразительное то, что это происходит не вопреки, а благодаря ссылкам на ценностные установки новой господствующей идеологии [6, с. 5]!

Современные реалии показывают, что подавление суверенитета государств, объявление санкций, даже военное вторжение могут проходить под знаменем прав человека (Ирак, Афганистан, Югославия и пр.). Но мы понимаем, что в основе политики по защите «демократических ценностей» лежат идеи государства права силы над силой права, политической целесообразности над законностью и, разумеется, экономические и иные интересы. В этой связи нельзя не отметить, что переосмысление приоритетов во времени удивительнейшим образом совпадает с ослаблением в мире политического «веса» СССР и приобретает закономерный характер после его распада [3, с. 5].

Что же делать сообществам, чьи интересы пересекают фарватер государств «права силы»? Отказаться ли им от ценностей национальной идентичности, морали, нравственности, суверенитета в угоду глобализации как «единственно верного пути»? Или наступит прозрение, что права человека – это не единственная ценность и не самостоятельная ценность, а лишь средство на пути к интересам Человека и Человечества?

И находится система обеспечения прав человека в определенной среде, которая живет своей собственной жизнью, имеет свои задачи и приоритеты существования. Игнорирование же потребностей и специфики этой среды снижает эффективность реализуемых ценностей, часто превращая их в антиценности. Весьма показательным в этом смысле является привлечение в феврале 2018 г. к уголовной ответственности ведущего идеолога «прав ребенка», консультанта ЮНИСЕФ, автора важнейших стандартов в области защиты детства и семейной политики ООН, «Справочника по воплощению Конвенции о правах ребенка» и т.п. Питера Ньюэлла за педофилию [13]. Уже признано, что его деятельность легла в основу международного запрета родительских наказаний, продвижения гомосексуализма среди детей, деформации целей ювенальной юстиции. Средствами массовой информации неод-

нократно озвучивалась необходимость пересмотра документов, принятых с участием П. Ньюэлла, но скандал быстро замяли.

К счастью для нас, следует согласиться с В.Н. Синюковым, что иностранные правовые конструкции, оказавшись в чуждой им культурной и социальной среде России, могут порождать особое явление правовой аннигиляции, т.е. их поглощение традиционной средой [12, с. 94-95]. Означает ли это отказ от такой ценности, как права человека? Ни в коей мере, это всего лишь повод пристальнее взглянуть на их содержательные характеристики.

Вышеназванное определяет необходимость переосмысления самого подхода к правам человека, их рассмотрение в рамках действия конкретных институтов как элементов социальной среды, определяющей саму возможность реализации заявленных ценностей. Именно институциональный подход позволяет выявить факторы и условия существования правовых явлений, их эффективность, результативность и даже приемлемость. Институт рассматривается здесь как целостное явление само по себе и как структурный элемент системы общества. При этом под системой традиционно понимается множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство [7, с. 1113]. Элементы системы образуют определенную структуру или совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его единство и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях [7, с. 1169].

Одним из первых на фундаментальном уровне данный подход реализовал в середине 1990-х гг. представитель саратовской школы права, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Саратовской высшей школы МВД России (позднее Саратовского юридического института МВД России) д.ю.н., профессор, заслуженный работник высшей школы РФ А.С. Мордовец. Он ввел в научный оборот, обосновал и всесторонне исследовал феномен социально-юридического механизма обеспечения прав человека и гражданина. Это породило целое научное направление, обосновывающее и развивающее гуманистические начала права прав человека, а также деятельности органов внутренних дел как важнейшего элемента государственного аппарата.

Еще ранее, в 1983 г., под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР В.М. Чхиквадзе он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Гуманизм как принцип юридической ответственности граждан в советском праве». Многолетний опыт работы в правоохранительных органах позволил рассматривать права человека с точки

зрения их аксиологической и инструментальной сущности. Вопреки сложившемуся в эти годы мейн-стриму, А.С. Мордовец не ограничился констатацией идеологических основ, а осуществил критическое осмысление самого института прав человека и формирующей его среды, показал взаимозависимость социальных и государственно-правовых факторов. Развивая научную школу заслуженного деятеля науки РФ д.ю.н., профессора Н.И. Матузова, Александр Сергеевич в 1996 г. издает монографию «Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина» [4], которая спровоцировала развитие целого ряда перспективных направлений исследований: уважение прав человека [10], механизм обеспечения информационной безопасности личности [14], устранение противоречий гражданского общества [1] и т.п.

Автор данной статьи, будучи учеником А.С. Мордовца, с гордостью и благодарностью вспоминает жизненный опыт, нравственный и научный потенциал, передаваемый им молодому поколению. Продолжатель традиций «советской школы права» Александр Сергеевич настаивал на приоритете сущностной характеристики прав человека над толкованием форм их закрепления, совмещал исследование статических и динамических характеристик данного явления. Осмысливая перспективы развития принципов прав человека, А.С. Мордовец постановочно поднимает вопрос о российской модели гражданского общества. В России идеи государственности и развития принципов прав человека находятся в одном правовом пространстве. Следует не противопоставлять государство и права человека, как некоего левиафана и враждебную ему узду, подобно восприятию прав человека в западных странах. Не Конституция РФ служит главной юридической гарантией охраны и защиты прав и свобод личности от произвола властей, а законодательная, судебная и исполнительная власти под фактическим началом Президента РФ. Цели государственного управления – обеспечение общего блага, народной воли, создание условий участия граждан в решении общественных дел и реализации условий полноценного развития личности [5, с. 23-25].

В свете последних геополитических тенденций все более наглядной становится выраженная им позиция, что ни идеи либеральной демократии, ни идеи социал-демократии не могут быть в чистом виде положены в модель строительства гражданского общества в России, а следовательно, определять содержание принципов прав человека. Либеральная модель, от которой так тяжело отказаться исполнительной власти не только дискредитировала себя, но и вызвала глубочайшую неприязнь в обществе,

т.к. под ее флагами происходило обнищание подавляющей части населения, уничтожение на международной арене самознания целых наций.

Кроме того, естественно-правовая концепция имеет ярко выраженный «прозападный» характер и не учитывает культурно-исторические традиции иных народов (по данным ООН, только 7% населения планеты знают о существовании Всеобщей декларации прав человека 1948 г.) [8], а значит каждое государство должно самостоятельно определять степень соотношения индивидуальных и общественных интересов.

Так, на развитие современного западного права, в т.ч. права прав человека в эпоху буржуазных революций, большое значение оказала идеология протестантизма. По сути, данная религия была сформирована для обеспечения интересов буржуазии, как противодействие католицизму, отрицающему ростовщичество. Сами ценности протестантских учений, поощряющие индивидуализм, приоритет индивидуальных интересов перед общественными, накопление, стяжательство, вводящие концепцию «богом избранного» успешного человека, незаметно стали основой абсолютного большинства современных правовых систем. Большую роль в этом сыграла также колониальная политика, не прекращающаяся и сегодня.

В результате западная цивилизация прочно обосновалась на квазирелигии, которая могла называться католицизмом, реформацией, иудаизмом, однако строилась на следующих догматах: накопление богатства – цель, смысл жизни человека, которые могут достигаться любыми средствами; частная ценность обладает сакраментальной ценностью и неприкосновенностью; гипериндивидуализм выступает основой взаимодействия личности и общества [2, с. 120-121].

Именно на этой почве создавалась западная концепция гражданского общества как средство защиты своих интересов в войне всех против всех в условиях необходимости противостояния государству как главной угрозе частной собственности. Как отметил Ш.Л. Монтескье, гражданское общество – это общество вражды людей друг с другом, которое для снижения накала страстей преобразуется в государство [9, с. 154].

Интересна в этой связи позиция Р.В. Насырова, который показывает, что формулировка ст. 2 Конституции РФ явилась результатом не столько содержательных и глубоких размышлений о высшей социальной ценности, сколько проявления «эффекта маятника», стремления противопоставить прежнему социализму и коллективизму абстрактный индивидуализм [6, с. 3].

Если же учесть менталитет российского Народа (именно Народа, а не легко управляемого народонаселения), то очевидно, что в основе мировоззрения подавляющей его части может лежать православие, ислам, наконец, просто морально-этические ценности, которые устанавливают не примат, но равновесие индивидуальных и общинных (коллективных) начал, а при необходимости добровольное самоограничение. Именно эти качества позволили выжить и победить в самые трудные периоды становления нашего Отечества.

Очевидно, что это не в полной мере вписывается в систему разработанного на Западе права и концепции прав человека, которые активно внедрялись у нас в 1990 г. И нет ничего удивительного в том, с каким сопротивлением наш национальный менталитет принимает подобные реформы, насколько снижается на практике эффективность, казалось бы, апробированных за столетия в европейских странах институтов. Даже коммунистическая идеология оказалась более созвучна общинным истокам существования страны, подхватила у Российской империи патерналистическое отношение к государству и негативное отношение к праву, чем во многом определялся ее успех.

Именно на стыке «западных» и «восточных» ценностей необходимо создавать собственную концепцию прав человека, системы права в целом, которая, с одной стороны, отвечала бы и требованиям международных договоров, а с другой – мировосприятию большинства населения. Очевидно, что это работа не одного поколения ученых и практиков, но для создания эффективной правовой системы она необходима.

Стоит согласиться с позицией А.С. Мордовца, что для эффективной реализации института прав человека необходимо известное равновесие между интересами личности и материально-нравственными интересами общего блага; между стремлением народа к духовному развитию, свободе, равенству, справедливости, уважению и неприкосновенности прав личности и интересами разных общественных групп и движений в борьбе за власть, за управление государственным строительством. Ядром же эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина должно выступать высокое нравственное, политическое, правовое сознание индивидов (как рядовых граждан, так и должностных лиц), которое служит типовой мерой определения качества всех его элементов [5, с. 34].

Литература

1. Грандонян К.А. Противоречия гражданского общества: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: СГАП, 2011. 22 с.
2. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / науч. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1072 с.
3. Мордовец А.С. Права человека или суверенитет государства: приоритеты XXI века // Толерантность и межэтнические отношения в России: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-ции. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 5-11.
4. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: СВШ МВД России, 1996. 287 с.
5. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1997. 47 с.
6. Насыров Р.В. Человек как самоценность: О формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г.: курс лекций. Барнаул, 2009. 344 с.
7. Новый энциклопедический словарь. М., 2000. 1568 с.
8. Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/russian> (дата обращения: 01.05.2018).
9. Птушенко А.В. Системная парадигма права. М.: Московский издательский дом, 2004. 465 с.
10. Рагузина О.В. Уважение прав и свобод человека и гражданина – принцип деятельности полиции // Современные проблемы правового регулирования и реализации российского законодательства: сборник научных трудов. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 51-54.
11. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII. 199 с.
12. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: Вопросы правореализации: учебное пособие. Саратов: СВШ МВД России, 1995. 155 с.
13. Скандал в ЮНИСЕФ: Педофил создавал международные стандарты по правам детей. URL: <https://regnum.ru/news/2384532.html> (дата обращения: 01.05.2018).
14. Тамодлин А.А. Государственно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности личности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: СЮИ МВД России, 2006. 175 с.

Административное право и административный процесс

УДК 351.758

А.Г. Бачурин

адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: vooky22@yandex.ru

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЗАПРЕТ НА УЧАСТИЕ В ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

В статье рассматриваются отдельные вопросы административно-правового противодействия общественно опасным деяниям в сфере публичных мероприятий в Российской Федерации. Анализируется система существующих административных наказаний, установленных за нарушения порядка организации и проведения демонстраций, митингов, шествий и пикетирований. Приводится и анализируется судебная практика и зарубежный опыт. Автор высказывается о необходимости совершенствования института административной ответственности. В частности, предлагается дополнить существующую систему мер административной ответственности новым видом административного наказания – административным запретом на участие в публичных мероприятиях.

Ключевые слова: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, административная ответственность, система административных наказаний, публичные мероприятия, административный запрет.

A.G. Bachurin

postgraduate student of Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: vooky22@yandex.ru

ADMINISTRATIVE PROHIBITION FOR PARTICIPATION IN PUBLIC EVENTS

The article addresses some issues of administrative and legal opposition to unlawful acts in the sphere of public events in the Russian Federation. The system of existing administrative punishments established for violations of the order of organizing and holding rallies, demonstrations, marches and pickets is analyzed. Judicial practice and foreign experience are given. The author expresses the need to improve the institution of administrative responsibility. In particular, it is proposed to supplement the existing system of administrative liability with a new type of administrative punishment – an administrative ban on participation in public events.

Key words: Administrative Offences Code of the Russian Federation, administrative responsibility, system of administrative punishments, public events, administrative prohibition.

В условиях современного российского общества, особенно в период крупных избирательных кампаний, отмечается явное повышение активности оппозиционно настроенных к власти групп граждан, присутствуют проявления молодежного радикализма, прежде всего при проведении публичных мероприятий общественно-политического характера на территории России.

Как отмечал В. Путин, выступая на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека, «некоторые группы протестующих или организаторы этих мероприятий, они специально сами сейчас обостряют ситуацию, для того чтобы привлечь внимание» [3].

Соответственно, проблемы, возникающие при применении мер административной ответственности за правонарушения, посягающие на порядок проведения публичных мероприятий, требуют самого внимательного отношения.

Следует подчеркнуть, что законодательство, закрепляющее ответственность за несоблюдение установленных требований к организации и проведению публичных мероприятий, с 2012 г. претерпело серьезные изменения.

Прежде всего это касается значительного ужесточения санкций соответствующих статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Кроме того, введены новые составы правонарушений, установлена уголовная ответственность за отдельные противоправные деяния в сфере публичных мероприятий.

В настоящее время ст. 20.2 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Указанная статья включает в себя 9 составов административных правонарушений.

По данным правонарушений в качестве санкций предусмотрены следующие виды административных наказаний:

1. Административный штраф. Для граждан он установлен от 10 до 300 тысяч рублей. Для должностных лиц – от 15 до 600 тысяч рублей. Для юридических лиц – от 50 тысяч до 1 млн рублей.
2. Обязательные работы до 200 часов.
3. Административный арест до 30 суток.

Очевидно, что применяемые административные наказания имеют наиболее «жесткий» характер по сравнению с иными мерами ответственности за совершение противоправных деяний, предусмотренных КоАП РФ. Названный характер административных санкций подчеркивает высокую общественную опасность правонарушений в сфере публичных мероприятий. Не вдаваясь в справедливость и соразмерность прежде всего существующего административного штрафа, согласимся с мнением профессора А.Б. Агапова, что «предельные размеры штрафных санкций ни в коей мере не соответствуют платежеспособности нарушителя» [1, с. 55]. Однако, несмотря на высокие штрафы и строгость иных применяемых административных наказаний, количество административных правонарушений по ст. 20.2 КоАП РФ продолжает оставаться высоким и имеет тенденцию к росту. Так, за 9 месяцев 2017 г. по данной статье сотрудниками полиции было выявлено 3683 административных правонарушения, а за аналогичный период 2016 г. – 841 [11].

В целях изучения правоприменительной практики назначения административных наказаний были изучены размещенные в открытых источниках [15] судебные решения по делам об административных правонарушениях по ч. 8 ст. 20.2 КоАП РФ за 2015-2017 гг. Состав данного правонарушения предусматривает ответственность за повторные нарушения порядка организации и проведения публичных мероприятий и самые строгие санкции.

Дата	№ решения по делу	Суд	Примененное административное наказание
13.11.2017	5-1125/2017	Краснооктябрьский районный суд г. Волгограда, Волгоградская область	Административный арест сроком на 15 (пятнадцать) суток
02.11.2017	5-392/2017	Ленинский районный суд г. Тамбова, Тамбовская область	Административный штраф в размере 300000 (трехсот тысяч) рублей
31.10.2017	5-1101/2017	Ленинский районный суд г. Чебоксары, Чувашская Республика	Обязательные работы сроком 40 часов

Дата	№ решения по делу	Суд	Примененное административное наказание
17.10.2017	5-832/2017	Пролетарский районный суд г. Ростова-на-Дону, Ростовская область	Административный штраф в размере 150000 (ста пятидесяти тысяч) рублей
12.10.2017	5-368/2017	Центральный районный суд г. Новосибирска, Новосибирская область	Административный арест на срок 2 (двое) суток
12.10.2017	5-513/2017	Свердловский районный суд г. Костромы, Костромская область	Административный штраф в размере 200000 (двухсот тысяч) рублей
11.10.2017	5-1015/2017	Ленинский районный суд г. Чебоксары, Чувашская Республика	Обязательные работы сроком на 40 часов
05.10.2017	5-802/2017	Пролетарский районный суд г. Ростова-на-Дону, Ростовская область	Административный арест сроком на 5 (пять) суток
08.09.2017	5-1297/2017	Центральный районный суд г. Комсомольска-на-Амуре, Хабаровский край	Административный арест сроком на 25 (двадцать пять) суток
23.08.2017	5-1264/2017	Вахитовский районный суд г. Казани, Республика Татарстан	Административный арест сроком на 10 (десять) суток
26.06.2017	5-522/2017	Центральный районный суд г. Хабаровска, Хабаровский край	Обязательные работы сроком на 120 часов
22.06.2017	5-523/2017	Центральный районный суд г. Хабаровска, Хабаровский край	Административный арест сроком на 10 (десять) суток
22.06.2017	5-520/2017	Центральный районный суд г. Хабаровска, Хабаровский край	Обязательные работы сроком на 120 часов
12.05.2017	5-293/2017	Хостинский районный суд г. Сочи, Краснодарский край	Административный арест сроком на 15 (пятнадцать) суток
02.11.2016	5-1972/2016	Вологодский городской суд, Вологодская область	Обязательные работы сроком на 40 часов
18.01.2016	5-9/2016	Дзержинский районный суд г. Оренбурга, Оренбургская область	Административный штраф в размере 75000 (семидесяти пяти тысяч) рублей
09.10.2015	5-1278/2015	Тверской районный суд, Москва	Административный штраф в размере 150000 (ста пятидесяти тысяч) рублей
16.01.2015	5-109/2015	Тверской районный суд, Москва	Административный арест сроком на 15 (пятнадцать) суток

Проведённый анализ показал, что из 18 имеющихся постановлений по делам об административных правонарушениях по ч. 8 ст. 20.2 КоАП РФ по 8 принято решение о применении административного ареста на срок от 2 до 25 суток, 5 раз в качестве меры административного наказания назначались обязательные работы на срок от 40 до 120 часов,

5 – административный штраф на суммы от 75 до 300 тысяч рублей. Очевидно, что наиболее применимым и действенным административным наказанием по рассматриваемой статье является административный арест, т.к. лица, ему подвергнутые, хотя бы на время лишаются возможности совершать противоправные действия.

Административный штраф как мера административного наказания, несмотря на свои значительные размеры, утрачивает свою главную цель, а именно предупреждение совершения новых правонарушений. Это происходит в силу того, что основная масса правонарушений по ст. 20.2 КоАП, особенно в крупных городах субъектов Российской Федерации, совершается «профессиональными» оппозиционерами, которые могут рассчитывать на денежные средства «штрафного» фонда. Например, денежные средства для оплаты штрафов аккумулируются на сервисе «Яндекс-кошелек», открытом на имя директора Фонда борьбы с коррупцией (интернет-ресурсе А. Навального). Упомянутый интернет-ресурс с гордостью сообщает о выплате штрафов 46 активистам за нарушения порядка организации и проведения публичных мероприятий 26 марта 2017 г. на сумму 507000 рублей [16].

С одной стороны, хорошо, что «оппозиционные» штрафы пополняют доходную часть бюджетов. С другой стороны, это не способствует снижению количества противоправных деяний при проведении митингов, демонстраций, шествий и пикетирований. Таким образом, назрела необходимость оптимизации института административной ответственности в сфере публичных мероприятий. Как справедливо утверждала Н.Г. Салищева, «институт административной ответственности требует концептуального осмысления в современных условиях как механизм воздействия на противоправные действия физических и юридических лиц» [12, с. 20]. По нашему мнению, воздействие на противоправное поведение может быть достигнуто путем введения новых видов административных наказаний, делая всю их систему более гибкой.

Так, мы предлагаем дополнить КоАП РФ новым видом административного наказания – «административный запрет на участие в публичных мероприятиях».

Бесспорно, что право граждан на массовые акции, в т.ч. акции общественно-политического характера, является конституционным (ст. 31 Конституции РФ). Однако права и свободы граждан могут быть подвергнуты ограничению нормами федерального закона (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

В настоящее время существуют запретительные административно-правовые нормы, ограничивающие право граждан на участие в различных по содержанию массовых акциях.

В частности, отдельным юридическим и физическим лицам запрещено быть официальным организатором публичного мероприятия [5]. Что, впрочем, не мешает им быть «теневыми» организа-

торами, присутствуя в качестве участника в месте проведения публичного мероприятия.

Так, лицам, находящимся под административным надзором, может быть запрещено посещение мест проведения массовых и иных мероприятий и участие в указанных мероприятиях. Решением Пленума Верховного Суда Российской Федерации данный запрет возможно применить как в отношении «любых массовых мероприятий, так и тех из них, посещение и участие в которых могут препятствовать достижению целей наказания» [7].

Анализ судебной практики показывает, что названный запрет устанавливается в отношении лиц, неоднократно совершивших преступления в общественных местах. Например, решением Вольского районного суда Саратовской области по делу № 2-251(1)2012 [17] в отношении поднадзорного А.Н. Изволова установлен запрет на посещение мест проведения массовых мероприятий, порядок проведения которых предусмотрен в федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». В данном решении указывалось, что А.Н. Изволов был осужден за два преступления, совершенные в общественных местах, после освобождения дважды был привлечен к административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность.

Таким образом, установление указанного административного ограничения вполне соотносится с главной целью таких запретительных мер – «воспрепятствование продолжению противоправной деятельности, создание условий, препятствующих возможности совершения правонарушений в определенное время и в определенных местах» [2, с. 23], прежде всего в местах и во время проведения массовых и публичных мероприятий.

Кроме того, для российских граждан, имеющих гражданство США, может быть установлен запрет на организацию и проведение публичных мероприятий. Данный запрет применяется для граждан, являющихся руководителями некоммерческих организаций, чья деятельность приостановлена на территории Российской Федерации [6]. Как отмечала Ю.Г. Федотова, данная «система правовых средств ограничений прав и свобод применяется, прежде всего, в целях обеспечения безопасности государства и обороны страны» [14, с. 26].

Запреты, ограничивающие право граждан на мирные собрания, в целях обеспечения внутренней государственной безопасности существуют и в зарубежных странах. Например, в Германии на основании Конституции [10] право на свободу собраний

может быть ограничено судом в случае злоупотребления им. То есть при «использовании свободы собраний для борьбы против основ свободного демократического строя» [13, с. 178].

Запрет на участие в массовых акциях в российском законодательстве представлен и в институте административной ответственности. Так, в соответствии со ст. 3.14 КоАП РФ предусмотрено административное наказание в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения. Указанная мера предусмотрена для снижения уровня опасности противоправных агрессивных действий спортивных болельщиков и применяется на срок от шести месяцев до семи лет.

Суть данного запрета заключается во временном ограничении права гражданина на посещение официальных спортивных мероприятий за нарушение установленных правил [8] поведения. Согласно ст. 32.14 КоАП РФ обязанность по исполнению данного вида административного наказания возлагается на само лицо, привлеченное к административной ответственности. МВД России осуществляет списочный учет таких лиц [9]. В настоящее время в списке лиц, которым запрещено посещение мест проведения официальных спортивных мероприятий, находится 356 граждан [4]. Применение названного запрета в совокупности с иными профилактическими мерами позволило снизить количество правонарушений на объектах спорта в 2,4 раза (с 7283 в 2015 г. до 3032 в 2016 г.) [18]. Соответственно, данный вид административного наказания можно признать эффективным инструментом, воздействующим на противоправное поведение и реализующим цели административной ответственности.

По нашему мнению, установление административного запрета на участие в публичных мероприятиях в качестве административного наказания позволило бы снизить противоправную активность граждан в соответствующей сфере общественных отношений. Для этого действующую редакцию КоАП РФ необходимо дополнить следующими новеллами:

А. Включить в главу 3 КоАП РФ ст. 3.15 в ниже приведенной формулировке.

«Статья 3.15. Административный запрет на участие в публичных мероприятиях.

1. Административный запрет на участие в публичных мероприятиях заключается во временном запрете гражданину на нахождение в местах проведения таких мероприятий во время их проведения и устанавливается за нарушение правил поведения участников публичного мероприятия.

2. Административный запрет на участие в публичных мероприятиях устанавливается на один год».

При этом следует учесть, что правила поведения граждан на публичных мероприятиях следует детализировать путем их закрепления соответствующим постановлением Правительства Российской Федерации.

Б. Дополнить санкции ст. 20.2 КоАП РФ «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», устанавливающие ответственность для участников публичного мероприятия, дополнительным видом наказания – административным запретом на участие в публичных мероприятиях».

В. Предусмотреть ч. 6 в ст. 20.25 КоАП РФ «Уклонение от исполнения административного наказания», изложив ее в следующей редакции:

«Нарушение административного запрета на участие в публичных мероприятиях – влечет административный арест на срок до пятнадцати суток либо обязательные работы на срок до 200 часов».

Г. Дополнить главу 32 КоАП РФ ст. 32.15.

«Статья 32.15. Исполнение постановления об административном запрете на участие в публичных мероприятиях

1. Постановление об административном запрете на участие в публичных мероприятиях должно быть исполнено лицом, привлеченным к административной ответственности.

2. Федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел ведет список лиц, которым назначен указанный в части 1 настоящей статьи вид административного наказания, в целях обеспечения исполнения постановления об административном запрете на участие в публичных мероприятиях (далее – список лиц).

3. Внесение сведений в список лиц осуществляется федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел не позднее трех рабочих дней со дня получения им копии вступившего в силу постановления об административном запрете на участие в публичных мероприятиях.

4. Лицо считается исключенным из списка лиц по истечении срока административного запрета на участие в публичных мероприятиях или при наличии в федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел вступившего в силу судебного акта об отмене постановления об административном запрете на участие в публичных мероприятиях.

5. Исключение сведений из списка лиц осуществляется федеральным органом исполнительной вла-

сти в сфере внутренних дел не позднее трех рабочих дней, следующих за днем истечения срока административного запрета на участие в публичных мероприятиях, или не позднее трех рабочих дней со дня получения им копии вступившего в силу судебного акта об отмене постановления об административном запрете на участие в публичных мероприятиях.

6. Сведения, содержащиеся в списке лиц (фамилия, имя, отчество (при наличии), дата и место рождения лица, в отношении которого вступило в законную силу решение суда об административном запрете на участие в публичных мероприятиях, дата и номер решения суда об административном запрете

на участие в публичных мероприятиях, даты начала и истечения срока административного наказания), являются открытыми для всеобщего ознакомления.

7. Доступ к сведениям, содержащимся в списке лиц, осуществляется посредством официального сайта федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Плата за доступ к сведениям, содержащимся в списке лиц, размещенном федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не взимается».

Литература

1. Агапов А.Б. Политико-правовые предпосылки реформирования законодательства об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2016. № 6. С. 53-59.
2. Агапов П.В., Сотченко С.Д. Противодействие распространению экстремистской идеологии в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Законность. 2016. № 8. С. 22-24.
3. Большая пресс-конференция Владимира Путина за 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/56378>.
4. Информация на 9 января 2018 г. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1219451>.
5. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Российская газета. 2004. 23 июня. № 131.
6. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Российская газета. 2012. 29 дек. № 302.
7. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. 2015. 29 дек. № 295.
8. Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований: постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2013 г. № 1156 // Российская газета. 2013. 19 дек. № 286.
9. Об организационных мерах по ведению списка лиц, которым запрещено посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 14 января 2014 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Основной закон Федеративной Республики Германия. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=155>.
11. Официальный портал ГИАЦ МВД России.
12. Салищева Н.Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 9-22.
13. Серебrenникова А.В. Уголовно-правовая защита свободы собраний по законодательству Германии // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 2 (31). С. 178-183.
14. Федотова Ю.Г. Правовые средства ограничения прав и свобод граждан и организаций в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства // Современное право. 2015. № 4. С. 21-28.
15. URL: <https://rospravosudie.com/society/help>.
16. URL: <https://navalny.com/p/5466>.
17. URL: <https://rospravosudie.com/court-volskij-rajonnyj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-103395403>.
18. URL: <https://мвд.пф/news/item/170256>.

УДК 351.81

В.В. Головкин, доктор юрид. наук, профессор

Омская академия МВД России

E-mail: oma@mvd.ru

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье раскрываются современные тенденции развития законодательства, связанные с исполнением административных наказаний в области дорожного движения, а также проблемы применения административного наказания. Автор отмечает, что проблема исполнения наказания в теории права до сих пор не решена как на теоретическом, так и законодательном уровнях, кроме того, деятельность субъектов стадии исполнения, в частности органов внутренних дел в области дорожного движения, в научной литературе не исследовалась должным образом.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, производство по делам об административных правонарушениях, административные наказания, дорожное движение, исполнение административного наказания, исполнение административного наказания в области дорожного движения.

V.V. Golovko, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: oma@mvd.ru

INTERNAL AFFAIRS BODIES AS THE SUBJECTS OF EXECUTION OF ADMINISTRATIVE PENALTIES FOR OFFENCES IN THE FIELD OF TRAFFIC

The article reveals the current trends in legislation related to the implementation of administrative penalties in the field of traffic, as well as the problems of administrative punishment. The author notes that the problem of execution of punishment in the theory of law has not yet been solved both at the theoretical and legislative levels, in addition, the activities of subjects of the execution stage, in particular the Internal Affairs bodies in the field of traffic, in the scientific literature has not been properly investigated.

Key words: traffic safety, proceedings on administrative offenses, administrative punishment, traffic, execution of administrative punishment, execution of administrative punishment in the field of traffic.

Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из важных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации на современном этапе её развития. Аварийность на автомобильном транспорте наносит огромный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам. Дорожно-транспортный травматизм приводит к

исключению из сферы производства людей трудоспособного возраста. Ежегодно в Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) погибают или получают ранения свыше 275 тыс. человек [4]. И в каждом таком случае это и личная трагедия для пострадавшего и его близких, и демографический и социально-экономический ущерб для общества и государства.

Таким образом, низкий уровень безопасности дорожного движения заметно влияет на внутреннюю составляющую национальной безопасности страны, затрагивает конституционные права и свободы граждан, является фактором, негативно воздействующим на обеспечение общественной безопасности в Российской Федерации, и фактически представляет собой государственную проблему, что в итоге придает задаче обеспечения безопасности дорожного движения государственную значимость. Абсолютное большинство ДТП – это следствие административных проступков, допущенных участниками дорожного движения. Решение этой проблемы требует укрепления дисциплины водителей, пешеходов и других участников дорожного движения и, следовательно, повышения эффективности правового воздействия на них [2, с. 3]. Особую важность здесь, на наш взгляд, имеет неотвратимость наказания, а также правоприменительная деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД) на стадии исполнения наказания в производстве по делам об административных правонарушениях.

Анализ научной литературы показывает, что деятельность ГИБДД как субъекта стадии исполнения в научной литературе должным образом не исследовалась. В научных трудах были лишь упоминания о классификации субъектов стадии исполнения наказания.

Так, например, Н.П. Парыгин предлагает следующую классификацию субъектов стадии исполнения: 1) доминирующие; 2) имеющие личный интерес в деле; 3) содействующие осуществлению исполнения; 4) осуществляющие надзор и контроль за законностью исполнения; 5) сотрудничающие в процессе исполнения с государственными органами и их должностными лицами [5, с. 31]. Такая классификация, на наш взгляд, имеет усложненную структуру; непонятно применение термина «доминирующий субъект», поскольку важная роль отводится каждому субъекту. Доминирующими могут быть и субъекты, содействующие осуществлению исполнения, и осуществляющие надзор и контроль за законностью исполнения, и сотрудничающие в процессе исполнения с государственными органами и их должностными лицами [1, с. 197].

С нашей точки зрения, классификация субъектов по исполнению административных наказаний должна выглядеть таким образом:

- субъекты, обращающиеся к исполнению постановления по делам об административных правонарушениях;

- субъекты, фактически приводящие в исполнение постановления по делам об административных правонарушениях;

- субъекты, претерпевающие юридическую ответственность;

- иные субъекты, участвующие в исполнительном производстве [1, с. 197].

Первая группа должностных лиц, которые имеют властные полномочия, неодинакова и наделена различной компетенцией. Общая компетенция и подведомственность субъектов определена ст. 31.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ, Кодекс), а специальная – в отдельных статьях главы 31 Кодекса и последующей главе, регламентирующей производство по исполнению постановлений о некоторых видах наказаний [3]. Субъектами, обращающимися к исполнению постановления по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, являются органы и подразделения ГИБДД (их должностные лица), а также мировые суды (судьи). Согласно действующему законодательству объявляет постановление о наказании то должностное лицо, которое вынесло постановление. Должностные лица ГИБДД, согласно ст. 28.6, 32.1 и ч. 1 ст. 32.3 КоАП РФ, имеют право не только вынести постановление о предупреждении и объявить его, но и исполнить собственное постановление о наказании в виде штрафа. Вместе с тем анализ административной практики и социологические исследования свидетельствуют, что сотрудники Госавтоинспекции фактически не применяют указанных видов наказания из-за сложной процедуры их реализации, трудности исполнения, малой эффективности морального, материального воздействия на правонарушителя.

Ко второй группе относятся субъекты, которые согласно ст. 32.4, 32.5, 32.8, 32.9, 32.11, 32.12 КоАП РФ специально уполномочены привести постановления о наказании в исполнение: представители органов внутренних дел; администрация спецприемника для содержания лиц, арестованных в административном порядке; руководители органов внутренних дел сельской местности, при которых имеется изолятор временного содержания; судебные приставы-исполнители; должностные лица органов, осуществляющие государственный надзор за техническим состоянием тракторов, самоходных машин и других видов техники [6, с. 88].

Третью классификационную группу составляют прежде всего лица, претерпевающие наказания, – нарушители, которые обязаны подчиняться государственному принуждению, применяемому за

совершенный проступок. Такая обязанность закреплена в ст. 25.1 КоАП РФ [6, с. 88].

Можно согласиться с мнением И.В. Слышалова, что роль этого субъекта в процессе исполнения различна. Она зависит от вида наказания. Например, если на водителя наложено наказание в виде административного штрафа, то последний может самостоятельно уплатить его или немедленно прекратить управление юридическим лицом в случае исполнения постановления о дисквалификации, выполняя активную роль. При исполнении всех других видов наказаний механизм принуждения обеспечивает исполнение постановления независимо от воли участника дорожного движения. Вместе с тем в одних случаях нарушитель под воздействием принуждения принимает участие во всем процессе исполнения, в других – частично или вообще не участвует в нем [8, с. 61]. Так, правонарушитель участвует в процессе исполнения до его полного завершения при административном аресте, взимании штрафа, дисквалификации, административном приостановлении деятельности. Наказания в виде лишения специального права, конфискации предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения, могут производиться и без участия правонарушителя.

К четвертой группе относятся потерпевшие. Необходимо отметить, что в случаях, когда гражданину причинен моральный или физический вред, участие потерпевшего на стадии исполнения нормативно не урегулировано. Закон позволяет потерпевшему знакомиться через уполномоченного на то субъекта с ходом исполнения наказания или с результатами его исполнения. Свое отношение к ходу или результатам исполнения он вправе выразить в жалобе [6, с. 86]. Необходимо, на наш взгляд, более четкое закрепление права потерпевшего и его законных представителей участвовать в производстве по исполнению постановления об административном наказании, что в большей мере станет отвечать законным интересам потерпевшего и усилит контроль за реализацией обязанностей и прав субъектов на данной стадии [7, с. 65].

Данную классификационную группу составляют также органы и лица, содействующие осуществлению исполнения (в определенных случаях это понятые и переводчики). Их можно разделить на две подгруппы – органы (должностные лица), не имеющие каких-либо властных полномочий по исполнению наказания и создающие необходимые условия для его реализации, например специалист-оценщик (эксперт), переводчик и др. К иной подгруппе отнесены понятые, участвующие в адми-

нистративно-исполнительных отношениях в двух случаях. Это присутствие двух понятых, когда арестованные подвергаются личному досмотру при исполнении постановления об административном аресте (помещении в спецприемник) и при описи имущества нарушителя судебным приставом-исполнителем, когда исполнение постановления о наложении штрафа производится путем обращения наказания на личное имущество нарушителя или на его долю в общей собственности [8, с. 42]. Субъекты данной группы, в отличие от предыдущих субъектов, властными полномочиями не обладают [7, с. 66].

Кроме того, рассматриваемую классификационную группу также составляют субъекты, обладающие правом осуществлять надзор и контроль за законностью исполнения (прокурор, председатель вышестоящего суда и руководитель вышестоящего органа государственного управления).

Исполнительное производство по делам об административных правонарушениях, как уже отмечалось, охватывает широкий круг общественных отношений, перечень его субъектов достаточно велик. В систему субъектов исполнительного производства по делам об административных правонарушениях входят: юрисдикционные органы (судьи, органы, должностные лица), принимающие решение по делу, обязанные обращать постановление к исполнению; субъекты, непосредственно приводящие в исполнение свои постановления или постановления о назначении административных наказаний, выносимые другими юрисдикционными органами; лица, в отношении которых вынесено и вступило в законную силу постановление о назначении административного наказания, и их законные представители, прокурор, защитник, представитель, понятые, переводчик, привлекаемые в ходе исполнительного производства.

Органы внутренних дел (полиция), а также должностные лица ГИБДД являются одним из основных субъектов исполнения постановлений о назначении административных наказаний и наделены широкими полномочиями. Анализ действующего административного законодательства позволяет сделать вывод, что исполнение административных наказаний перечисленными субъектами может быть реализовано следующим образом:

- должностные лица органов внутренних дел (полиции), рассмотревшие протокол по делу об административном правонарушении, организуют деятельность уполномоченных субъектов по исполнению вынесенных ими постановлений о назначении административного наказания в виде предупреждения или административного штрафа;

- должностные лица органов внутренних дел (полиции) организуют исполнение вынесенных судьей постановлений о назначении административных наказаний в виде лишения права управления транспортными средствами, административного ареста.

Важно подчеркнуть, что одним из видов административных наказаний, которые исполняют сотрудники ГИБДД, выступает предупреждение. Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что должностные лица Госавтоинспекции применяют данное наказание преимущественно к лицам, виновным в совершении незначительных правонарушений. Применение данного наказания влечет для водителя не только моральные, но и правовые последствия, поскольку в случае назначения административного наказания в виде предупреждения лицо попадает в состояние наказанности в течение одного года. При совершении виновным в течение этого срока нового административного правонарушения такое деяние может быть признано обстоятельством, отягчающим административную ответственность.

Сегодня с учетом фиксации нарушений ПДД с помощью технических фото- и видеосредств самое распространенное административное наказание, назначаемое должностными лицами ГИБДД, стал административный штраф. Об этом свидетельствует анализ норм КоАП РФ, а также результаты правоприменительной практики [4]. Изучение деятельности ГИБДД МВД России по исполнению постановлений о наложении административных штрафов говорит о возросшей их взыскиваемости, т.к. теперь виновный может заплатить его в течение двадцати дней. Процент неисполненных подобных постановлений сократился значительно от общего числа (в зависимости от региона и вида правонарушений) [4].

Важно отметить, что к компетенции должностных лиц ГИБДД относится приведение в исполнение постановления судьей о лишении водителя специального права. Согласно ст. 3.8 КоАП РФ лишение физического лица, совершившего административное правонарушение, ранее предоставленного ему специального права может быть установлено за грубое или систематическое нарушение порядка пользования этим правом. Только мировой судья вправе назначать данный вид наказания. Именно мировой судья обращает к исполнению вынесенное постановление о назначении наказания в виде лишения права управления транспортными средствами [3].

Исполнение постановления о лишении права управления транспортными средствами реализуют должностные лица ГИБДД. В целях изъятия водительского удостоверения у водителя сотрудник

Госавтоинспекции принимает необходимые меры к изъятию указанных документов (информирует сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции, участковых уполномоченных полиции, сотрудников патрульно-постовой службы и других подразделений полиции, администрацию по месту работы нарушителя). Возврат изъятых документов лицам, подвергнутым лишению специального права, осуществляется должностными лицами ГИБДД, приводящими в исполнение данное наказание по истечении срока лишения специального права. Лицам, у которых срок лишения права управления транспортным средством соответствующего вида истек, возврат документов производится после представления ими медицинской справки и сдачи экзамена на знание ПДД. После возврата изъятых документов постановление о назначении административного наказания в виде лишения специального права с отметкой об исполненном административном наказании направляется должностным лицом подразделения ГИБДД, приведшим постановление в исполнение, судье, вынесшему постановление о назначении наказания.

Необходимо отметить, что законом под прерыванием течения срока лишения специального права понимаются немедленная приостановка, прекращение течения срока. Лишение специального права может прерываться на продолжительное время, до того момента, пока не будут устранены причины неисполнения назначенного наказания. Течение срока лишения права управления транспортными средствами начинается с момента устранения причин неисполнения постановления по делу об административном правонарушении – сдачи лицом либо изъятия у него соответствующих документов. Причем время, прошедшее с момента вступления такого постановления в законную силу до того момента, как лицо фактически начало уклоняться от сдачи водительского удостоверения или временного разрешения, не засчитывается в срок лишения специального права. Если лицо, лишенное права управления транспортными средствами, вновь наказано в виде лишения того же специального права, то начало течения назначенного срока устанавливается по-иному: со дня, следующего за днем окончания срока административного наказания, примененного ранее. В результате общий промежуток времени, на протяжении которого нарушитель лишен права управления транспортными средствами, может увеличиваться и не имеет ограничения при совершении повторных административных правонарушений.

Должностные лица ГИБДД приводят в исполнение постановления судей об административном аресте за правонарушения в области дорожного движе-

ния. Действующее законодательство предусматривает строгое наказание по ч. 2 ст. 12.7 (управление транспортным средством водителем, не имеющим водительского удостоверения), ч. 3 ст. 12.8 (управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии алкогольного опьянения), ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ (оставление в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия). Однако, как указывалось ранее, такой вид ответственности применяется крайне редко, что обусловлено трудностями, связанными с задержанием водителя, хранением его транспортного средства, имущества и т.д. [4].

Кроме того, организация приведения в исполнение постановления об административном аресте предполагает создание специально предназначенных для этой цели учреждений – специальных приемников органов внутренних дел для содержания лиц, арестованных в административном порядке, а также крупные финансовые затраты на обслуживание здания, содержание персонала и арестованных. В связи с этим в области дорожного движения целесообразно отменить данный вид административной ответственности и заменить его на более крупную сумму штрафа либо обязательные работы.

Литература

1. Головки В.В. Административно-юрисдикционная деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2007.
2. Головки В.В., Слышалов И.В. Административная деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2017.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 26 декабря 2001 г. № 3-ФЗ.
4. Официальный сайт ГИБДД. URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения: 22.01.2018).
5. Парыгин Н.П. Исполнение постановлений об административных взысканиях, предусмотренных Кодексом РСФСР об административных правонарушениях: учебное пособие. Омск, 1994.
6. Парыгин Н.П., Головки В.В. Исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях: монография. Омск, 2005.
7. Парыгин Н.П., Головки В.В. Исполнение административных наказаний: учебное пособие. М., 2006.
8. Слышалов И.В. Исполнение административных наказаний: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2014.

УДК 351.74

М.В. Давыдов, канд. юрид. наук

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

E-mail: mdd86.m@yandex.ru;

А.Ю. Харыбин, канд. юрид. наук

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

E-mail: akharybin@mvd.ru

ПРОБЛЕМА ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ДОСТАВЛЕНИЯ В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

В статье рассматриваются вопросы исчисления срока доставления в рамках административного законодательства, изучаются особенности начала фактического лишения свободы лица в рамках уголовно-процессуального и административного задержания, указывается на необходимость уточнения возможного срока доставления гражданина в помещение территориального органа МВД России.

Ключевые слова: полиция, доставление, уголовно-процессуальное задержание, административное задержание, свобода передвижения, срок, проблемы.

M.V. Davydov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

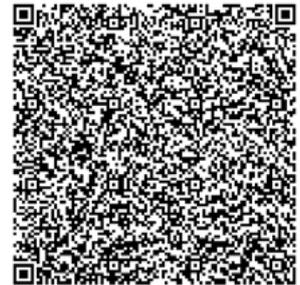
Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
named after V.V. Lukyanov

E-mail: mdd86.m@yandex.ru;

A.Yu. Harybin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
named after V.V. Lukyanov

E-mail: akharybin@mvd.ru

THE PROBLEM OF CALCULATION OF TERM OF DELIVERY IN THE FRAMEWORK OF PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENCES IN POLICE ACTIVITIES

The article deals with the calculation of term of delivery within the administrative law. The features of the beginning of the actual deprivation of liberty of a person in the framework of criminal procedure and administrative detention are studied. It is specified on need of refining of possible term of delivery of the citizen in premises of territorial authority of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: police, delivery, criminal procedural detention, administrative detention, freedom of movement, period, problems.

Федеральный закон «О полиции» с целью реализации возложенных на полицию обязанностей наделяет сотрудников правом доставлять граждан, т.е. осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа МВД России или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение. Основания для доставления четко

перечислены в ст. 13, 14, 15 федерального закона «О полиции». Подобное понимание доставления нашло отражение и в ст. 27.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), где в числе должностных лиц, которые имеют право осуществлять принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола об административном пра-

вонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным, значатся сотрудники полиции.

Достаточно сложным и дискуссионным является вопрос о порядке исчисления срока доставления, ведь его начало связано с ограничением прав граждан на свободу передвижения. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «доставить» – значит передать, препроводить куда-либо [6, с. 78]. Иными словами, доставление начинается с момента, когда лицу предложено проследовать в служебное помещение территориального органа, и заканчивается непосредственно прибытием в это помещение. При этом, как справедливо отмечают ряд авторов, в случае если доставление не предусматривает дальнейшего принуждения, лицо считается доставленным с момента, когда переступило порог здания, где размещается территориальный орган либо подразделение полиции [2, с. 134].

Однако проведенный нами анализ материалов дел об административных правонарушениях не дает четкого ответа, с какого момента начинается процедура доставления. Подобная практика характерна для большинства изученных нами дел об административных правонарушениях. Так, из анализа содержания 76 протоколов о доставлении, 112 протоколов об административном задержании было установлено, что в них указывается фактически время составления протокола о доставлении (57 случаев) либо время, когда лицо было доставлено в дежурную часть (108 случаев), но нигде не указан момент начала движения.

В рапорте сотрудника полиции по факту выявленного правонарушения указывается место, время, обстоятельства события, при этом в нем ничего не сказано о времени, когда лицу было предложено проследовать в помещение дежурной части. Из 155 рапортов по факту выявленного правонарушения только в 7 случаях содержание материалов давало понять, с какого момента сотрудниками полиции осуществлялось доставление.

В этой связи не всегда можно с точностью определить, с какого времени было предложено лицу проследовать в дежурную часть территориального органа МВД России и, следовательно, время, затраченное на его доставление. Однако с момента, когда лицо было доставлено в служебное помещение ОВД, к нему применяется административное задержание, срок которого согласно ч. 1 ст. 27.5 КоАП РФ составляет 3 часа. Парадокс, но в отличие от уголовно-процессуального задержания время доставления в рамках административного задержания не учитывается, что зачастую на практике и в юриди-

ческой литературе порождает массу вопросов относительно степени ограничения конституционного права граждан на свободу передвижения в рамках административного законодательства. Получается, что если уголовно-процессуальный закон ограничивает права личности гораздо в большей степени, нежели административный, то время, потраченное на доставление при наличии оснований, указанных в ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), должно учитываться и исчисляться с момента фактического лишения свободы передвижения лица.

В соответствии с п. 15 ст. 5 УПК РФ срок уголовно-процессуального задержания исчисляется с момента фактического задержания, т.е. с момента фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Между тем подобная формулировка вызывает много споров как среди ученых, так и практических работников.

Обращает на себя внимание точка зрения О.И. Цоколовой, которая фактическое лишение свободы подозреваемого связывает с доставлением его к следователю (дознавателю) [11, с. 26]. По мнению О.И. Цоколовой, именно с этого момента по процессуальным основаниям начинается фактическое лишение подозреваемого свободы передвижения, все происходящее до этого действия (по захвату лица, его перемещению) рассматриваются как «допроцессуальная» деятельность. С данным утверждением трудно не согласиться, поскольку по аналогии с административным задержанием «допроцессуальная» деятельность в рамках административного законодательства называется доставлением, которая объединяет в себе и захват, и перемещение.

На практике также можно столкнуться с проблемой, когда сотрудники полиции, толкуя уголовно-процессуальное законодательство, связывают срок уголовно-процессуального задержания не с момента фактического лишения свободы передвижения (т.е. на месте задержания), а с момента доставления лица в кабинет к следователю. По смыслу законодателя, такая позиция представляется не вполне правильной, поскольку в период между захватом лица и доставлением его к следователю оно находится за пределами нормативно-правового регулирования.

Необходимо отметить, что подобное понимание момента исчисления фактического задержания идет вразрез с нормами не только российского, но и международного законодательства. В рамках рассматриваемого вопроса разъяснения фактического задержания не раз давались Европейским судом по правам человека [4] и были подтверждены решени-

ями Конституционного Суда Российской Федерации [5].

Так, например, Конституционный Суд Российской Федерации своим решением постановил, что под фактическим ограничением свободы передвижения лица следует понимать удержание гражданина официальными властями, принудительный привод или его доставление в органы дознания и следствия (в т.ч. подразделения полиции), содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность [8]. Как видим, все происходящие действия, связанные с фактическим ограничением свободы передвижения в рамках уголовно-процессуального задержания (по захвату лица, его удержанию и перемещению), административное законодательство определяет как доставление.

Заметим, что в соответствии с ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ с момента доставления лица в территориальный орган МВД России начинается срок административного задержания. При этом срок доставления лица, задерживаемого в соответствии с КоАП РФ, в срок административного задержания не включается. В данном случае, как отмечает Н.А. Самбор, доставление следует рассматривать как вспомогательный элемент задержания [10, с. 51]. Следовательно, его применение связано с перемещением задерживаемого лица в служебное помещение органа внутренних дел. При этом согласно ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок.

Как видим, законодатель начало течения срока административного задержания связывает с моментом доставления, а уголовно-процессуальное задержание этот момент не учитывает, поглощая время на доставление. При этом возникает закономерный вопрос: неужели доставление граждан в отдел полиции в рамках производства по делам об административных правонарушениях, в отличие от задержания в рамках УПК РФ, не ограничивает право граждан на свободу передвижения в момент начала доставления? Совершенно очевидно, что отсутствие единого подхода в законодательном регулировании к учету времени на доставление и началу его исчисления, предусмотренным КоАП РФ и УПК РФ, негативно сказывается на правоприменительной практике.

Следовательно, со всей очевидностью можно утверждать, что формулировка «в возможно короткий срок», предусмотренная ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ, неизбежно вызовет (а она и вызывает) проблемы, связанные со временем на его осуществление. В этом

нетрудно убедиться, проанализировав результаты практики. Так, в ряде случаев с целью установления состояния опьянения правонарушителя сотрудники полиции могут в рамках доставления, минуя дежурную часть, направить лицо на медицинское освидетельствование, либо, как отмечает Ю.Н. Рябенко, время доставления лиц, задержанных за участие в массовых несанкционированных митингах, может исчисляться несколькими часами с момента помещения правонарушителей в спецтранспорт до доставления в отдел полиции [9, с. 57].

Из-за отсутствия четкой регламентации временных рамок, связанных с началом ограничения свободы передвижения правонарушителя и до момента доставления его в отдел полиции, правомерность действий должностных лиц зачастую обжалуется [1]. Получается, что время, затраченное на доставление гражданина в территориальный орган МВД России, не всегда учитывается и может исчисляться часами, несмотря на указание в ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ на возможно короткий срок. В этой связи было бы целесообразным установить конкретное время для доставления лиц, совершивших административные правонарушения, в полицию. Так, А.Г. Гришаков и Ю.А. Прибытко этот срок связывают со сроком административного задержания (три часа) [3, с. 64]. По мнению Д.В. Пивоварова, срок доставления лица в территориальный орган МВД России не должен превышать одного часа [7, с. 27]. Такой различный подход к определению срока доставления понять можно, поскольку законодатель не устанавливает конкретных сроков доставления и связывает это с невозможностью предусмотреть и учесть конкретные обстоятельства, влияющие на его продолжительность (территориальная удаленность, наличие и/или техническое состояние транспорта, пропускная способность автодорог, климатические условия, состояние здоровья доставляемого и пр.).

В этой связи с целью соблюдения прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство по делам об административных правонарушениях, представляется оправданным срок доставления граждан в отдел полиции в рамках производства по делам об административных правонарушениях исчислять с момента фактического ограничения свободы. При этом время на доставление, несмотря на все точки зрения, в соответствии с ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ следует оставить «в возможно короткий срок», но в случаях, если этот срок целенаправленно затягивается со стороны должностных лиц полиции, вопрос уже должен решаться о привлечении виновных к ответственности в рамках действующего законодательства.

Литература

1. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 21.07.2015 по делу № 33-7114-2015. URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Гайдуков А.А. Доставка как мера обеспечения личной безопасности граждан в сфере семейно-бытовых отношений // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12.
3. Гришаков А.Г., Прибытко Ю.А. Доставка как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в деятельности полиции: теория и практика применения // Алтайский юридический вестник. 2015. № 3 (11).
4. Дело «Сидиковы (Sidikovy) против Российской Федерации (жалоба № 73455/11) [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 20.06.2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алексеевой Гелены Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5, статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1902-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Россия», 2017.
7. Пивоваров Д.В. Доставка как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая сотрудниками полиции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1 (60).
8. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Рябенко Ю.Н. Административное задержание и доставка // Законность. 2015. № 10.
10. Самбор Н.А. Доставка как мера административного обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: процессуальные вопросы законности применения ограничений прав и свобод человека // Административное право и процесс. 2012. № 11.
11. Цоколова О.И. Фактическое задержание // Законность. 2006. № 3.

УДК 340.132:342.951

А.В. Равнюшкин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ravnyushkin@mail.ru

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ РЕКОМЕНДАЦИЙ СОВЕТА ЕВРОПЫ О ЗАЩИТЕ ЖЕНЩИН ОТ НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассмотрены некоторые причины отсутствия в Российской Федерации целостного механизма административно-правовых и иных средств предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. Государственная политика в сфере профилактики правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, должна получить новый импульс развития посредством принятия рекомендаций международных актов, приемлемых для российского общества.

В связи с этим пристальное внимание заслуживают отдельные рекомендации, принятые 30 апреля 2002 г. Комитетом министров Совета Европы о защите женщин от насилия.

Ключевые слова: система профилактики правонарушений, семейно-бытовые отношения, домашнее насилие, полиция, имплементация европейских норм.

A.V. Ravnushkin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ravnyushkin@mail.ru

IMPLEMENTATION OF THE COUNCIL OF EUROPE RECOMMENDATIONS ON THE PROTECTION OF WOMEN FROM VIOLENCE IN RUSSIAN ADMINISTRATIVE LAW: PROBLEMS AND PROSPECTS

The paper points out some reasons for the lack of an integral mechanism of administrative-legal and other means of prevention and suppression of offenses committed in the sphere of family and household relations in the Russian Federation. The state policy in the sphere of prevention of offences committed in the sphere of family and household relations should receive a new impetus through the adoption of recommendations of international acts acceptable to Russian society.

In this regard, special recommendations adopted on the 30th of April 2002 by the Committee of Ministers of the Council of Europe on the protection of women from violence deserve close attention.

Key words: crime prevention system, family relations, domestic violence, police, implementation of European norms.

Жестокие преступления, совершенные в последние годы в отношении членов семей, оживили научную дискуссию о мерах по противодействию семейному насилию как ставшему наиболее распространенной формой агрессии в современной России. Степень актуальности проблемы указанно-

го насилия в стране повышает сама важность сферы семейно-бытовых отношений, в которой воспитывается и развивается человек, получает необходимые знания, умения и навыки для самостоятельной жизни, становится личностью. Семейное насилие разрушает нравственные и гуманистические осно-

вы семейного воспитания, вызывает ряд негативных последствий.

Исходя из важности проблемы указанного насилия, любые предпринимаемые на законодательном уровне инициативы, направленные на его противодействие, вызывают повышенный интерес общественности. Так, в феврале 2017 г. из Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) была исключена статья 116 УК РФ, предусматривающая ответственность за побои в отношении близких лиц [8], а статьей 6.1¹ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) установлена административная ответственность за причинение побоев. При повторном нанесении побоев лицом, подвергнутым административному наказанию по указанной статье КоАП РФ, предусмотрена уголовная ответственность по ст. 116.1 УК РФ, преследование по которой осуществляется на основании заявления пострадавшего в порядке частного обвинения. В статье 116 УК РФ предусмотрена ответственность за причинение побоев только при квалифицирующих признаках и не упоминается совершение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.

Интересен факт, что ст. 116.1 УК РФ является единственным видом состава преступления с административной преюдицией, относящейся к категории частного обвинения, что порождает проблему с реализацией принципа неотвратимости наказания. Так, виновное лицо по вторичному факту нанесения побоев (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 115 УК РФ) не может быть привлечено:

- к административной ответственности по ст. 6.1¹ КоАП РФ, поскольку за это повторное правонарушение установлено уголовное наказание за преступление, предусмотренное ст. 116.1 УК РФ.

- к уголовной ответственности в случае, когда потерпевший отказывается от привлечения виновного лица к уголовной ответственности по статье 116.1 УК РФ (поскольку статья 116.1 УК РФ отнесена к категории дел частного обвинения) и отсутствуют основания для возбуждения уголовного дела в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В целях реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления целесообразно исключить статью 116.1 УК РФ из категории дел частного обвинения.

При подведении итогов действия данных законодательных изменений в декабре 2017 г. было отмечено, что благодаря декриминализации количество наказанных за побои выросло более чем в пять

раз [14]. По данным МВД России, за 2017 год участковыми уполномоченными полиции (далее – УУП) составлено более 208 тысяч протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1¹ КоАП РФ [6].

Однако необходимо отметить, что указанные законодотворческие действия не носят системный характер, не являются признаками построения целостного механизма, направленного на эффективное противодействие правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений. Проведенная декриминализация побоев началась с инициативы Верховного Суда Российской Федерации, когда в июле 2016 г. по его предложению ответственность за побои, причиненные вне сферы семейно-бытовых отношений, из уголовной сферы была переведена в административную [7]. Причиной тому являлось вовсе не желание создать систему противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений, а то, что российские суды перегружены делами частного обвинения и «негативные последствия от судимости в таких случаях не вполне адекватны характеру этих деяний или личности осужденного» [9].

Но как видим, уже в феврале 2017 г. указанная законодательная инициатива, в результате которой была установлена уголовная ответственность за семейные побои, была признана ошибкой [1]. Последовали новые меры, в результате которых была создана ныне действующая «трехзвенная» система ответственности за побои (ст. 6.1¹ КоАП РФ – ст. 116.1 УК РФ – ст. 116 УК РФ), которая активизировала деятельность полиции по противодействию указанным правонарушениям.

Действительно необходимо признать, что целостный механизм с широким набором административно-правовых и иных средств предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, в Российской Федерации отсутствует. Домашнее насилие не идентифицировано как отдельная угроза личной безопасности, не воспринимается в качестве острой социальной проблемы. На то имеются, по нашему мнению, следующие причины:

- а) исторические, показывающие, что «воздействие государства на семейные отношения до сих пор основано на «традиционных ценностях», а не на сформированных в последние тридцать лет этических и нравственных стандартах поведения личности в обществе» [11, с. 9]. Российское государство на протяжении многих лет дистанцировалось от фактов преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых правонарушений, не видело в них глубокой социальной проблемы практически

ни на одной ступени своего развития, оставалось и остается «глухим» к потребности общества создать многоуровневую систему противодействия случаям семейного насилия.

Традиционное восприятие того, что семейные отношения, в которых складываются негативные явления, порождающие семейное насилие, относятся к сугубо частным, неверно, не отвечает «минимальным стандартам человечности» хотя бы по причине присутствия значительного публичного интереса в рассматриваемой сфере, в особенности по методам воспитания детей;

б) политические, связанные с позицией высших органов государственной власти, не видевших и не признающих проблему домашнего насилия. Отсутствие политической воли, заинтересованности элит общества и блокирование законодательских инициатив, поступающих из регионов Российской Федерации, не позволяют актуализировать и ускорить процесс создания системного противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений;

в) общественные (гражданские), показывающие незрелость или слабость гражданского общества в стране. Общественные организации не способны эффективно отстаивать интересы и позиции перед органами власти, громко им заявить об имеющихся проблемах в рассматриваемой сфере. До настоящего времени проблема домашнего насилия в Российской Федерации не получила должного признания, несмотря на довольно распространенные случаи совершения тяжких и особо тяжких преступлений в рассматриваемой сфере, факты жестокого обращения с членами семьи и близкими лицами, проживающими совместно с преступниками.

Помимо прочего, следует принять во внимание внешний фактор – угроза воздействия на отечественную правовую систему норм международного права, на основу которого все большее влияние оказывают мультикультурализм, идеи «толерантности» и феминизм. Опасны для нашего общества особенности положений ювенальной юстиции, ее перегибов. Наглядным примером служит практика деятельности административных органов Норвегии, бесцеремонно, по собственному решению изымающих детей из семей.

На протяжении многих лет предлагались различные варианты проектов федеральных законов о профилактике домашнего насилия (1999, 2003 гг.), на основе которых, по сути, и должна быть построена указанная система. Отсутствием системного подхода к данной проблеме в России было обусловлено и внесение в сентябре 2016 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федера-

ции проекта федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия», который был отклонен по формальному признаку (отсутствие на проект заключения Правительства Российской Федерации) [10].

Думается, что содержание проекта федерального закона, предлагаемого заместителем председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам семьи, женщин и детей О.В. Пушкиной [2], также необходимо тщательно проанализировать, провести общественную и экспертную оценку, включая специалистов из МВД России. Целесообразность и перспективность предлагаемого в указанном проекте федерального закона средства как охранного ордера (или защитное предписание) автором настоящей статьи неоднократно рассматривались в предыдущих научных работах [5, с. 67-69]. Однако это всего лишь одно из административно-правовых средств, содержащихся в нормах международного права, которые целесообразно включить в перечень правовых средств, направленных на противодействие правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений.

В связи с этим пристальное внимание заслуживают отдельные рекомендации, принятые 30 апреля 2002 г. Комитетом министров Совета Европы о защите женщин от насилия [13]. «Приложение к Рекомендации Rec (2002)5» (далее – Приложение) заслуживает интереса по той причине, что в нем содержатся пункты, одни из которых, по нашему мнению, следует имплементировать с учетом норм отечественного законодательства, а другие подлежат полному отторжению (или могут быть имплементированы в отечественное законодательство с глубокой переработкой).

Так, положения пункта 15 Приложения, в которых рекомендуется государствам «следить за тем, чтобы в ходе воспитания мальчиков и девочек избегались социальные и культурные предрассудки, а также стереотипные представления о традиционных ролях женщин и мужчин», требуют тщательного анализа. В этом случае как быть с европейской «толерантностью», которая не приживается в нашей стране? В западных странах все более популярными становятся браки между лицами одинакового пола, что исключается в нашей стране. Норма о том, что брак в Российской Федерации – это добровольный союз мужчины и женщины, пересмотру не подлежит.

Известно, что традиционные роли мужчин и женщин в различных странах отличаются. К числу обязанностей российских мужчин и женщин относится семейное воспитание собственных детей в

лоне человеческой духовности. Великий русский философ И.А. Ильин писал: «Семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую *духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию*» [12, с. 62]. Российское государство опирается на собственную историю, культуру, традиции народов, уважение родителей и старших, голос совести, великодушие и милосердие, веру в справедливость. Указанной европейской нормой предлагается забыть исторические корни, национальное самосознание, культуру и традиции.

Кроме того, как расценивать положение пункта 11 Приложения, согласно которому государства должны способствовать «включению вопросов, касающихся насилия в отношении женщин, в курс обучения судей»? По действующему законодательству Российской Федерации судьи обладают статусом неприкосновенности и независимости, что обеспечивается предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия и запретом вмешательства в их деятельность. Представляется, что изучение на курсах обучения судей вопросов, касающихся насилия в отношении женщин, можно расценивать как давление на них. Принимая решения, судьи руководствуются только нормами действующего законодательства, которые и без указанного обучения обязаны знать. Нарушается принцип, согласно которому «судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них» (ч. 2 ст. 8.1 УПК РФ).

Иначе обстоит дело с сотрудниками полиции. В частности, п. 9 Приложения предлагает «включить в программы профессиональной подготовки информацию и практические сведения, необходимые для распознавания и урегулирования кризисных ситуаций, а также для улучшения качества оказываемой помощи и поддержки». Профессиональная подготовка сотрудников полиции предполагает формирование компетенций, связанных с деятельностью полиции по предупреждению и пресечению правонарушений, в т.ч. совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. При пресечении семейно-бытовых конфликтов сотрудники полиции должны опираться на знания не только из юридической области, но и из таких гуманитарных дисциплин, как психология, конфликтология, педагогика. Справедливым является мнение, что «именно профессиональная компетентность сотрудников является во многих случаях решающим фактором, предотвращающим необратимые последствия домашнего насилия, а именно смерть жертвы» [3].

Для сотрудников полиции должны быть выработаны определенные критерии, позволяющие осу-

ществить выбор конкретных действий (средств), которые им необходимо выполнить при пресечении (разрешении) фактов насилия, применяемого на той или иной стадии семейно-бытовых конфликтов. Это позволит с большей степенью достоверности прогнозировать дальнейшее развитие семейно-бытового конфликта, обострение его напряженности, усиление конфронтации, неконтролируемого поведения участников вплоть до стадии непосредственного применения насилия. Определение таких критериев и примерного (ориентировочного) алгоритма действий при пресечении правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, позволит в некоторой степени определить границы дискреционных полномочий сотрудников полиции. Следует учесть, что предусмотреть многие ситуации невозможно. Убедительным звучит мнение, что «формализация в нормативно-правовом регулировании полицейской деятельности объективно имеет определенные пределы, предоставляя сотрудникам полиции возможность выбора наиболее эффективного – с точки зрения прекращения противоправного поведения – варианта поведения» [4, с. 3].

Помимо этого, кардинальным образом следует изменить характер общественных отношений, который складывается между жертвами семейного насилия и сотрудниками полиции, в особенности при первом контакте. В этой связи вполне приемлемыми являются положения п. 29 Положения, в котором установлено, что в полиции следует «обеспечить жертвам приём и содействие, основанные на принципах уважения человеческой личности, её достоинства и конфиденциальности; жертвы должны быть заслушаны без промедления, в благоустроенном помещении и специально подготовленным для этой цели персоналом». Благоприятная обстановка, доброжелательное расположение сотрудников полиции, их готовность оказать необходимую помощь в защите от правонарушений должны стать основами отношений при обращении граждан в полицию.

К числу действенных административно-правовых средств предупреждения правонарушений следует отнести вполне приемлемые для нашей страны рекомендации о разработке специальных программ, имеющие «целью побудить лиц, виновных в совершении насилия, к осмыслению своих актов и признанию своей ответственности за их осуществление, а также к образу жизни и действий, свободных от насилия» (п. 50 Приложения). Предлагается указанным лицам «на добровольной основе пройти указанную специальную программу под контролем специализированных органов местного самоуправления».

Вызывают определенный интерес и административно-правовые средства, непосредственно направленные на пресечение правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. В рассматриваемых Рекомендациях предлагается «позволить силам полиции проникать в жилище, в котором находится лицо, подвергающееся опасности» (п. 58 Приложения). Учитывая, что именно при семейно-бытовых конфликтах совершается большинство тяжких и особо тяжких преступлений насильственного характера против личности, следует расширить возможность проникновения сотрудников полиции в жилище для проверки сообщения по данным фактам и пресечения указанных категорий преступлений. В частности, внести дополнения в ч. 2 ст. 15 Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», касающиеся вхождения (проникновения) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории, а именно после слов «помимо воли проживающих» добавить слово в скобках «проживающего» с целью предоставить возможность сотрудникам полиции проникнуть в жилище при наличии воли хотя бы одного проживающего лица для пресечения правонарушения, совершаемого в сфере семейно-бытовых отношений. Для этого ч. 2 ст. 15 ФЗ «О полиции» изложить в следующей редакции:

«2. Сотрудники полиции не вправе входить в жилые помещения помимо воли проживающих (проживающего) в них граждан иначе, как в случаях и порядке, установленных федеральными конституционными законами, настоящим федеральным законом и другими федеральными законами».

Актуальным является и вопрос организации эффективного преследования лиц, совершающих

правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, привлечения их к ответственности. Необходимо признать, что при отсутствии развитой единой материально-правовой системы противодействия правонарушениям в сфере семейно-бытовых отношений отсутствует и связанная с ними процессуальная система. Правоприменительная деятельность субъектов профилактики основана в том числе и на реализации процессуальных норм. Организация профилактической работы полиции и других субъектов профилактики правонарушений, совершаемых в рассматриваемой сфере, строится во исполнение указанных норм.

При этом необходимо руководствоваться тем, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 15) и декларирует, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ч. 1 ст. 3). Положение о том, что нормы международного права имеют более высокое положение и приоритет над российскими законами (ч. 4 ст. 1), ограничивает суверенитет национального права. Большинство стран мира признает приоритет национального права перед международным, т.к. они склонны полагаться на собственное разумие и придавать этим нормам лишь силу обычного закона.

Таким образом, государственная политика в сфере профилактики правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, в Российской Федерации должна получить новый импульс развития посредством принятия рекомендаций международных актов, приемлемых для российского общества.

Литература

1. В.В. Володин считает ошибкой уголовное наказание за избиение близких. Новости от 24 января 2017 г. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2846638>.
2. В Госдуме готовится закон о профилактике домашнего насилия. URL: <https://ria.ru/society/20180111/1512418753.html>.
3. Воскобитова М.Р. Подходы Европейского суда по правам человека к рассмотрению дел о домашнем насилии в отношении женщин // Международное правосудие. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гирвиц А.В. Полицейское усмотрение в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 211 с. С. 3. URL: <https://diss.unn.ru/files/2017/748/diss-Girvits-748.pdf>.
5. Деятельность участкового уполномоченного полиции: курс лекций / под ред. А.Г. Гришакова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 199 с.
6. Обзор ГУООП МВД России о результатах оперативно-служебной деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции по профилактике преступлений, совершаемых на бытовой почве, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений в 2017 году. Документ официально опубликован не был.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка

освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 3 июля 2017 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». URL: <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2015/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N37-ot-31.07.2015.html>.

10. Проект федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия». URL: <http://www.duma.gov.ru>.

11. Пурге А.Р. Административная ответственность в семейных правоотношениях // Административное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 1-9.

12. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. М.: ДАРЪ. URL: <http://iknigi.net/avtor-ivan-ilin/63232-put-duhovnogo-obnovleniya-ivan-ilin.html>.

13. Рекомендация Rec(2002)5 Комитета министров Совета Европы о защите женщин от насилия (принята 30 апреля 2002 г.) // Равноправие мужчин и женщин: нормативные правовые документы ООН, Совета Европы и ОБСЕ 2005 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Штрафной удар. По новым правилам за побои наказано более 50 тысяч человек. URL: <https://rg.ru/2017/12/04/statistika-v-piat-raz-vyroslo-chislo-grazhdan-nakazannyh-za-pobo.html>.

УДК 351.74

А.В. Равнюшкин, канд. ист. наук

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

E-mail: rav.kin@mail.ru

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ НЕКОТОРЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ КАТЕГОРИЙ СОТРУДНИКОВ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье проведен анализ законодательства, касающегося административно-юрисдикционных полномочий сотрудников вневедомственной охраны, лицензионно-разрешительной работы и должностных лиц, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора) Росгвардии, который показал, что перечисленные сотрудники существенно ограничены в полномочиях по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях. В целях снижения нагрузки на сотрудников органов внутренних дел необходимо наделить их полномочиями по составлению протоколов за совершение наиболее распространенных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность (ст. 20.1, 20.20, 20.21 КоАП РФ), направленных против собственности (ст. 7.17, 7.27 КоАП РФ), а также по применению мер обеспечения производства по ним.

Ключевые слова: административно-юрисдикционные полномочия, Росгвардия, контроль (надзор), протокол, вневедомственная охрана, лицензионно-разрешительная работа.

A. V. Ravnushkin, PhD. (Candidate of Historical Sciences)

The Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: rav.kin@mail.ru

ON THE ADMINISTRATIVE-JURISDICTIONAL AUTHORITY IN SOME JOB CATEGORIES OF EMPLOYEES OF NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The author of the article analyses the legislation concerning administrative jurisdictional powers of employees of private security, license and allowing work and the officials authorized for implementation of the state control (supervision) of Federal National Guard Troops Service which showed that, despite granting them, in general, powers on implementation of production on cases of administrative offenses is carried out, in particular, it is found that the listed employees are significantly limited in them. In order to reduce the burden on employees of Internal Affairs bodies, it is necessary to give these employees of Federal National Guard Troops Service powers to draw up protocols for committing the most common offenses that infringe on public order and public safety (Art. 20.1, 20.20, 20.21 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation), directed against property (Art. 7.17, 7.27 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation), as well as the application of measures to ensure production thereof.

Key words: administrative and jurisdictional powers, Federal National Guard Troops Service, monitoring (supervision), protocol, private security, licensing work.

Анализ действующего законодательства и иных нормативных правовых актов, определяющих объем административно-юрисдикционных полномочий сотрудников Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардии), показал существенные проблемы в их реализации.

Должностные лица Росгвардии, уполномоченные на осуществление государственного контроля (надзора) за обеспечением требований безопасности объектов топливно-энергетического комплекса и их антитеррористической защищенности, осуществляют данные функции согласно п. 7 ст. 2. Федерального закона от 7 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [3], ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» [2], а также п. 9 ст. 2 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации [4].

Порядок осуществления Росгвардией федерального контроля и надзора в указанной сфере детально регламентирован Правительством Российской Федерации в специальных Правилах [6]. В данных Правилах прописан порядок принятия плана проверок и требования к его содержанию, требования к содержанию распоряжения о проведении внеплановой проверки и акта проверки. В рассматриваемом постановлении Правительства Российской Федерации указано, что типовые формы документов проверки устанавливаются Росгвардией. В соответствии с данным постановлением директором Росгвардии утверждены типовые формы документов, необходимых при осуществлении Росгвардией и ее территориальными органами федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса [9].

Данный приказ приводит для данной категории сотрудников четыре формы документов: ежегодный план проведения плановых проверок, распоряжение о проведении внеплановой проверки, предписание на проведение проверки, акт проверки. Однако ни в одном нормативном правовом акте не приводится типовая форма предписания об устранении выявленных в ходе проверки нарушений и не закрепляются требования к его содержанию. Представляется целесообразным установить типовую форму и требования к содержанию данного предписания, аналогичного предписанию, указанному в пунктах 13.3 и 77 Административного регламента, утвержденного приказом МВД России от 14 ноября 2016 г. № 727 [8].

В предписании должна содержаться информация об акте проверки; указан состав нарушений со

ссылками на нормативные правовые акты, требования которых были нарушены; меры, необходимые для устранения нарушений; срок устранения нарушений и другие обязательные сведения.

В случае невыполнения в установленный срок предписания уполномоченное должностное лицо в соответствии с п. 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ [1], подп. 5 п. 1 Перечня должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях [7], оформляет протокол по ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ. За нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса уполномоченное должностное лицо составляет протокол об административном правонарушении по ст. 20.30 КоАП РФ [1].

Таким образом, если субъект топливно-энергетического комплекса, который в соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» обязан обеспечить безопасность своего объекта, не выполнил требования по обеспечению его безопасности и антитеррористической защищенности, то он подлежит административной ответственности по ст. 20.30 КоАП РФ. Если не выполнил в указанный срок предписание об устранении выявленных недостатков – по ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ [1].

Ряд норм КоАП РФ гарантирует правовую защиту уполномоченного лица, осуществляющего проверку. За невыполнение в ходе осуществления проверки законных требований или распоряжений данного должностного лица предусмотрена административная ответственность по ст. 19.4, а за воспрепятствование его законной деятельности – по ст. 19.4.1 КоАП РФ [1].

Следует отметить, что административно-юрисдикционные полномочия должностных лиц, имеющих право осуществить проверку объектов топливно-энергетического комплекса в рамках контроля и надзора, не ограничиваются составлением протоколов по указанным статьям КоАП РФ. Из числа сотрудников Росгвардии, не относящихся к руководящему составу, наиболее широкими административно-юрисдикционными полномочиями обладают именно данные сотрудники.

Согласно ч. 1 и п. 5 ч. 2 ст. 23.85, п. 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ должностные лица федерального органа власти, осуществляющие функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, его территориальных органов, уполномоченные на осуществление государственного контроля (надзора), имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях

ях, посягающих на порядок управления, общественный порядок и общественную безопасность, т.е. по ст. 19.3, ч. 1 и 2 ст. 20.20, ст. 20.21 КоАП РФ. Законодатель к тому же наделил указанных лиц полномочиями по рассмотрению дел по ч. 1 и 2 ст. 20.20, ст. 20.21 КоАП РФ. Однако данные должностные лица не правомочны составлять протоколы по такому наиболее распространенному правонарушению, как мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ).

Следует отметить, что в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ должностные лица, имеющие право осуществить проверку объектов топливно-энергетического комплекса в рамках контроля и надзора, при выявлении правонарушений, предусмотренных ст. 19.3, ч. 1 и 2 ст. 20.20, ст. 20.21 КоАП РФ, не правомочны осуществлять доставку правонарушителей с места правонарушения в территориальный орган или подразделение полиции. В то же время военнослужащие войск Росгвардии в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ уполномочены на осуществление доставки за указанные правонарушения.

Указанное несоответствие между полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях и правом по осуществлению мер обеспечения производства, в частности доставки, необходимо устранить. Должностные лица данных подразделений должны обладать полномочиями по доставлению граждан за те правонарушения, по делам о которых они имеют право составлять протоколы.

Требуют расширения и административно-юрисдикционные полномочия должностных лиц подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии, основной задачей которых является осуществление федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной деятельности. Для выполнения данной задачи указанные должностные лица наделены полномочиями по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 23.85, п. 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, п. 4 Перечня должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях. Помимо осуществления процессуальных действий в рамках государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной деятельности, должностные лица данных подразделений имеют право составлять протоколы за нарушение общественного порядка, но только

за появление в состоянии опьянения по ст. 20.21 КоАП РФ. При этом должностные лица подразделений лицензионно-разрешительной работы не обладают полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях по ст. 19.3 КоАП РФ за невыполнение их законных требований гражданами. Получается, что сотрудники лицензионно-разрешительной работы имеют право требовать соблюдения гражданами общественного порядка, а составлять протоколы по ст. 19.3 КоАП РФ не правомочны. Данный пробел следует также восполнить.

Необходимо внести изменения в нормативные правовые акты, определяющие объем административно-юрисдикционных полномочий сотрудников подразделений вневедомственной охраны Росгвардии. Среди подразделений указанного федерального органа исполнительной власти именно сотрудники вневедомственной охраны обладают наименьшими полномочиями по составлению протоколов.

Согласно п. 8 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» одной из задач Росгвардии является охрана особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии [3]. Однако в соответствии со ст. 23.85, п. 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, п. 6 Перечня должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, должностные лица организаций вневедомственной охраны не вправе составлять протоколы по ст. 7.17, 7.27 и 20.17 КоАП РФ, т.е. по административным правонарушениям против собственности и за нарушение пропускного режима охраняемого объекта. Следует согласиться с точкой зрения, что данная позиция законодателя вызывает недоумение [12, с. 213]. Действительно, сложилась ситуация, когда сотрудники вневедомственной охраны согласно п. 2 ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ имеют право осуществлять доставку лиц, совершивших административные правонарушения, связанные с причинением ущерба охраняемым ими объекту или вещам либо с посягательством на такие объект или вещи, а равно с проникновением в охраняемую ими зону, в то время как сами по ст. 7.17, 7.27, 20.17 КоАП РФ протоколы составлять не уполномочены. В соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ протоколы по ст. 7.17, 7.27 КоАП РФ составляются только сотрудниками органов внутренних дел.

В соответствии с ч. 1 ст. 23.3 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.17, 7.27 КоАП РФ, рассматриваются только судьями. Данные судебной статистики за 2016 год показывают, что за отчетный период ми-

ровым судьям поступило 26 333 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.17 КоАП РФ, а в районные суды – 126 844 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.27 КоАП РФ [10]. Данные судебной статистики за 2017 год показывают, что всего в суды поступило 26 420 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.17 КоАП РФ, 144 631 дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 7.27 КоАП РФ [11]. Наиболее часто совершаются лишь административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность. Согласно судебной статистике только судьями за 2016 год рассмотрено 248 888 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.1 КоАП РФ, и 493 501 дело, предусмотренное ст. 20.21 КоАП РФ [10]. Данные судебной статистики за 2017 год показывают, что всего в суды поступило 225 743 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.1 КоАП РФ, и 417 490 дел – ст. 20.21 КоАП РФ [11]. Очевидно, что в целях снижения нагрузки на сотрудников органов внутренних дел необходимо наделить сотрудников вневедомственной охраны полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях в области охраны собственности, а также посягающих на общественный порядок и общественную безопасность.

Кроме того, следует отметить, что согласно ч. 2 ст. 27.12.1 КоАП РФ и п. 3 Правил, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 г. № 37 [5], лица, совершившие административные правонарушения, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, подлежат направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Данным правом направления наделены должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ. Однако в отличие от сотрудников полиции, доставляющих указанных лиц в медицинские организации в соответствии с п. 14 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции», военнослужащим и сотрудникам Росгвардии такое право законодательно не закреплено. Следует прописать, что сотрудники Росгвардии имеют право применять меры обеспечения производства, в т.ч. направлять лиц на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Таким образом, очевидна проблема эффективной реализации сотрудниками Росгвардии полномочий, указанных в п. 3 и 5 ч. 1 ст. 9 Федерального

закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». Согласно данным положениям сотрудники Росгвардии уполномочены пресекать административные правонарушения, осуществлять производство по делам об административных правонарушениях в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях. Однако административные правонарушения пресекаются прежде всего путем применения мер обеспечения производства, предусмотренных главой 27 КоАП РФ. В одном случае сотрудники вневедомственной охраны Росгвардии для выполнения возложенных задач по охране объектов имеют право для пресечения правонарушения, направленного на охраняемый объект, применить меры обеспечения производства (доставление), но составлять протоколы об административных правонарушениях не могут. В другом случае должностные лица Росгвардии, уполномоченные на осуществление федерального контроля и надзора за обеспечением требований безопасности объектов топливно-энергетического комплекса и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса, обладают широкими полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях, но при выявлении правонарушений в общественных местах не правомочны осуществлять доставку правонарушителей в территориальный орган или подразделение полиции. Сотрудники лицензионно-разрешительных подразделений Росгвардии в области общественного порядка имеют право составлять протоколы только по ст. 20.21 КоАП РФ. Однако они не вправе в случае неповиновения законным требованиям составлять протоколы по ст. 19.3 КоАП РФ.

Приведенные ранее статистические данные показывают, что административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, в области охраны собственности являются наиболее распространенными правонарушениями и сотрудники Росгвардии по большому счету отстранены от их документирования. На наш взгляд, представляется целесообразным устранить данные несоответствия. Кроме того, в КоАП РФ, в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Приказе Росгвардии от 6 октября 2016 г. № 286 «О полномочиях должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию» также необходимо прописать, что сотрудники указанных должностных категорий Росгвардии для пресечения

правонарушений имеют право применять меры обеспечения производства (доставление, административное задержание, личный досмотр и т.д.) по тем административным правонарушениям, по делам о которых они уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях.

Кроме того, должностных лиц вневедомственной охраны следует наделить полномочиями по

составлению протоколов об административных правонарушениях по ст. 7.17, 7.27 и 20.17 КоАП РФ.

Указанные изменения и дополнения в административно-юрисдикционные полномочия способствовали бы как оперативности, так и эффективности деятельности подразделений Росгвардии, а также снизили бы нагрузку на сотрудников органов внутренних дел.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 июля 2016 г. № 226-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 г. № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Правил осуществления Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации и ее территориальными органами федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 20 октября 2016 г. № 1067. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О полномочиях должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию [Электронный ресурс]: приказ Росгвардии от 6 октября 2016 г. № 286. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения в части соблюдения осуществляющими деятельность по эксплуатации транспортных средств, выполняющими работы и предоставляющими услуги по техническому обслуживанию и ремонту транспортных средств юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями и гражданами – участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации, правил, стандартов, технических норм и иных нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения к конструкции и техническому состоянию находящихся в эксплуатации автотранспортных средств и предметов их дополнительного оборудования, изменению их конструкции, перевозкам пассажиров и грузов [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 14 ноября 2016 г. № 727. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении типовых форм документов, необходимых при осуществлении Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации и ее территориальными органами федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса [Электронный ресурс]: приказ Росгвардии от 10 декабря 2016 г. № 431. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год: № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения: 20.11.2017).

11. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год: № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об адми-

нистративных правонарушениях» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 15.04.2018).

12. Федяев Е.А. Полномочия войск национальной гвардии Российской Федерации по возбуждению дел об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по мат-лам ежегодной всероссийской научно-практ. конф-ции, посвященной 70-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 212-215. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28815967> (дата обращения: 20.11.2017).

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.85

Е.В. Демидова-Петрова, канд. юрид. наук, доцент
Казанский юридический институт МВД России
E-mail: demidova.liza@gmail.com

О КОРРЕЛЯЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье описаны имеющиеся проблемные аспекты предупреждения преступности несовершеннолетних в Российской Федерации. Отмечено, что причинные факторы преступности несовершеннолетних не модифицировались, в основе своей они остались прежними, лежащими в плоскости негативных процессов социально-экономической и духовной сфер. Однако проявились новые их свойства, такие как: увеличение степени распространенности; агрессивная сила воздействия, которой несоразмерно противопоставляются меры предупреждения, пригодные для спокойных в криминологическом плане времен состояния контролируемой преступности.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетний, преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности несовершеннолетних, факторы преступности несовершеннолетних, социальный контроль.

E.V. Demidova-Petrova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: demidova.liza@gmail.com

ON THE CORRELATION OF THEORY AND PRACTICE IN PREVENTING JUVENILE CRIME

This article describes existing problematic aspects of prevention of juvenile crime in the Russian Federation. Noted that the causative factors in juvenile crime has not been modified, basically they remained the same, lying in the plane of the negative socio-economic and spiritual spheres. However, there are new their properties, such as the increase of the extent of their prevalence; aggressive impact which disproportionately opposed the measures of prevention suitable for relaxing in criminological terms the time of the state-controlled crime.

Key words: crime, juvenile, juvenile delinquency, crime prevention juvenile, factors of juvenile delinquency, social control.

Сведения о преступности несовершеннолетних в криминологически значимых показателях, равно как и о предпринимаемом предупреждении причин криминогенности, под воздействием которых они

оказываются, имеют свойства профессиональной информации. Как правило, она находится в пользовании и применении узкого круга специалистов из числа лиц, представляющих правоохранительные

органы и намного реже иные органы государственной власти и муниципальные образования, структуры гражданского общества.

Такая константа находит логику предметной принадлежности разрабатываемых знаний для цели их практического использования, которой занимаются преимущественно представители научных и научно-образовательных учреждений правоохранительной системы. Академическое вневедомственное исследование детской преступности, осуществляемое на систематической основе, на протяжении длительного времени остается редкостью¹. Наряду с этим можно отмечать и естественную монополию наук криминального цикла (уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии и криминалистики, судебной психологии и др.) на изучение преступности несовершеннолетних и мер борьбы с ней. Возникшая данность дает эффект замкнутости, который усиливается тем обстоятельством, что тематические исследования и разработки преимущественно осуществляются на основе эмпирического материала, поступающего из правоохранительных органов, и, как правило, ведутся представителями ведомственной науки для хотя и важных, но узкопрофильных задач тактического свойства в области борьбы с преступностью несовершеннолетних [5, с. 3-5; 11, с. 26-30; 7, с. 37-40].

В этом нет ничего предосудительного, если в течение длительного периода отмечается состояние преступности, проявления которой имеют устойчивые закономерности постоянства, обладают неизменными или мало переменными качественно-негативными характеристиками, не требующими использования новых методик, привлечения смежных специалистов – социологов, педагогов, психологов.

При таком положении появляются обоснованные основания говорить не о борьбе с криминальными вызовами и угрозами, а о контроле над их проявлениями [2, с. 45-47], которые развиваются в формате междисциплинарного подхода в рамках одного цикла наук [3, с. 117-128], в т.ч. имеющего отношение и к проблемам преступности несовершеннолетних [13, 10].

Такой подход методического сопровождения научно-практических задач в сфере борьбы с преступностью по существу приобретает свойства мониторинга, который в силу сугубо профессионального содержания становится ограничен в доступности информации, ее обсуждении, сверке с общественными потребностями на предотвращение новых

¹ Наиболее заметной по степени постоянства и воспроизводства диссертационных исследований является научная школа изучения преступности несовершеннолетних под руководством доктора юридических наук, профессора З.А. Астемирова.

криминальных угроз и факторов, их продуцирующих. О прогностических функциях при этом говорить не приходится.

Проблемы отсутствия синергии профессиональной среды специалистов, занятых вопросами борьбы с преступностью, с широкой общественностью, способной к содействию, соучастию в их решении, не могли не вызвать озабоченности в криминологической науке.

К сожалению, единожды прозвучавшее в научной литературе убедительное выражение о необходимости создания системы, где будет интегрироваться профессиональный и общесоциальный дискурс о преступности [4, с. 17], не получило той степени развития и воплощения, которое могло бы способствовать своевременному прогнозу ее проявлений, рисков криминогенности и их эффективному (раннему) предупреждению.

По отношению к рассматриваемым вопросам наиболее важные аспекты обеспечения дискурса заключены:

1) в преодолении ведомственного, узкопрофильного и технократического подхода к изучению проблем преступности несовершеннолетних;

2) возможностях учета общественных запросов и профессиональных (сторонних) разработок при организации системы предупреждения;

3) обеспечении верификации (эмпирической осмысленности) исследований о преступности несовершеннолетних и требуемых (актуальных) мерах и направлениях ее предупреждения для участников, их реализующих, и заинтересованных субъектов.

Необходимость реализации отмеченных аспектов желанного дискурса требует предварительного обоснования. Для этого предлагается использовать не свойственный академическим работам прием развенчания парадигм. Безусловно, фундаментальных научных установок, которые задают требования к исследованиям преступности несовершеннолетних, встретить невозможно. В этой связи их содержание посчитаем операциональным, т.е. используемым для целей и задач настоящего исследования.

Итак, ключевое содержание парадигмы заключается в том, что преступность несовершеннолетних обладает традиционными характеристиками. Например, ей свойственны черты уголовно наказуемых деяний, совершаемых в группе, ее мотивационные характеристики преимущественно выражены в корыстной направленности за редким исключением резонансных насильственных проявлений (казанская банда несовершеннолетних преступников «Тяп-ляп»), тип личности имеет отрицательные черты, а причинные факторы большинства проявле-

ний криминогенности складываются в микросреде повседневного общения и взаимодействия подростков.

Обращение к историографии вопроса позволяет отмечать действительно устойчивые характеристики преступности несовершеннолетних, которые находились в тесной взаимозависимости с продуцирующими ее проявления стабильными социальными, экономическими, политическими, духовными факторами причинности. На протяжении 1960 г. и вплоть до середины 1980-х гг. в исследованиях криминологов такая связь находила четкое обоснование.

Долговременность фиксируемых закономерностей обуславливала методологическую зависимость в подходах к изучению преступности рассматриваемого вида. Его результаты были объективны и имели эффект в осуществлении предупреждения. Между тем такая соотносимость методов к предмету исследований была нарушена фактором кардинальных, причем преимущественно негативных изменений социальных, экономических, политических, правовых, духовных процессов общественной жизни, вызванных сменой государственной формации в 1990-е гг.

Эти процессы имели разный формат и содержание (безработица, искажение морально-нравственных ценностей, недоступность образования, ослабление социального контроля и воспитания, сокращение финансирования мероприятий профилактического значения, культивация наркотизма, распространение фоновых явлений, криминальной субкультуры в музыке и киноискусстве). Новизна и активность названных факторов и явлений прямо коррелировали с изменением преступности в целом.

Принимая во внимание известные психофизиологические возрастные особенности несовершеннолетних, в сравнении с другими социальными группами населения они оказались наименее защищенными от воздействия этих факторов и рисков вовлеченности в преступность, ставшую феноменом¹ [14, с. 60] действительности 1990-х гг.

Фактически причинные факторы преступности несовершеннолетних не модифицировались, в основе своей они остались прежними, лежали в плоскости негативных процессов социально-экономической и духовной сферы. Однако проявились новые их свойства: увеличилась степень их распространенности, агрессивная сила воздействия, которой несоразмерно противопоставлялись меры предупреждения, пригодные для спокойных в кри-

минологическом плане времен состояния контролируемой преступности.

В такой ситуации естественными были попытки поиска и обоснования новых превентивных средств в отношении ранее не ведомых криминальных вызовов и угроз. Классическая система предупреждения преступности в трех составляющих направлениях оказывалась несостоятельной по причине отсутствия реальной внутренней интегрированности и взаимообусловленности между мерами общего, специального и индивидуального назначения. Такое состояние иллюстрировалось типичными примерами невозможности эффективной реализации специальных мер предупреждения вне обеспечения общесоциальных мер, как то:

- задачи организации контролируемого досуга несовершеннолетних при дефиците или отсутствии финансирования бюджетных учреждений в области спорта, культуры, искусства;

- противоречие между мероприятиями морально-нравственного развития подростков и отсутствии запретов на производство и распространение печатной и кинопродукции, пропагандирующей прямо противозаконные формы поведения как нормы достижения успешной жизни;

- фактическое прекращение профилактической деятельности комиссий по делам несовершеннолетних, задачи которых были переориентированы от применения административных мер воздействия на правонарушителей к осуществлению контроля за соблюдением их прав и законных интересов; отмечались и иные неадекватные развитию рассматриваемого вида преступности противоречия в содержании предлагаемых и реализуемых превентивных мер.

Отсутствие коррелирующей связи в необходимой, востребованной системе мер предупреждения преступности объяснялось невозможностью фактического их ресурсного и политического обеспечения. В такой ситуации не могло быть развития методологического наполнения, а также системного исследовательского сопровождения борьбы с преступностью несовершеннолетних. По существу все изучение сводилось к фиксации состояния криминологической характеристики преступных проявлений среди несовершеннолетних. Примечательно, что в отдельных учебниках по криминологии, вплоть до начала 2000-х гг., традиционный раздел особенной части дисциплины о предупреждении преступности несовершеннолетних не имел одноименного названия и формулировался в обобщенном наименовании, получившем выражение в определении особенностей борьбы с ней [8, с. 701-708].

¹ Такая трактовка получила выражение в трудах криминологов – современников отмечаемых процессов детерминации преступности.

На фоне происходившей на протяжении 1990-х гг. социально-экономической стагнации субъектов Российской Федерации и дефицита федерального обеспечения задач нейтрализации криминальных факторов отдельные региональные инициативы в области предупреждения преступности осуществлялись, но были фрагментарными. Такое положение вещей проявлялось и в научной среде. Как уже отмечалось ранее, изучение преступности несовершеннолетних, которое велось, в подавляющем большинстве имело региональный аспект. К сожалению, этот исследовательский тренд до сих пор не оказался преодолен. Следует сказать, что даже анализ литературы по данному вопросу свидетельствует об однопорядковом подходе к изучению, который различим только в географии данных [1, 9]. Исследования территориальных особенностей

преступности, необходимые для прогнозирования будущих криминальных вызовов и угроз, были единичны [12, с. 252]. В настоящее время внимание к этой теме ограничено разделом ведомственных информационно-аналитических материалов¹ [6].

Все это не предопределяло благоприятных условий для образования системы консолидированной единой политики – региональной, научной, ресурсной криминологической политики, которая позволяла бы прогнозировать развитие качественно-негативных характеристик преступности несовершеннолетних. По существу, именно по отношению к сложным криминальным временам приходится отмечать свойства криминологии как науки с критическим содержанием оценок. Преступность несовершеннолетних и борьба с ней не стали исключением.

Литература

1. Баймурзаева Р.А., Баймурзаев С.Б. Причины и условия преступности несовершеннолетних (на примере Республики Дагестан) // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 4.
2. Быков А.В. Американский опыт установления контроля над преступностью // Российский следователь. 2013. № 13. С. 45-47.
3. Гишинский Я.И. Исполнение наказания в системе социального контроля над преступностью // Закон. 2012. № 9. С. 117-128.
4. Жалинский А.Э. Криминологический дискурс о преступности // Право и политика. 2006. № 8. С. 17.
5. Зайнуллин Р.И. Следователь, дознаватель как субъекты системы профилактики преступлений несовершеннолетних // Российский следователь. 2016. № 21. С. 3-5.
6. Законность: состояние и тенденции в 2010-2014 гг. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению: науч. докл. / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2015. 406 с.
7. Карелин Д.В. Использование специальных знаний при установлении обстоятельств по делам о преступлениях несовершеннолетних // Судья. 2014. № 10. С. 37-40.
8. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2000.
9. Машинская Н.В., Скрипченко Н.Ю. Причины и условия преступности несовершеннолетних (по материалам Архангельской области) // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 2.
10. Нека Л.И. Профилактика правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, и социальный контроль над ростом преступности // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 4.
11. Орлова Ю.Р. Основные причины и условия, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 3. С. 26-30.
12. Преступность в России и борьба с ней: региональный аспект. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003.
13. Сулейманова С.Т. К вопросу о социальном контроле над преступностью несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2.
14. Сухарев А.Я. Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. М., 1996.

¹ Речь идет о ежегодных сборниках коллективного исследования «Состояние законности в Российской Федерации», подготавливаемых НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ.

УДК 343.61

К.Н. Карпов, канд. юрид. наук

Омская академия МВД России

E-mail: kkn83@mail.ru;

К.Д. Николаев, канд. юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРИЧИНЕНИЯ ПОБОЕВ (СТ. 116 УК РФ)

В статье приводятся результаты анализа правоприменительной практики по вопросам применения норм УК РФ, регламентирующих ответственность за причинение побоев; рассматриваются сложившиеся подходы суда к пониманию признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ, квалификации данных деяний и разграничению их со смежными составами преступлений, а также предлагаются рекомендации по применению соответствующих норм УК РФ.

Ключевые слова: побои, насилие, причинение физической боли, насильственные действия, квалификация.

K.N. Karpov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: kkn83@mail.ru;

K.D. Nikolayev, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

QUALIFICATION OF CAUSING OF BEATING (ARTICLE 116 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The authors analyze the law enforcement practice on the application of the Criminal Code of the Russian Federation regulating responsibility for causing of beating in the article. The article examines the existing approaches of the court to understand the signs of crimes under article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation, the qualification of these acts and their distinction with related offences, and proposes recommendations for the application of the relevant rules of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: beating, violence, infliction of physical pain, violent actions, qualification.

Конституционные гарантии свободы и личной неприкосновенности, недопустимости применения пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения непосредственно реализуются путем установления уголовной ответственности за совершение преступных деяний в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). В этой связи определенный интерес представляет ст. 116 УК РФ, устанавливающая ответственность за побои, которые согласно букве закона не связаны с причинением вреда здоровью определенной степени тяжести, однако сопряжены с причинением физической боли.

Согласно данным официальной статистики, в России ежегодно за совершение побоев (ст. 116 УК РФ) и истязаний (ст. 117 УК РФ) осуждается порядка 23 тыс. лиц [11]. Учитывая несовершенство системы сбора статистических данных и высокую латентность анализируемого преступления, реальные показатели составляют гораздо большее количество преступлений. Большинство лиц, ставших жертвами бытового насилия, просто не обращаются ни в правоохранительные органы, ни в медицинские учреждения по различным причинам (нежелание «выносить сор из избы»), длительность уголовно-процессуальных процедур, незначительность размера

возмещения причиненного преступлением вреда и т.д.).

В связи с внесением изменений в уголовное законодательство правоприменительная практика по вопросам квалификации побоев не всегда отличается единообразием, что во многом связано с различными подходами к толкованию объективных и (или) субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ «Побои», ст. 116¹ УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутому административному наказанию».

Непосредственным объектом данных преступлений выступает право на физическую (телесную) неприкосновенность человека. Данный объект характерен для состава побоев и позволяет отграничивать его от смежных составов преступления. Так, в случае применения физического насилия, не повлекшего вреда здоровью, действия виновного в зависимости от сферы правоотношений могут квалифицироваться и по другим статьям УК РФ. Обязательной характеристикой объекта в указанных, а также и других составах могут выступать особые свойства потерпевшего. Например, в случае применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ) объектом будут выступать порядок управления, а потерпевшими – представитель власти или его близкие; при превышении должностных полномочий с применением насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) объектом выступают интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления; при хищении имущества с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), объектом выступает право собственности.

Например, в соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.) [9].

Таким образом, согласно правилам квалификации, при наличии конкуренции общей и специальной норм квалификация действий лица по общим нормам – ст. 116, 116¹, 117 УК РФ – возможна только при отсутствии признаков, свидетельствующих о посягательстве на иной объект. Так, приговором Сыктывкарского городского суда Республики Коми по ст. 318 УК РФ была осуждена гр. Х. за совершение следующих действий в отношении сотрудника

полиции. Х., видя, что А. находится в форменной одежде сотрудника полиции установленного образца со специальными знаками отличия и исполняет свои служебные обязанности, осознавая, что последний является представителем власти и исполняет свои должностные обязанности, в ответ на правомерные требования А. умышленно, применяя насилие, не опасное для жизни и здоровья, ладонью правой руки нанесла удар в область головы А., от чего последний испытал физическую боль [17].

В УК РФ насильственные действия (насилие) либо побои выступают в роли способа совершения многих преступлений (например, предусмотренных ст. 126, 127, 131, 141, 144, 148, 334 УК РФ и другие составы). В то же время «включенность» побоев в качестве обязательного либо квалифицирующего признака составов преступлений, объективная сторона которых связана с применением насилия в рамках основного состава (ст. 131 УК РФ) либо квалифицированного состава (ст. 150, 151, 156, 161, 226, 229, 330 УК РФ и др.), не требует дополнительной квалификации по ст. 116, 116¹, 117 УК РФ, т.к. полностью охватывается указанными составами.

Например, гр. В. был осужден судом первой инстанции по ст. 330 УК РФ за совершение следующих действий. Он пришел к потерпевшей Т. и причинил побои, подозревая ее в хищении героина, который накануне принес к ней домой, где собирался его употребить. При этом Г. требовал вернуть наркотическое средство либо деньги. Опасаясь осуществления угроз, Т. передала Г. флакон из-под «Нафтизина» и шприц, после чего, воспользовавшись замешательством Г., выбежала из квартиры. В ходе следствия потерпевшая пояснила, что осужденный обвинил ее в краже наркотика и требовал отдать героин или 500 рублей, сопровождая свои действия нанесением побоев.

Вызывает возражения позиция суда первой инстанции, который квалифицировал указанные действия по ст. 330 УК РФ как самоуправство, совершенное с применением насилия, несмотря на то, что государственный обвинитель настаивал на квалификации указанных действий по ст. 162 УК РФ.

Позднее суд апелляционной инстанции указал, что, квалифицируя действия осужденного по признаку самоуправства, суд не учел, что его действия по истребованию наркотического средства, свободный оборот которого законом запрещен, не были связаны с реализацией прав и законных интересов виновного лица. В связи с изложенным коллегия указала на отсутствие в действиях Г. состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 330 УК РФ. На основании изложенного приговор районного суда г. Омска в отношении Г. был из-

менен, а действия лица переквалифицированы с ч. 2 ст. 330 УК РФ на ч. 1 ст. 116 УК РФ [10]¹.

В указанном примере субъективное восприятие осужденным и цель применения насилия оказали непосредственное влияние на квалификацию причинения побоев.

В некоторых случаях причинение побоев требует квалификации по ст. 116 УК РФ по совокупности с иными составами преступлений, когда насилие не выступает в роли их составной части. В частности, п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» предписывает: «имея в виду, что состав преступления, предусмотренный статьей 213 УК РФ, не содержит такого признака объективной стороны преступления, как применение насилия (причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести), и с учетом того, что при хулиганстве умысел направлен на грубое нарушение общественного порядка, в случаях, когда в процессе совершения хулиганства потерпевшему, а также лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка либо пресекающему хулиганские действия, нанесены побои или причинен вред здоровью различной степени тяжести из хулиганских побуждений, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 213 УК РФ и частью (пунктом части) соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности» [8].

Зачастую возникают ситуации, когда лицо совершает различные насильственные действия в отношении нескольких лиц либо в отношении одного лица, но в разное время и с разными целями. В такой ситуации действия лица должны квалифицироваться по ст. 116 УК РФ, если они носили самостоятельный характер и не являлись началом (частью) более тяжкого насильственного преступления (причинения вреда здоровью либо убийства и др.).

Например, Московский городской суд в своем кассационном определении разъяснил, что действия осужденного, начатые как менее тяжкое преступление (иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий,

¹ Отдельные примеры датированы 2010-2016 гг., до вступления в силу изменений ст. 116 УК РФ, вследствие чего приведенная квалификация может не соответствовать действующей редакции УК РФ. Используя их в тексте, авторы демонстрируют проблемы толкования объективных и субъективных признаков состава побоев, которые существуют и в настоящее время.

указанных в статье 115 УК РФ), затем переросшие в более тяжкое (умышленное причинение легкого вреда здоровью), квалифицируются по норме закона, предусматривающей более строгое наказание, в связи с чем дополнительной квалификации по ст. 116 УК РФ не требуется [5].

В другом случае Исилькульский городской суд Омской области правильно квалифицировал действия виновного по совокупности ст. 116 и 109 УК РФ в связи с тем, что умышленное причинение побоев и причинение смерти по неосторожности одному и тому же лицу (а также и еще одному потерпевшему) носили разновременный характер и не находились в непосредственной причинной связи между собой [16].

Таким образом, квалификация по ст. 116 УК РФ требуется в тех случаях, когда применение насилия (побои) не является обязательным признаком «основного» преступления, а также факт применения насилия не выступает в роли способа совершения преступления.

Обязательным признаком объективной стороны побоев выступает какое-либо физическое воздействие на организм потерпевшего, в результате которого последнему была причинена физическая боль. Возможными способами выполнения данного деяния выступают, во-первых, неоднократное нанесение ударов (собственно побои), а во-вторых, иные насильственные действия, причинившие физическую боль. Способы такого воздействия не имеют принципиального значения для квалификации. Наиболее часто встречающимся способом побоев выступает нанесение ударов руками или ногами по телу потерпевшего. В то же время в практике встречаются и случаи щипания, укусов, прижигания тела горячими предметами, ударов различными твердыми предметами либо веревкой, проволокой и т.д., дергание за волосы и другие способы воздействия.

При этом оценка некоторых способов воздействия на организм потерпевшего вызывает затруднения. Например, толчки потерпевшего могут быть квалифицированы по ст. 116 УК РФ, как правило, в тех случаях, когда толчок привел к падению потерпевшего и причинению физической боли. В противном случае суды не усматривают в подобных действиях состава побоев.

Примером может служить кассационное определение Московского областного суда от 20 декабря 2012 г. по делу № 22-8974, в котором суд отнес к способу совершения насильственных действий «сдавливание частей тела потерпевшего, причинившее физическую боль».

Относительно вопроса о количестве наносимых ударов в настоящее время сложилась практика ква-

лификации побоев именно как неоднократного нанесения ударов. Такая трактовка является соответствующей описанию объективной стороны ст. 116 УК РФ, сформулированной как «нанесение побоев», т.е. действие, совершаемое во множественном числе (неоднократно). Так, Президиум Камчатского краевого суда в своем постановлении отметил, что побои представляют собой неоднократное нанесение ударов потерпевшему. Определяющее значение суд придает именно неоднократности нанесения ударов, в то время как нанесение потерпевшему одного удара не может расцениваться как причинение побоев. Однако указанные обстоятельства не означают отсутствия состава преступления и влекут квалификацию по ст. 116 УК РФ как иные насильственные действия, причинившие физическую боль [13].

В то же время рассмотрение объективной стороны состава ст. 116 УК РФ исключительно как неоднократных действий может приводить и к неправильному применению уголовного закона.

Например, следующее поведение лица, на наш взгляд, было не совсем верно оценено судом как неправомерное. Гражданин К., услышав от потерпевшей, что его слова могут быть записаны на диктофон сотового телефона, стараясь вырвать сотовый телефон (для того чтобы его действия не были записаны на диктофон и не были сняты), ударил потерпевшую по руке, поцарапав при этом внутреннюю поверхность правого предплечья и шею, чем причинил физическую боль. При этом угрожал, что доведет до психического заболевания и оставит без работы, привлечет к уголовной ответственности, тем самым причинил нравственные страдания. Судебная коллегия, пересматривая приговор по ст. 116 УК РФ, из материалов уголовного дела «усмотрела, и это отражено в приговоре, что К. нанес один удар по руке потерпевшей..., чем причинил ей физическую боль, и его действия в этой части квалифицированы по ст. 116 ч. 1 УК РФ. *Однако согласно закону с объективной стороны побои представляют собой нанесение неоднократных ударов. Нанесение одного удара не может расцениваться как побои*» (курсив авт. – К.К., К.Н.). Полагаем, что более правильной является квалификация по ст. 116 УК РФ фактов причинения физической боли любым способом, вне зависимости от количества ударов и других насильственных действий.

По вопросу о виде состава по конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, высказываются различные точки зрения. Одни рассматривают данный состав как формальный, т.е. содержащий описание только признаков деяния (побои), другие же указывают

на наличие обязательного признака материального состава – причинения физической боли. К преступлениям с формальным составом некоторые авторы относят, в частности, нанесение побоев и совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль (ч. 1 ст. 116 УК РФ) [7, с. 236]. Ю.В. Грачева, характеризуя нанесение побоев, отмечает, что «преступление считается оконченным с момента совершения самого деяния», что означает формальный тип состава [4, с. 142].

На наш взгляд, необходимо состав преступления, предусмотренный ст. 116 УК РФ, относить к категории материальных, т.к. его конструкция требует обязательного наличия общественно опасных последствий в виде физической боли потерпевшего. При этом субъективность и оценочность данного признака вовсе не означают его ненужность для установления всех признаков состава преступления. Вполне допустимы ситуации, когда в результате физического воздействия на тело человека физическая боль ему может быть и не причинена. Например, преграждение пути, мягкое отталкивание или отстранение (вытеснение) связаны с непосредственным телесным (физическим) контактом, однако физическую боль за собой могут и не повлечь.

На данное обстоятельство указывается в постановлении Московского городского суда, в котором уточняется, что «под побоями понимаются действия, характеризующиеся многократным нанесением ударов. При этом побои могут и не оставить после себя никаких объективно выявляемых повреждений. *Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, является следствие в виде физической боли*» [12] (курсив авт. – К.К., К.Н.).

Подтверждение материального характера состава побоев нашло отражение и в другом судебном акте. Так, Президиум Саратовского областного суда указал, что по смыслу закона (ст. 116 УК РФ) «виновный не только осознает общественную опасность наносимых ударов или иных насильственных действий, но и *предвидит возможность или неизбежность причинения потерпевшему физической боли и желает этого*» [14] (курсив авт. – К.К., К.Н.). Такая характеристика субъективных компонентов вины характерна именно для преступлений с материальным составом.

Используемое в УК РФ понятие «физическая боль» является медицинским. Так, с точки зрения медицины боль – это вид чувства, своеобразное неприятное ощущение; реакция на это ощущение, которая характеризуется определенной эмоциональной окраской, рефлекторными изменениями функций внутренних органов, двигательными без-

условными рефlekсами, а также волевыми усилиями, направленными на избавление от болевого фактора [3].

Следовательно, боль определяется как эмоциональное ощущение потерпевшего и, соответственно, не может относиться к исключительно материальным последствиям, имеющим конкретные физические либо экономические характеристики. Таким образом, факт наступления физической боли напрямую зависит от особенностей восприятия потерпевшего и его состояния здоровья. Например, удар ребенка взрослому мужчине может не повлечь ощущения боли, в то время как незначительный толчок либо удар, нанесенные пожилому или травмированному человеку, причинят ему существенные болевые ощущения.

Учитывая изложенное, причинение именно физической боли потерпевшему является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ.

Субъектом анализируемых составов преступлений выступают лица, достигшие к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. Причинение побоев специальным субъектом (военнослужащим, должностным лицом и т.д.) должно повлечь (при наличии соответствующих признаков) квалификацию по специальным нормам УК РФ (например, ст. 286, 334, 335).

Субъективная сторона побоев характеризуется умышленной формой вины, а также одним из следующих обязательных признаков: а) мотивом политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивом ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы либо б) хулиганскими побуждениями.

Рассматривая формы умысла, следует не соглашаться с мнением тех судов, которые указывают на то, что побои могут быть причинены только с прямым умыслом. На наш взгляд, содержание диспозиции ст. 116 УК РФ этого не предполагает.

Однако ряд судов при вынесении решения приходят именно к такому, на наш взгляд, ошибочному выводу. Например, Президиум Тульского областного суда в своем постановлении указывает, что по смыслу закона преступление, предусмотренное указанной нормой (ст. 116 УК РФ), совершается только с прямым умыслом. Неосторожное причинение физической боли не влечет уголовной ответственности по ч. 1 ст. 116 УК РФ [15]. Аналогичную позицию высказывает и Президиум Саратовского областного суда, указывающий, что преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 116 УК РФ, совершаются только с прямым умыслом, т.е. виновный осознает обще-

ственную опасность наносимых ударов или иных насильственных действий, предвидит возможность или неизбежность того, что ими потерпевшему причиняется физическая боль, и желает этого. По действующему законодательству неосторожное причинение физической боли не влечет уголовной ответственности по ч. 1 ст. 116 УК РФ [14].

Соглашаясь с выводами суда относительно ненаказуемости неумышленного причинения побоев, следует указать на возможность причинения побоев не только с прямым, но и с косвенным умыслом. В качестве примера нанесения побоев с косвенным умыслом можно привести следующее решение суда. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, А. в ходе ссоры со своей сожительницей стал наносить ей удары руками в область лица и туловища. В момент ссоры сожительница держала на руках свою малолетнюю дочь, которой А. причинить боль не желал. Однако наличие на руках жертвы ребенка его не остановило. В ходе нанесения сожительнице побоев один удар кулаком в лицо достался девочке. В результате действий виновного женщина с дочерью на руках упала на пол, отчего ребенку была дополнительно причинена физическая боль. При направлении дела в суд обвиняемому были инкриминированы ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116 УК РФ. Суд по ходатайству сожительницы прекратил дело по ч. 1 ст. 115 УК РФ за примирением сторон и осудил А. по ч. 1 ст. 116 УК РФ за причинение физической боли малолетней потерпевшей [2].

Указанный пример демонстрирует возможность не только прямого, но и косвенного умысла при совершении побоев, что, на наш взгляд, является правильным и допустимым при квалификации по ст. 116 УК РФ.

Рассматривая данную ситуацию, А.Ю. Ширяев отмечает, что «субъективное намерение виновного причинить физический вред сожительнице и отсутствие такого намерения в отношении малолетнего ребенка в сложившейся ситуации соответствуют существенным видовым различиям между прямым и косвенным умыслом, которые сформулированы в ч. 2 и 3 ст. 25 УК РФ. Насилие в отношении ребенка применено с косвенным умыслом, а сожительницы – с прямым. Признак «не желало, но сознательно допускало эти последствия» следует рассматривать как единый. В данном случае субъект скорее склонен согласиться с последствиями, чем отказаться от совершения деяния при взвешивании возможных вариантов» [18, с. 150-155].

Обязательным альтернативным признаком побоев (ч. 1 ст. 116 УК РФ) выступают мотивы преступного поведения, выражающиеся в хулиганских побуждениях либо мотиве политической, идеоло-

гической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Отсутствие одного из указанных мотивов (побуждений) свидетельствует об отсутствии признаков уголовно наказуемых побоев и влечет лишь административную ответственность. Так, Московский городской суд в своем апелляционном постановлении указал, что совершение преступления из хулиганских побуждений отличается явным неуважением к обществу и общепринятым моральным нормам, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим и, как правило, совершается без повода или с использованием незначительного повода в качестве предлога для совершения преступления [1].

В то же время квалификация причинения побоев по признаку «совершенные из хулиганских побуждений» сама по себе не требует наличия нарушения общественного порядка. Например, Московский городской суд в своем кассационном определении, разъясняя порядок применения нормы, содержащейся в п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ, указал, что «под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные против личности человека, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода. Нарушение общественного порядка при совершении действий из хулиганских побуждений не является обязательным признаком при квалификации действий виновного по указанному признаку» [6].

Восприятие данного состава преступления как материального требует установления не только осознания общественной опасности совершения деяния, но и наличия волевого отношения к наступающим последствиям. Учитывая, что анализируемый состав преступления может быть совершен как с прямым, так и косвенным умыслом, лицо может и не желать наступления последствий в виде физической боли, однако сознательно допускать их наступление либо относиться к ним безразлично. Приведенный пример демонстрирует безразличное отношение виновного к возможному причинению физической боли ребенку и, соответственно, наличие субъективных признаков умышленного причинения побоев.

Насильственный характер, отраженный в анализируемых составах преступлений, приводит к необходимости отграничения их от тех составов, обязательной частью которых выступает насилие в том либо ином виде. При этом необходимо исходить из того, что квалификации по ст. 116 УК РФ не требуется в тех случаях, когда насильственный способ совершения преступления отражен в качестве обязательного либо квалифицирующего признака соответствующего состава преступления. Во всех остальных случаях причинение побоев требует самостоятельной квалификации при наличии всех признаков данного состава преступления.

Полагаем, что реализация предложенных подходов к квалификации побоев (ст. 116 УК РФ) позволит избежать многих ошибок при практическом применении данной уголовно-правовой нормы.

Литература

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 16 февраля 2015 г. по делу № 10-1115/15 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.06.2017).
2. Архив мирового суда г. Кушвы Свердловской области за 2015 год. Д. № 1-110/2015.
3. Большой медицинский словарь. URL: <http://medslv.ru/> (дата обращения: 03.04.2017).
4. Грачева Ю.В., Есаков Е.А., Князькина А.К. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Е.А. Есакова. М., 2011.
5. Кассационное определение Московского городского суда от 3 сентября 2012 г. по делу № 22-12013/12 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 19.06.2017).
6. Кассационное определение Московского городского суда от 11 сентября 2012 г. по делу № 22-11810/2012 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 19.05.2017).
7. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000.
8. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Определение судебной коллегии Омского областного суда от 24 июня 2010 г. № 22-2215 // Бюллетень судебной практики Омского областного суда. 2010. № 2. С. 13.

11. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 13.04.2017).

12. Постановление Московского городского суда от 25.11.2016 № 4у-6112/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Постановление Президиума Камчатского краевого суда от 28 июля 2014 г. № 4-У-21 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.04.2017).

14. Постановление Президиума Саратовского областного суда от 9 декабря 2013 г. по делу № 44-у-184/13 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.04.2017).

15. Постановление Президиума Тульского областного суда от 30 августа 2016 г. № 44у-86/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 17.05.2017).

16. Приговор Исилькульского городского суда Омской области от 20 августа 2014 г. № 1-229/2013 1-8/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.06.2017).

17. Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 28 октября 2016 г. № 1-876/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 13.05.2017).

18. Ширяев А.Ю. О возможности косвенного умысла в преступлениях с формальным составом // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 150-155.

УДК 343.346

С.А. Комарикова

Омская академия МВД России

E-mail: Sofia.komarikova@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, ПОВЛЕКШИХ ПРИЧИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ ТЯЖЕСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

В статье исходя из позиции различных ученых-правоведов, а также на основе приведенных примеров из практической деятельности судов и проведенного социологического опроса граждан аргументируется позиция относительно необходимости криминализации неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью как последствия преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, социально-правовые предпосылки, нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, причинение средней тяжести вреда здоровью, дорожно-транспортное происшествие.

S.A. Komarikova

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: Sofia.komarikova@yandex.ru

SOCIAL AND LEGAL PREREQUISITES OF CRIMINALIZATION OF VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF THE VEHICLES WHICH HAVE CAUSED BODILY HARM OF MEDIUM GRAVITY

On the assumption of the views of different legal scholars as well as on the basis of the given examples from practical activities of courts and conducted sociological survey of citizens the author gives reasons for necessity of criminalization of causing bodily harm of medium gravity through negligence as the aftermath of the crime provided by the article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: criminal responsibility, social and legal prerequisites, violations of traffic rules and vehicle operation, causing bodily harm of medium gravity, traffic accident.

Жизнь и здоровье – это неотъемлемые ценности каждого человека, на благосостояние которых влияют различные как позитивные, так и негативные факторы окружающей среды. Одним из распространённых, представляющих наибольшую опасность для общества как единого организма, состоящего из большого количества людей, является фактор, связанный с совершением дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП). На сегодняшний день наше государство, выступающее как гарант сохра-

нения жизни и укрепления здоровья граждан Российской Федерации, ведет активную борьбу с уровнем травматизма на дорогах, однако она зачастую осложняется недостаточно продуманной законодательной политикой.

Так, в декабре 2003 г. нормотворцами было принято решение о декриминализации неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью как последствия преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Принятое нововведение было

воспринято научным сообществом неоднозначно. Одни ученые, высказывая свою точку зрения, настаивали на том, что такая непродуманная и социально необоснованная декриминализация серьезно ущемляет права и интересы потерпевших, снижает эффективность уголовно-правовых средств борьбы с дорожно-транспортной аварийностью [2, с. 11]; более того, сам законодатель отступил от требований концепции уголовной политики о всемерной охране здоровья человека, что не согласуется с криминологическими реалиями [6, с. 26; 12, с. 61]. Другие же исследователи, являясь сторонниками проведенного процесса декриминализации, полагали, что в транспортных преступлениях деяние лица, повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 264, ч. 1 ст. 265, ч. 1 ст. 266, ч. 1 ст. 268 УК РФ), не представляло большой общественной опасности [18, с. 231].

Действительно, проведенное М.В. Федорченко научное исследование свидетельствовало о том, что «58% уголовных дел по ст. 264 УК РФ, где последствием ДТП явилось причинение вреда здоровью средней тяжести, прекращалось в суде в соответствии со ст. 25 УПК РФ в связи с примирением. В остальных же случаях в качестве наказания назначалось ... условное лишение свободы» [17, с. 69].

Итак, несмотря на то, что с момента принятия законодателем обсуждаемого «нововведения» прошло достаточное время, исследуемый вопрос по-прежнему остается особо актуальным. В настоящее время значительное большинство современных ученых-правоведов предлагают реанимировать положение уголовного закона, устанавливающего ответственность по ст. 264 УК РФ за причинение средней тяжести вреда здоровью [4, 7, 11, 15]. В целом поддерживая высказанное предложение, отметим, что оно нуждается в дополнительной и основательной аргументации.

Первым аргументом в пользу высказанной позиции является тот факт, что современный законодатель недооценивает общественную опасность нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших причинение средней тяжести вреда здоровью. Так, степень общественной опасности зависит в первую очередь от значительности причиняемого вреда – в результате нарушений указанных правил для потерпевшего лица наступают довольно серьезные последствия – это значительная стойкая утрата общей трудоспособности (менее чем на одну треть, стойкая утрата общей трудоспособности) от 10 до 30% включительно. В качестве наглядного примера приведем извлечение из постановления Савёловского районного суда г. Москвы по ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ: в

результате совершенного дорожно-транспортного происшествия потерпевшей причинены «следующие телесные повреждения: сочетанная травма: закрытая черепно-мозговая травма, гематома затылочной области, ссадины волосистой части головы, верхней губы (без указания их точного количества и анатомической локализации), сотрясение головного мозга, закрытые неосложненные переломы 11-го, 12-го ребер слева, закрытые переломы поперечных отростков 10-го, 11-го грудных позвонков справа, остистых отростков 8-го, 9-го грудных позвонков, закрытый перелом остистого, правого, поперечного отростков и краевой компрессионный перелом тела 5-го поясничного позвонка, закрытый перелом поперечного отростка 1-го поясничного позвонка справа, закрытый вывих костей левой голени с повреждением капсульно-связочного аппарата левого коленного сустава, кровоподтек правой подвздошной области, кровоподтек правого коленного сустава» [14].

Вряд ли такие наступившие негативные последствия можно назвать незначительными для потерпевшей, ведь фактически причиненный вред по своим свойствам близок к тяжкому, и в целом он будет оказывать дальнейшее серьезное воздействие на весь ее организм. Кроме того, вред здоровью средней тяжести сопряжен со значительной (до 30%) утратой общей трудоспособности, что чревато для потерпевшего потерей рабочего места, дохода и значительного ухудшения имущественного и социального статуса [3, с. 159].

В продолжение сказанного следует привести еще один наглядный пример. Так, в результате совершенного ДТП трём потерпевшим были причинены следующие телесные повреждения: потерпевшему (1) причинены телесные повреждения в виде закрытого многооскольчатого перелома дистального метаэпифиза правой локтевой кости со смещением костных отломков, ушибленных ран и ссадин правого и левого предплечья, правой голени, ушибленных ран правой кисти, ушибленной раны теменной области справа (в дальнейшем запланирована повторная операция из-за установления пластины в поврежденную руку); потерпевшему (2) причинены повреждения в виде тупой травмы грудной клетки: переломов левых 4-го, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го ребер, кровоподтеков в проекции грудины, правой ключицы – правой ключичной области, грудной клетки слева; гематомы, кровоподтеков и ссадин передней брюшной стенки в нижней трети, в правой подвздошной области и в проекции гребня правой подвздошной кости, повреждений мягких тканей передней поверхности левой голени, 2-го пальца правой кисти; у потерпевшего (3) – закрытый перелом шиловидного отростка правой лучевой кости, ссадины правой и левой

подвздошной области [13]¹. Полученные телесные повреждения квалифицируются как причинившие средней тяжести вред здоровью.

Сразу же возникает логичный вопрос – почему (при наличии таких серьезных повреждений одновременно у нескольких потерпевших) совершенное деяние по действующему законодательству нельзя признать преступлением, несмотря на то, что его общественная опасность фактически идентична той общественной опасности дорожно-транспортного преступления, при котором хотя бы один человек получил тяжкий вред здоровью. Необъяснимым остается также вопрос – почему большую общественную опасность представляет неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания *ст. 212.1 УК РФ* (выделено – авт.) по сравнению с причинением средней тяжести вреда здоровью человеку [16] либо нескольким лицам в результате нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Однозначно здесь нужно говорить о нарушении критериев общественной опасности [10, с. 203].

Вторым существенным аргументом является то, что совершенствование исследуемой нормы в рамках КоАП РФ не сможет изменить сложившуюся ситуацию, связанную с достаточно высоким уровнем совершаемых ДТП: предусмотренное в санкции статьи наказание не отвечает целям его назначения и не способствует предупреждению совершения новых дорожно-транспортных правонарушений. За последние пять лет данные официальной статистики в области обеспечения безопасности дорожного движения находятся в постоянной динамике, и если прослеживается положительная тенденция к уменьшению количества ДТП (или иных показателей), то она не закрепляется на долгое время. В настоящее время в средствах массовой информации активно обсуждается проект стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации до 2023 г., представленный на заседании Правительственной комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения 31 августа 2017 г., в котором говорится, что снижение аварийности на дорогах в последние годы было «нестабильным» – если в 2006-2008 гг. отмечалась положительная динамика, то в 2010-2012 гг. она сменилась на негативную. В будущем ситуация может развиваться по двум сценариям, по одному из которых ожидается резкое увеличение количества ДТП после 2018 г. «В итоге в 2022 г. в

¹ Приведенный пример является не единственным случаем в следственно-судебной практике (См., напр.: URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/128644.html?sstring=%D1%87.+2+%D1%81%D1%82.+12.24+%D0%9A%D0%BE%D0%90%D0%9F+%D0%A0%D0%A4>).

год на дорогах будет погибать примерно 30 тыс. человек (32-33 тыс. человек по "прогрессивному сценарию"), т.е. произойдет резкий откат ситуации до уровня 2007-2008 гг. Связано это с влиянием "внешней среды", негативно влияющей на безопасность движения, – говорится в стратегии. – Среди проблем и рисков упоминаются неконтролируемый рост автомобилизации населения, старение автопарка (половина машин в России старше десяти лет) и отсутствие действенного контроля за техническим состоянием машин, увеличивающийся разрыв между темпами автомобилизации и развитием улично-дорожной сети, повышение среднего возраста водителя. Кроме того, упоминаются такие проблемы, как "приоритет экономических результатов хозяйственной деятельности" над сохранением жизни участников движения, а также наличие "ряда экономических проблем", препятствующих принятию необходимых мер для снижения аварийности» [8].

При такой сложившейся нестабильной ситуации эффективным средством противодействия деянию, предусмотренному ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ, может выступить только появление соответствующего уголовно-правового запрета в отечественном законодательстве. Об этом свидетельствует проведенный социологический опрос граждан: значительное большинство (82%) респондентов, поддержав предложение о криминализации нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших причинение средней тяжести вреда здоровью, отметили, что существующее наказание слишком мягкое, порождает недоверие к государству, вызывает у членов общества осознание несправедливости и создает впечатление безнаказанности правонарушителей.

При рассмотрении третьего аргумента следует сделать акцент на предупредительной функции уголовного закона: общее предупреждение выражается в том, что граждане государства, осознавая наличие уголовно-правовых запретов, исходящих от государства, воздерживаются в своей жизненной практике от нарушения этих запретов; частное предупреждение распространяется же на конкретных лиц, в отношении которых общее предупреждение не сработало, и они допустили нарушение закона, т.е. совершили преступление [5, с. 63]. В дополнение следует отметить, что уголовное в отличие от административного наказания влечёт за собой судимость, имеющую определенные правовые и общеправовые последствия для осужденного лица.

Весомым аргументом в рассматриваемом вопросе является также опыт зарубежных законодателей постсоветского пространства, признавших нарушения правил дорожного движения (безопас-

ности) и (или) эксплуатации транспортных средств, повлекшие по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью, преступным и уголовно наказуемым деянием. Так, менее тяжкий вред отражен в ч. 1 ст. 263 УК Азербайджанской Республики, в ч. 1 ст. 317 УК Республики Беларусь и ч. 1 ст. 276 УК Грузии; причинение средней тяжести вреда здоровью закреплено в ч. 1 ст. 242 УК Республики Армения, ч. 1 ст. 264 УК Республики Молдова, в ч. 1 ст. 212 УК Республики Таджикистан, в ч. 2 ст. 326 УК Туркменистана и в ч. 1 ст. 345 УК Республики Казахстан.

Здесь более подробно необходимо остановиться на позиции законодателя Республики Казахстан, это связано с тем, что с 1 января 2015 г. на территории данного государства вступил в действие новый Уголовный кодекс, который, по мнению начальника Управления по надзору в сфере нормотворческой деятельности Генеральной прокуратуры Республики Казахстан А. Мухаметжанова, учитывает особенности современного состояния общества и мировые правовые тенденции [9]. Прогрессивный и адаптированный к общепринятой мировой практике новый Уголовный кодекс Казахстана предусматривает в специальной норме ответственность за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью (ч. 1

ст. 345 УК). В предшествующем Уголовном кодексе от 16 июня 1997 г. (в редакции от 10.06.2014) данного неблагоприятного последствия не существовало, однако его преемник посчитал, что действия водителя, виновного в нарушении правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшем причинение вреда здоровью человека, не опасного для его жизни, вызвавшее длительное расстройство здоровья (на срок более двадцати одного дня) или значительную стойкую утрату общей трудоспособности (менее чем на одну треть), является уголовно наказуемым деянием.

Итак, вышеуказанные аргументы свидетельствуют о том, что назрела острая необходимость криминализации причинения средней тяжести вреда здоровью как последствия преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Необходимо подчеркнуть, что установление уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшие причинение средней тяжести вреда здоровью, соответствует требованиям принципов криминализации деяния (общественной опасности, степени его влияния на общественные процессы и общественное сознание; распространенности; степени тяжести преступных последствий, характеризующейся размером причиненного вреда [1, с. 12]) и перевода его в разряд уголовно наказуемых деликтов.

Литература

1. Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.
2. Баранчикова М.В. Реализация принципов законности и справедливости при привлечении к уголовной ответственности за дорожно-транспортные преступления. Орел, 2011.
3. Бытко С.Ю. Безопасность дорожного движения: эффективность уголовно-правовой охраны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 6.
4. Дворецкий М.Ю. Оптимизация уголовной ответственности за преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 6 (62). С. 356.
5. Денисов С.А. Предупредительная функция уголовного закона // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60).
6. Кузнецова Н.Ф. Мнение ученых о реформе УК (или QUI PRODEST?) // Уголовное право. 2004. № 1.
7. Михалукова В.Е. Оценка общественной опасности преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением, с учетом признака причинения имущественного вреда // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 142.
8. Новая стратегия безопасности дорожного движения предполагает борьбу с ростом ДТП в России. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3398213> (дата обращения: 02.09.2017).
9. Новая уголовно-правовая система: гарантия прав и свобод человека и гражданина. URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/stati/novaya-ugolovno-pravovaya-sistema-garantiya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina> (дата обращения: 20.09.2017).
10. Орешкина Т.Ю. Система примечаний к статьям Особой части УК РФ нуждается в совершенствовании // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: сб. статей / отв. ред. В.С. Комиссарова. М., 2012.

11. Пахомова О.Н. Современные проблемы уголовно-правовой охраны жизни и здоровья в сфере безопасности дорожного движения // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 159.
12. Побегайло Э.Ф. О криминологической обоснованности изменений в Уголовный кодекс РФ // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: мат-лы научной конф-ции. СПб., 2005.
13. Постановление по делу об административном правонарушении. Дело № 5-2874/15. URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/125276.html?sstring=%D1%87.+2+%D1%81%D1%82.+12.24+%D0%9A%D0%BE%D0%90%D0%9F+%D0%A0%D0%A4> (дата обращения: 10.10.2017).
14. Постановление по делу об административном правонарушении. Дело № 5-1370/2016. URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/145668.html> (дата обращения: 29.09.2017).
15. Прохоров Л.А. Актуальные вопросы противодействия преступным нарушениям правил дорожного движения в России // Российский следователь. 2012. № 23. С. 33-35.
16. Радошнова Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.
17. Федорченко М.В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
18. Якубенко Н.В. Дорожно-транспортные происшествия в антропо-технической системе «дорожное движение». Тюмень, 2001.

УДК 343.85

С.В. Мартыненко

адъюнкт Сибирского юридического института МВД России

E-mail: krk.point@yandex.ru

ПРИЧИНЫ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В МИРОВОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА

В статье рассмотрены основные причины, а также тенденции развития молодежного экстремизма в мировой сети Интернет. Предложены меры по профилактике экстремизма среди молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодежный экстремизм, профилактика молодежного экстремизма.

S.V. Martynenko

postgraduate student of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: krk.point@yandex.ru

CAUSES OF YOUTH EXTREMISM IN THE WORLDWIDE NETWORK INTERNET AND ITS PREVENTION

The main reasons as well as the tendencies of development of youth extremism in the worldwide network Internet are considered in this article. Measures to prevent extremism among young people are proposed.

Key words: youth, youth extremism, prevention of youth extremism.

Молодежный экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что связано в первую очередь с многообразием его проявлений, стремительной изменчивостью восприятия веры и религии среди подросткового поколения, а также зачастую с незнанием истории своего общества и государства.

Приоритетным направлением обеспечения национальной безопасности любой страны вне зависимости от её международного статуса, политического устройства, географического расположения, размеров территории, численности населения, экономического состояния становится широкомасштабное противодействие экстремистской и террористической деятельности.

Особую опасность представляет собой такая разновидность преступности, как радикальный экстремизм, в борьбе с которым государством формируется особая политика, ранее неоднократно упомина-

нутая Президентом Российской Федерации в своих публичных докладах.

При этом криминологическое понятие идеологии экстремизма и терроризма может быть представлено как относительно-массовое и социальное явление, состоящее из совокупности теорий, идей и представлений, проявляющихся в общественно опасных деяниях, находящихся как в пределах, так и за границами правового регулирования, посредством информационного воздействия на социальную сферу и обоснования применения насилия, направленных на формирование состояния общественного страха и нарушение общественной безопасности, а также незащищенности государством населения от угроз экстремистского и террористического характера [6, с. 209].

Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали основным средством коммуникации и культивирования для экстремист-

ских и террористических организаций, которые используются ими как технологическое оружие для привлечения в свои ряды новых членов и адептов, а также распространения экстремистской идеологии посредством размещения ультрарадикальных публикаций, фото-, видео- и иных информационных материалов нейролингвистического программирования, обеспечивающих оккупацию подсознательной сферы. Так, согласно ст. 21 «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь, при этом повышенное внимание проявляют к отличающимся высокой степенью организованности неформальным объединениям националистов, организациям футбольных болельщиков, активно вовлекая их членов в свои ряды, провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности, в т.ч. в ходе проведения спортивных и культурных мероприятий [5, с. 3].

Использование компьютерных технологий и криптографических алгоритмов, в частности социальных сетей, террористическими и экстремистскими организациями выходит на новый уровень и приобретает системный характер. Социальные сети: «ВКонтакте», «Фейсбук», «Твиттер», «Одноклассники» и др., мессенджеры: «Telegram», «WhatsApp», «Viber», «Hangouts», «LINE», а также сервисы микроблогов, предоставляющие возможность свободно размещать неотфильтрованную информацию, становятся одним из наиболее эффективных средств влияния на массы людей при планировании и непосредственном осуществлении диверсионных актов с целью уничтожения имущества, порчи инфраструктуры и прочего, а также посеяния страха среди населения, влияния на принятие решений властями и международными организациями. Ярким примером является массовое использование социальных сетей и сервисов микроблогов во время так называемой «Арабской весны». Подтверждением служит динамика количества входов в социальную сеть «Twitter» в Египте в период с января по март 2011 г. (пик соответствует переизбранию Хосни Мубарака на должность Президента Египта). 25 января 2011 г. на улицах Каира вспыхнули протесты против режима Хосни Мубарака. В попытке ограничить протестные действия правительство уже через три часа закрыло службы Интернета и мобильной связи, но ничего не вышло: развитая экосистема переговоров через «Facebook», «Twitter» и чаты уже объединила тысячи каирцев, которые продолжали бунтовать. Правительство отступило и восстановило связь, чтобы сохранить экономику и системы жизнеобеспечения страны, но

к тому времени протесты уже переросли в массовые беспорядки, и через 14 дней Мубарак ушел в отставку.

Везде, где происходили события «Арабской весны», для привлечения союзников протестующие использовали новые интернет-приложения, установленные на современных гаджетах и мобильных телефонах. Для посетителей социальных сетей создавалось впечатление, что в протестные действия включились миллионы людей. Однако в действительности число реально протестующих и протестующих в сети отличалось многократно. Достигается это с помощью вирусов и специальных программ, созданных хакерами и работниками IT-компаний.

В настоящее время данный отработанный механизм использования социальных сетей экстремистскими организациями и лицами представляет реальную угрозу, в частности, Российской Федерации.

С появлением в обществе сети Интернет молодежь все больше свободного времени проводит, знакомясь в ней с различной информацией контента, в т.ч. содержащей материалы экстремистского характера. Подростки пытаются проявить себя через экстремистские действия леворадикального или праворадикального толка в информационно-телекоммуникационных сетях, находясь в виртуальном («дополненном») континууме социальной действительности, что определено:

1. Особым психологическим состоянием, свойственным молодежи (лабильность сознания, склонность к риску).
2. Транзитивным положением тинейджеров, промежуточностью социального статуса, неопределенностью социальных идентификаций.
3. Невысоким материальным положением, отсутствием перспектив его кардинального улучшения.
4. Особыми, нестабильными, противоречивыми условиями жизнедеятельности общества, при которых молодежь не в полной мере может реализовать себя.
5. Недоверием к власти, политическому строю либо идеологии.

В итоге указанные причины и противоречия способствуют формированию экстремальных типов сознания и поведения молодежи, как и ее социально-групповых характеристик, т.е. происходит нарушение границ экстремальности и перерастание ее в экстремизм [7, с. 97].

Необходимо отметить, что сеть Интернет является общедоступным источником практически любых сведений. Ее пользователи зачастую сами не понимают, что зомбированы информацией, на-

правленной на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности Российской Федерации либо возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию [3, с. 1]. К сожалению, в настоящее время пользователей сети Интернет, размещающих аналогичные материалы, немало. Их действия расцениваются как уголовно наказуемые, а лица, разместившие материалы, подлежат уголовному преследованию.

Чтобы в дальнейшем не допустить роста преступности, совершаемой молодежью в интернет-пространстве, и минимизировать ее последствия, субъектам противодействия экстремизму необходимо в комплексе проводить профилактическую работу.

Во-первых, важным социальным институтом, имеющим возможность всецело реализовать государственную политику по работе с молодежью, является школа, которая выступает в качестве важного инструмента в процессе государственного подросткового воспитания. Вслед за школой социализаторские функции выполняют технические и профессиональные учебные заведения, армия и вузы. Но значимость обучения и воспитания в школе гораздо важнее всех остальных стадий социализации ввиду того, что сознание личности в большей мере развивается в период школьного обучения и именно в этот период у общества имеется возможность положительным образом повлиять на формирование личности индивида. В современных условиях лишь с помощью программно-целевого подхода возможна результативная профилактика экстремизма [4, с. 28].

Во-вторых, в современном мире в условиях невозможности полного предотвращения распространения экстремизма силовыми средствами необходимо использовать меры информационно-пропагандистского, политического и социально-экономического характеров [1, с. 38].

В-третьих, через родительское воспитание прививать у молодежи чувство патриотизма к стране и уважительного отношения ко всем этносам и религиям, при этом наталкивать на выбор авторитетов среди деятелей культуры, науки, спорта, а также других направлений деятельности, где немаловажным фактором является соблюдение моральных норм и принципов современного общества.

В-четвертых, заполнить пустоты в свободном времени у молодежи, привлекая их на различные творческие и спортивные мероприятия, где каждый может реализовать свои духовные и физические потребности.

Не менее приоритетным направлением противодействия молодежному экстремизму выступает практика назначения и отбывания уголовного наказания (карательная практика) лицами, участвующими, склоняющими, организующими экстремистские сообщества и организации, а также совершенствование нормы о сроках давности привлечения их к уголовной ответственности и наказания. В связи с этим представляется обоснованным обратиться внимание на корректировку уголовного законодательства с целью усиления ответственности для лиц данной категории.

Отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации деления осужденных на группы в зависимости от мотивов, степени тяжести и рецидива преступлений, а также облегченный режим отбывания наказания, особенно в исправительных колониях общего и строгого режимов, позволяют активно продолжать преступную деятельность, в т.ч. как осуществлять руководство совершением преступлений за пределами исправительного учреждения, так и вовлекать в преступную деятельность значительную часть лиц, отбывающих наказание [2, с. 79].

Таким образом, лицо, отбывающее наказание за организацию экстремистского сообщества, может склонять к ее деятельности своих сокамерников. Также в местах лишения свободы возможна вербовка в экстремистские и террористические организации, запрещенные на территории России: «Исламское государство»¹, «Правый сектор»², «Ногайский джамаат»³ и др.

Несмотря на проведение постоянных профилактических мероприятий по выявлению и предупреждению преступлений экстремистской направленности, субъектам антиэкстремистской деятельности, органам государственной власти и местного самоуправления, а также сотрудникам оперативных подразделений МВД России на фоне прогрессирующих современных технологий необходимо уделять особое внимание материалам, распространяемым в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, в т.ч. сети Интернет.

¹ «Исламское государство» – другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама».

² Террористическое сообщество – структурное подразделение организации «Правый сектор» на территории Республики Крым.

³ Ногайский джамаат (или «Ногайский диверсионный батальон») – террористическое вахабитское структурное подразделение Кавказского фронта вайяла «Ногайская степь» (Ставропольский край) Кавказского эмирата.

Проведенный анализ действующего уголовного законодательства и практики его применения свидетельствует о том, что арсенал уголовно-правовых средств воздействия на преступность экстремистской направленности достаточно велик. Между тем политика предупреждения экстремистской преступности, основанная только на этих средствах, как показывает действительность последних лет, заметных успехов не принесла. Данное обстоятельство во многом обусловлено кризисом системы уголовной политики воздействия на преступность, его

несоответствием происходящим в ней динамичным процессам. В преступлениях экстремистской направленности эти процессы состоят в том, что многие важнейшие виды деятельности экстремизма, направленные на создание необходимых условий их эффективности функционирования, находятся вне сферы действия уголовного закона, т.е. не являются преступными. Причем чем выше степень организации указанной преступности, тем больше таких видов деятельности и тем меньшую роль в борьбе играет уголовный закон.

Литература

1. Лиханова И.В. Социально-политическая обусловленность проявлений экстремизма в молодежной среде современного российского общества // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 1. С. 35-38.
2. Медведев И.А., Мальков С.М. К вопросу об актуальных мерах уголовно-правового противодействия организованной преступности // Проблемы изучения и противодействия организованной преступности. 2015. С. 75-82.
3. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: принят Государственной Думой 27.07.2002 с изм. и доп., вступ. в силу с 23.11.2015. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Русанова К.О. Меры противодействия распространению идей экстремизма среди молодежи // Отечественная юриспруденция. 2017. № 2 (16). С. 27-31.
5. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753 в ред. 2014 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Тепляшин П.В. Криминологические аспекты идеологии молодежного терроризма в информационно-телекоммуникационных сетях // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы: сборник научных статей. 2017. № 1. С. 208-213.
7. Фомченкова Г.А. Экстремальность молодежи и молодежный экстремизм: граница безопасности // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2016. № 2. С. 95-100.

УДК 343.61

Т.А. Плаксина, доктор юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: plaksinata@yandex.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОБОИ В СВЕТЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ВВЕДЕНИЯ В ЗАКОН ПОНЯТИЯ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА

В статье анализируется предложенный Верховным Судом РФ законопроект, предусматривающий введение в УК РФ понятия уголовного проступка. На примере публично-правовой ответственности за побои показана несовместимость установления обязательности освобождения от уголовной ответственности за совершение уголовного проступка впервые и использования административной преюдиции как средства криминализации. Сделан вывод о том, что введение в российское законодательство понятия уголовного проступка не может осуществляться без внесения изменений в Особенную часть УК РФ.

Ключевые слова: побои, преступление, уголовный проступок, административная преюдиция.

Т.А. Plaksina, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: plaksinata@yandex.ru

RESPONSIBILITY FOR BATTERY IN CONNECTION WITH THE FORTHCOMING INTRODUCTION OF THE CONCEPT OF CRIMINAL OFFENSE

The article analyzes the proposed by the Supreme Court of the Russian Federation bill providing for the introduction of the concept of criminal offense in the Criminal Code of the Russian Federation. On the example of public legal responsibility for battery, the incompatibility of establishing the obligation of exemption from criminal liability for criminal offense for the first time and using of administrative prejudice as a means of criminalization was presented. The author concluded that the introduction into Russian law of the concept of criminal offense cannot be carried out without making changes in the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: battery, crime, criminal offense, administrative prejudice.

В ноябре 2017 г. Верховным Судом РФ в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации представлен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [7]. В соответствии с этим законопроектом посредством дополнения ч. 2 ст. 15 УК РФ соответствующим положением к уголовным проступкам предлагается отнести преступления небольшой тяжести, за ко-

торые не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. При этом с отнесением деяния к категории уголовного проступка связывается целый ряд уголовно-правовых последствий.

Одним из таких последствий выступает то, что совершение уголовного проступка впервые будет влечь императивное (обязательное) освобождение лица от уголовной ответственности: для лиц, совершивших уголовный проступок по достижении восемнадцатилетнего возраста, – с применением иных мер уголовно-правового характера, для несо-

вершеннолетних – с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Для этого предполагается внести изменения в ст. 76.2 УК РФ и ст. 90 УК РФ, которые на сегодняшний день закрепляют лишь возможность освобождения виновных лиц от уголовной ответственности, а также изменить главу 15.2 УК РФ и сформировать целый перечень иных мер уголовно-правового характера, одноименных с видами уголовного наказания, включив в него, кроме судебного штрафа, уже обладающего статусом иной меры уголовно-правового характера, также обязательные работы и исправительные работы. Минимальный и максимальный пределы обязательных работ и исправительных работ как видов иных мер уголовно-правового характера в законопроекте уменьшены в два раза по сравнению с соответствующими пределами одноименных видов уголовного наказания.

В качестве другого уголовно-правового последствия совершения уголовного проступка законопроект называет сокращенные сроки давности привлечения к уголовной ответственности и давности исполнения обвинительного приговора, равные одному году (в действующей редакции ч. 1 ст. 78 и ч. 1 ст. 83 УК РФ наименьшие сроки устанавливаются для преступлений небольшой тяжести и составляют два года).

Наконец, третье последствие представляет собой более мягкие условия для применения условно-досрочного освобождения, что выражается в необходимости фактического отбытия осужденным не менее одной четверти срока наказания, назначенного за уголовный проступок, тогда как в настоящее время наименьшая часть срока назначенного наказания, которую требуется отбыть для получения права на условно-досрочное освобождение, предусмотрена для преступлений небольшой и средней тяжести и составляет одну треть (п. «а» ч. 3 ст. 79 УК РФ).

В отечественной юридической литературе целесообразность введения в российское законодательство категории уголовного проступка обсуждается уже давно, и особенно активно в последнее десятилетие. Несмотря на то что эта проблема вызывает интерес у представителей различных отраслевых наук (уголовного права [3, 4, 5, 9, 10], административного права [1, 2, 11], уголовного процесса [6]), специалистами так и не достигнуто консенсуса ни по принципиальному вопросу о том, нужен ли уголовный проступок российскому праву, ни по иным связанным с этим вопросам – о понятии уголовного проступка и месте уголовных проступков в системе правонарушений, о критериях отнесения деяний к числу уголовных проступков, о юридических последствиях признания деяний уголовными проступ-

ками. Более того, анализ научных работ показывает, что разногласия в частности (например, по вопросу о том, какой именно круг деяний следует отнести к уголовным проступкам) приводят авторов к противоположным итоговым выводам относительно обоснованности выделения этой категории правонарушений в отечественном законодательстве.

Так, О.А. Михаль и Ю.А. Власов, понимающие под уголовными проступками исключительно мало-значительные деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ), полагают, что вводить в уголовное законодательство понятие уголовного проступка не требуется [5, с. 112-114]. Е.В. Рогова, напротив, считает, что имеется целый ряд социальных факторов, которые обуславливают необходимость выделения в законодательстве категории уголовного проступка [9, с. 70-76], однако, с ее точки зрения, круг уголовных проступков следует формировать за счет преступлений с наименьшей степенью общественной опасности и административных правонарушений, по степени общественной опасности тяготеющих к уголовно наказуемым деяниям [10, с. 27]; регулирование же ответственности за уголовные проступки будет оставаться в пределах отрасли уголовного права [10, с. 28].

Сторонником введения в уголовный закон понятия уголовного проступка является и Д.Ю. Корсун, предлагающий отнести к уголовным проступкам «некоторые преступления небольшой тяжести, малозначительные деяния и административные деликты, не соответствующие содержанию административного права» [4, с. 77]. Наконец, еще более радикальное решение содержится в работе Г.А. Есакова, отмечающего, что «существование права административных правонарушений является искусственно поддерживаемым пережитком советского времени» [3, с. 42]. Он, в частности, пишет: «Сформировавшееся в этот период представление о существовании наряду с уголовной ответственностью еще и ответственности административной – ошибочно: последняя является ничем иным, как разновидностью ответственности уголовной или, точнее, ответственности наказательной (карательной)» [3, с. 42]. Исходя из этого, Г.А. Есаковым предложено иное (широкое) понимание уголовного права – как отрасли, в рамках которой устанавливается публично-правовая ответственность за преступления и проступки, причем в категорию проступков должны перейти все административные правонарушения и значительная часть преступлений [3, с. 44].

Несмотря на отмеченное разнообразие научных подходов, Верховный Суд РФ, разрабатывая законопроект, которым в российское законодательство предлагается ввести понятие уголовного проступка, избрал шадящий вариант реформирования закона: уголовный проступок выделяется внутри категории

преступлений небольшой тяжести. При этом проект федерального закона не предполагает изменений в Особенной части УК РФ [7]. Следовательно, к числу уголовных проступков будут отнесены все преступления небольшой тяжести, за которые не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, в т.ч. те, составы которых сконструированы с применением административной преюдиции, и Верховный Суд РФ как инициатор законопроекта не видит препятствий для сосуществования в уголовном законе административной преюдиции, выполняющей роль криминообразующего признака, с одной стороны, и категории уголовного проступка, а точнее тех уголовно-правовых последствий, которые с ним связываются, – с другой.

Между тем обращение к анализу ожидающей правоприменителя и потенциальных потерпевших трансформации ответственности за один из самых распространенных публично-правовых деликтов – побои – показывает, что институт уголовного проступка (по крайней мере в том виде, в котором он представлен в законопроекте, – с обязательным освобождением от уголовной ответственности при совершении уголовного проступка впервые) и административная преюдиция как признак, используемый для конструирования составов уголовных проступков, не совместимы друг с другом.

Как известно, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ [8] была осуществлена декриминализация побоев; за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, установлена административная ответственность (ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях); уголовная ответственность за нанесение побоев сохранена лишь для случаев, когда оно осуществлено при особых обстоятельствах, среди которых в настоящее время фигурируют хулиганские побуждения, мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ст. 116 УК РФ), а также совершение деяния специальным субъектом – лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116.1 УК РФ).

При отсутствии хулиганских или экстремистских мотивов нанесение побоев или совершение иных насильственных действий лицом, ранее не подвергавшимся за такое же деяние административному наказанию, влечет административную ответственность. В санкции ст. 6.1.1 КоАП РФ предусмотрено три альтернативных административных наказания: 1) административный штраф в размере

от пяти до тридцати тысяч рублей; 2) административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток; 3) обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Повторное нанесение побоев или совершение иных насильственных действий в течение указанного периода образует преступление, предусмотренное ст. 116.1 УК РФ, санкция которой в настоящее время вполне согласована с санкцией ст. 6.1.1 КоАП РФ. С учетом положений Общей части УК РФ (ч. 2 ст. 46, ч. 2 ст. 49, ч. 2 ст. 50 УК РФ) за данное преступление фактически могут быть назначены следующие альтернативные наказания: 1) штраф в размере от пяти до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до трех месяцев; 2) обязательные работы на срок от шестидесяти до двухсот сорока часов; 3) исправительные работы на срок от двух до шести месяцев (включенный в санкцию арест не применяется). Таким образом, минимальный размер штрафа и минимальный срок обязательных работ за побои как уголовно наказуемое деяние равны минимальным пределам штрафа и обязательных работ за побои как административное правонарушение, а максимальные пределы перечисленных наказаний, установленных за преступление, предусмотренное ст. 116.1 УК РФ, превышают максимальные пределы одноименных административных наказаний, отраженные в санкции ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Однако с введением в закон понятия уголовного проступка и отнесением к числу уголовных проступков побоев межотраслевая согласованность правовых норм существенно нарушается. Как уже отмечалось, в указанном выше законопроекте предложено установить в случае совершения уголовного проступка впервые обязательное освобождение лица от уголовной ответственности. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 76.2 УК РФ в предлагаемой в проекте редакции данной статьи лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, впервые совершившее уголовный проступок, освобождается судом от уголовной ответственности с применением одной из мер уголовно-правового характера, указанных в главе 15.2 УК РФ, т.е. штрафа, обязательных работ или исправительных работ [7]. Сходное положение, устанавливающее обязательность освобождения от уголовной ответственности за уголовный проступок при совершении его впервые, предложено и

в проекте новой редакции ч. 1 ст. 90 УК РФ с той лишь разницей, что вместо уголовной ответственности к несовершеннолетним будут применяться не иные меры уголовно-правового характера, а принудительные меры воспитательного воздействия. При этом в примечании к ст. 76.2 УК РФ предлагается закрепить правило, согласно которому лицо признается впервые совершившим уголовный проступок, если оно не имеет неснятой или непогашенной судимости [7]. Отсюда следует, что любое лицо, которое было подвергнуто административному наказанию за побои, в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о его назначении вновь нанесло побои, не подпадающие под ст. 116 УК РФ, и при этом не имеет неснятой или непогашенной судимости, в обязательном порядке будет освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным в ч. 1 ст. 76.2 и ч. 1 ст. 90 УК РФ.

Иные меры уголовно-правового характера и принудительные меры воспитательного воздействия, которые должны будут применяться в данном случае вместо уголовной ответственности, вряд ли можно расценивать как более суровые по сравнению с мерами административного наказания, установленными в санкции ст. 6.1.1 КоАП РФ за нанесение побоев, не содержащее признаков состава преступления; более того, степень репрессивности некоторых одноименных с видами административного наказания иных мер уголовно-правового характера ощутимо ниже. Так, в ч. 1 ст. 104.5 ныне действующей редакции УК РФ закреплено положение о том, что размер судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера не может превышать половины максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. С учетом того, что в санкции ст. 116.1 УК РФ заложен штраф в размере до сорока тысяч рублей, судебный штраф, подлежащий применению при обязательном освобождении лица от уголовной ответственности за данное деяние в случае введения в уголовное законодательство понятия уголовного проступка и принятия предложенных Верховным Судом РФ изменений в УК РФ, не должен превышать двадцати тысяч рублей, тогда как максимальный предел административного штрафа, который можно назначить за впервые нанесенные побои по ст. 6.1.1 КоАП РФ, составляет тридцать тысяч рублей. В предлагаемой в законопроекте к введению в уголовный закон ст. 104.6 УК РФ срок обязательных работ как иной меры уголовно-правового характера определен в пределах от тридцати до двухсот сорока часов, а минимальный предел обязательных работ в санкции ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных право-

нарушениях равен шестидесяти часам. Любая из принудительных мер воспитательного воздействия, которыми правоприменитель обязан будет заменять уголовную ответственность за побои, предусмотренные ст. 116.1 УК РФ, в случае их совершения несовершеннолетним лицом, также не сравнима по степени жесткости с административными наказаниями из санкции ст. 6.1.1 КоАП РФ¹. Более того, в анализируемом проекте федерального закона предусмотрена возможность назначения несовершеннолетним, совершившим уголовный проступок и подлежащим освобождению от уголовной ответственности, лишь одной принудительной меры воспитательного воздействия, хотя в настоящее время при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 90 УК РФ, этим лицам может быть одновременно назначено несколько таких мер. Таким образом, складывается абсурдная ситуация, когда предусмотренные в УК РФ меры публично-правового реагирования на нанесение побоев лицом, которое уже подвергалось административному наказанию за аналогичное деяние, оказываются более мягкими, чем административное наказание, установленное законом за нанесение побоев впервые.

Моделирование дальнейшего поведения субъекта и его квалификации показывает, что ситуация не изменяется и тогда, когда лицо, подвергавшееся за первый эпизод нанесения побоев административному наказанию по ст. 6.1.1 КоАП РФ, а затем вновь совершившее аналогичное деяние (ст. 116.1 УК РФ), но в обязательном порядке освобожденное от уголовной ответственности, в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания наносит побои в третий, пятый или десятый раз. Виновный всё также будет подлежать обязательному освобождению от уголовной ответственности за побои, являющиеся уголовным проступком (ст. 116.1 УК РФ), в соответствии с предлагаемой новой редакцией ч. 1 ст. 76.2 УК РФ. Единственным препятствием для ее применения выступает наличие неснятой или непогашенной судимости, которая по предыдущим эпизодам нанесения побоев просто не может образоваться, т.к. лицо или привлекается к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, или освобождается от уголовной ответственности за

¹ В настоящее время к принудительным мерам воспитательного воздействия законодатель относит предупреждение; передачу под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Данный перечень предполагается сохранить и в случае внесения предлагаемых законопроектом изменений в УК РФ.

совершение уголовного проступка, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ. В результате, несмотря на то, что за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, лицом, подвергнутым административному наказанию, установлена уголовная ответственность, это лицо даже при многократном совершении таких деяний фактически не может быть к ней привлечено, за исключением случаев, когда оно имеет неснятую или непогашенную судимость за какое-либо иное преступление или когда назначенные ему при освобождении от уголовной ответственности иные меры уголовно-правового характера отменялись в связи со злостным уклонением от их отбывания (обязательные работы, исправительные работы) или их неисполнением (неуплата судебного штрафа).

В то же время причинение физических или психических страданий потерпевшему путем систематического нанесения ему побоев или совершения иных насильственных действий, если он по отдельным эпизодам побоев не обращался в правоохранительные органы с целью привлечения виновного к публично-правовой ответственности, образует со-

став истязания (разумеется, при наличии и иных его признаков), а корреспондирующая этому составу санкция даже в ч. 1 ст. 117 УК РФ предусматривает наказание до трех лет лишения свободы. Следовательно, и здесь очевидна несогласованность правовых норм, вследствие чего многократное повторение эпизодов тождественных деяний, каждый из которых представляет собой нанесение побоев, влечет более жесткие последствия (уголовную ответственность по ст. 117 УК РФ), если по эпизодам нанесения побоев, предшествующим последнему, со стороны государства не принимались меры публично-правового реагирования.

Всё изложенное относительно ответственности за побои позволяет прийти к более общему выводу о том, что институт уголовного проступка в том виде, в котором он предложен в законопроекте, внесенном Верховным Судом РФ в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, не совместим с использованием административной преюдиции как криминообразующего признака; следовательно, введение в российское законодательство понятия уголовного проступка не может осуществляться без внесения изменений в Особенную часть УК РФ.

Литература

1. Агеев А.А. О необходимости введения понятия «уголовный проступок» // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 126-129.
2. Зырянов С.М. Административное правонарушение – уголовный проступок – преступление. Перспективы и критерии трехуровневой деликтолизации в России // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 4. С. 15-19.
3. Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1 (6). С. 37-45.
4. Корсун Д.Ю. Понятие уголовного проступка как новой категории уголовного права России // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 72-78.
5. Михаль О.А., Власов Ю.А. Об уголовном проступке в российском уголовном праве // Современное право. 2014. № 3. С. 110-115.
6. Муравьев К.В. Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1 (30). С. 61-67.
7. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrp.ru/documents/own/24308>.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Рогова Е.В. Социальная обусловленность категории уголовного проступка в современном уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2015. № 3 (70). С. 70-76.
10. Рогова Е.В. Уголовный проступок и межотраслевая дифференциация ответственности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3 (59). С. 23-29.
11. Старостин С.А. Уголовный проступок: взгляд административиста // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 4. С. 33-39.

УДК 343.52

О.Н. Штаб, канд. пед. наук, доцент

Барнаулский юридический институт МВД России

E-mail: shtabon@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКУМЕНТА КАК ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 325 УК РФ

В статье рассматриваются проблемы определения такого предмета преступления, предусмотренного ст. 325 УК РФ, как официальный документ, а также его соотношение с паспортом и другим важным личным документом. Анализируется судебная практика по данным категориям уголовных дел.

Ключевые слова: официальный документ, паспорт или другой важный личный документ, уголовная ответственность, проблемы квалификации.

O.N. Shtab, PhD. (Candidate of Pedagogical Sciences),
assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shtabon@mail.ru

PROBLEMS OF DEFINITION OF AN OFFICIAL DOCUMENT AS THE SUBJECT OF THE CRIME PROVIDED BY ARTICLE 325 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the problem of determining of the subject of the crime – an official document – under article 325 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as its relationship with the passport and other important personal document. Judicial practice is analyzed in these categories of criminal cases.

Key words: official document, passport or other important personal document, criminal responsibility, qualification problems.

Понятие «официальный документ» принадлежит к числу тех уголовно-правовых понятий, которые не определяются в уголовном законе, хотя активно используются при конструировании различных составов преступлений. Так, данное понятие встречается в преступлениях против порядка управления (ст. 325, 327 УК РФ), против государственной власти (ст. 292 УК РФ).

Несмотря на столь широкое распространение понятия «официальный документ» в уголовном законе, его содержание до настоящего времени четко не определено.

Такое положение было бы объяснимо, если бы среди ученых и практических работников существовало предельно ясное, недвусмысленное пред-

ставление о том, что следует считать официальным документом.

Однако изучение юридической литературы и судебной практики показывает, что это не так. Исследователи наделяют понятие официального документа различным содержанием, выделяя разнообразные признаки такого документа.

Анализ норм действующего уголовного закона также свидетельствует о том, что законодатель не выработал единый подход к определению понятия, признаков и видов официального документа. Так, в ч. 1 ст. 325 УК РФ используется понятие «официальный документ», а в ч. 2 данной статьи отдельно выделен паспорт и другой важный личный документ, что вызывает вопрос о соотношении указанных понятий.

Следует отметить, что отсутствие четкости в понятии официального документа влечет проблемы в правоприменительной деятельности.

Перечисленные обстоятельства порождают потребность в достижении терминологической определенности, в выяснении содержания понятия «официальный документ» и его соотношения со смежными понятиями.

Для разрешения вопроса о соотношении указанных понятий необходимо рассмотреть их по отдельности.

Паспорт – документ установленной формы, удостоверяющий личность, гражданство лица в России и в ряде зарубежных государств (например, паспорт гражданина РФ, служебный паспорт, общегражданский заграничный паспорт). В соответствии с «Положением о паспорте гражданина Российской Федерации» от 8 июля 1997 г. паспорт гражданина РФ является основным документом, удостоверяющим личность гражданина России на ее территории [8]. Паспорт обязаны иметь все граждане РФ, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории России. Бланк паспорта гражданина РФ изготавливается по единому образцу с указанием всех реквизитов на русском языке.

По нашему мнению, паспорт есть официальный документ, поскольку он является удостоверением личности, а удостоверение, согласно ст. 327 УК РФ, относится к числу официальных документов.

Однако на практике нередки случаи, когда паспорт не признается официальным документом.

Так, органами дознания О.Г. Екатериничева обвинялась в уничтожении официальных документов, совершенном из корыстной или иной личной заинтересованности при следующих обстоятельствах. Екатериничева Ольга Геннадьевна, находясь в квартире, в ходе совместного распития спиртного на почве возникших личных неприязненных отношений совершила противоправные действия в отношении ранее знакомого Г., который впоследствии скончался на месте происшествия. В результате этого, желая скрыть факт совершенного преступления, у О.Г. Екатериничевой возник преступный умысел, направленный на уничтожение официальных документов, принадлежащих Г. Реализуя задуманное, предвидя наступление общественно опасных последствий в виде уничтожения паспорта гражданина Российской Федерации на имя Г., желая их наступления, О.Г. Екатериничева, продолжая оставаться в квартире, достала из одежды Г. паспорт гражданина РФ вместе с медицинской картой на его имя, которые уничтожила путем сжигания, тем самым доведя свой преступный умысел до конца.

Приговором мирового судьи О.Г. Екатериничева по предъявленному ей обвинению оправдана в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 325 УК РФ.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просит приговор мирового судьи отменить, дело направить на новое рассмотрение в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Диспозицией ч. 1 ст. 325 УК РФ предусмотрена ответственность за похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие официальных документов, штампов или печатей, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности. Принимая решение о реабилитации, суд сослался на то, что амбулаторная карта и паспорт Г. относятся к важным личным документам и не будут относиться к официальным документам, как того требует диспозиция ч. 1 ст. 325 УК РФ. Однако правомерность отнесения паспорта гражданина к официальным документам подтверждена позицией Верховного Суда РФ (кассационное определение по делу ФИО8).

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционного представления государственного обвинителя на приговор мирового судьи, суд апелляционной инстанции приходит к следующему решению.

В приговоре отражено существо предъявленного обвинения, перечислены и оценены все имеющиеся доказательства, которым дан подробный анализ.

Выводы мирового судьи об отсутствии в действиях О.Г. Екатериничевой состава преступления, вопреки доводам апелляционного представления, соответствуют установленным в судебном заседании обстоятельствам по делу и основаны на всесторонне, полно и объективно проверенных судом доказательствах, представленных стороной обвинения и защиты.

Как установлено в судебном заседании и отражено в приговоре, фактические обстоятельства дела, изложенные в обвинении, имели место в части уничтожения О.Г. Екатериничевой паспорта и амбулаторной карты гр-на Г.

Вместе с тем исследовав представленные доказательства и оценив их в совокупности, мировой судья обоснованно пришел к выводу об отсутствии в действиях О.Г. Екатериничевой состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 325 УК РФ.

Как верно указано в приговоре, по смыслу закона документы, удостоверяющие личность владельца, а также подтверждающие субъективные права данного лица или иные существенные для него сведения, являются важными личными документами. Частью 1 ст. 325 УК РФ предусмотрена ответствен-

ность за похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие официальных документов, штампов или печатей, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности. Понятия официальных документов и важных личных документов не тождественны.

Мировой судья правомерно посчитал неверным отнесение паспорта гражданина РФ и медицинской карты к официальным документам, в связи с чем доводы апелляционного представления о необоснованности непризнания мировым судьей паспорта гражданина РФ официальным документом не могут быть признаны состоятельными.

Таким образом, оснований для отмены приговора по доводам, изложенным в апелляционном представлении, суд апелляционной инстанции не находит [3].

Еще один пример из судебной практики. 5 июля 2013 г. И. в порядке ст. 125 УПК РФ обратился в суд с жалобой на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении К. по ч. 1 ст. 325 УК РФ, вынесенное 12.06.2013 участковым уполномоченным ОП ЦР УМВД РФ по г. Новороссийску Т., в которой указал, что 29.08.2012 в ходе конфликта с К. последний уничтожил принадлежащий заявителю паспорт гражданина РФ, поломал карту Сбербанка РФ и порвал рубашку. Однако в очередной раз сотрудником полиции выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении К. по ч. 1 ст. 325 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления.

Постановлением Октябрьского районного суда г. Новороссийска жалоба оставлена без удовлетворения по тем основаниям, что в действиях К. отсутствует состав преступления, поскольку паспорт гражданина РФ не является предметом преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 325 УК РФ.

В апелляционной жалобе И. просит обжалуемое постановление суда отменить как незаконное и необоснованное, вернуть материал в суд на новое рассмотрение.

В возражениях на апелляционную жалобу помощник прокурора г. Новороссийска Д. просит постановление суда оставить без изменения, апелляционную жалобу заявителя без удовлетворения, поскольку судом в полном объеме оценены все доказательства по делу и сделан обоснованный вывод о том, что паспорт гражданина РФ не может являться предметом преступления, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 325 УК РФ.

Кроме того, судом обоснованно указано на то, что паспорт гражданина РФ не может являться предметом преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 325 УК РФ, поскольку диспозиция указанной

статьи устанавливает ответственность только за похищение у гражданина паспорта. Какие-либо иные действия с личными документами, в т.ч. их уничтожение, уголовно наказуемыми деяниями не являются.

В других случаях суд однозначно признает паспорт официальным документом. Приведем несколько примеров из судебной практики.

Так, П., находясь у себя дома вместе с сожительницей, после ссоры с последней схватил рукой за сумку своей сожительницы, из которой на пол выпал паспорт на ее имя. Увидев на полу паспорт гражданина РФ, из иной личной заинтересованности, а именно мести, у П. возник преступный умысел на умышленное уничтожение паспорта своей сожительницы. Реализуя свой преступный умысел, направленный на уничтожение паспорта, зная, что он является официальным документом, осознавая общественно опасный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения порядка ведения официальной документации и желая их наступления, взял с пола паспорт гражданина РФ и разорвал его на мелкие части. После чего сложил части указанного паспорта в стеклянную банку и поджог их, ликвидировав документ полностью, тем самым совершив уничтожение официального документа [4].

Т.А. Потехина на почве личных неприязненных отношений, увидев на столе паспорт гражданина РФ на имя своего сожителя, имея преступный умысел на уничтожение паспорта своего сожителя – гражданина РФ, взяла его и разорвала. Действия Т.А. Потехиной судом квалифицированы по ч. 1 ст. 325 УК РФ как уничтожение официальных документов, совершенное из иной личной заинтересованности [2].

По приговору мирового судьи В.А. Саприн совершил повреждение официального документа из иной личной заинтересованности при следующих обстоятельствах.

В.А. Саприн находился в состоянии алкогольного опьянения в зале квартиры своей матери, где между ними произошла словесная ссора, во время которой Саприн обнаружил на шкафу паспорт гражданина Российской Федерации и, действуя из иной личной заинтересованности, умышленно с целью повреждения официального документа взял со шкафа-серванта паспорт своей матери – гражданина РФ – и вырвал из него 2-й лист, на котором размещены 3-я и 4-я страницы, содержащие сведения о личности владельца паспорта. Действия В.А. Саприна были квалифицированы по ч. 1 ст. 325 УК РФ [5].

Вышепредставленные примеры из судебной практики свидетельствуют об отсутствии единого подхода к понятию «официальный документ».

Важный личный документ – это оценочное понятие, поскольку оно устанавливается судом в каждом конкретном случае. В научной литературе к числу таких документов относятся документы, удостоверяющие личность в отношении отдельных категорий граждан (удостоверение личности военнослужащего, свидетельство о рождении, военный билет, временные удостоверения личности гражданина РФ, выдаваемые при утрате паспорта, дипломы об окончании вуза, о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий, служебные удостоверения, трудовые книжки, орденские книжки, водительское удостоверение, доверенность на право управления автомашиной, технический паспорт на автомашину, страховой медицинский полис, медицинская санитарная книжка) [1].

Так, Е.Ю. Алексеев находился в жилой комнате дома, где на шкафу он увидел важные личные документы на имя С. В этот момент у Е.Ю. Алексеева возник преступный умысел, направленный на тайное хищение важных личных документов на имя С. Реализуя свой преступный умысел, направленный на хищение важных личных документов, принадлежащих С., Е.Ю. Алексеев подошел к шкафу, рукой взял стопку важных личных документов на имя С., лежащих на шкафу, а именно свидетельство о рождении на имя С., вид на жительство на имя С., свидетельство об обучении на имя С. по специальности слесарь машиноборочных работ, трудовую книжку на имя С., а также СНИЛС на имя С., которые положил в карман своей одежды, и из помещения вышеуказанного домовладения вышел, распорядившись похищенными важными личными документами по своему усмотрению. То есть своими умышленными преступными действиями Е.Ю. Алексеев совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 325 УК РФ, – похищение у гражданина другого важного личного документа [6].

Также можно привести пример из судебной практики, где суд признает важные личные документы официальными и квалифицирует деяния, связанные с их уничтожением, по ч. 1 ст. 325 УК РФ.

Так, Н.П. Антипин, находясь в доме по улице Н., осознавая общественно опасный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения порядка ведения официальной документации и желая их наступления, взял принадлежащее К. свидетельство о рождении и принадлежащую ей трудовую книжку и выбросил в горящую печь, находящуюся в кухне дома по ул. Н., уничтожив документы полностью, тем самым совершив уничтожение официальных документов [7].

Следует отметить, что признание документа важным личным не исключает возможности его признания и официальным документом.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что в правоприменительной практике отсутствует единообразный подход к определению понятия «официальный документ» и его отграничению от иных документов.

Возникает вопрос, зачем законодатель выделил паспорт и другие важные личные документы в квалифицированный состав. По нашему мнению, подобное законодательное решение можно объяснить повышенной общественной опасностью деяния, совершаемого по поводу этого вида официальных документов.

Таким образом, проблема квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 325 УК РФ, связана с несовершенством используемых законодательных формулировок. Для разрешения поставленной проблемы необходимо в законе уточнить, что все перечисленные в ст. 325 УК РФ документы являются официальными. В частности, предлагаем в ч. 1 ст. 325 УК РФ использовать понятие «официальные документы, не связанные с личностью», а в ч. 2 – «официальные личные документы».

Литература

1. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005.
2. Приговор судебного участка № 1 Первомайского района Алтайского края. Уголовное дело № 1-70/2013. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-1-pervomajskogo-rajona-altajskogo-kraja-s/act-211654617>.
3. Приговор Тальменского районного суда Алтайского края. Уголовное дело № 10-4/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-talmenskij-rajonnyj-sud-altajskij-kraj-s/act-456195892>.
4. Приговор судебного участка № 7 г. Рубцовска Алтайского края. Уголовное дело № 1-99/13. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-7-g-rubcovska-s/act-212381506>.
5. Приговор судебного участка № 44 Яранского судебного района Кировской области. Уголовное дело № 1-63/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-44-tuzhinskogo-rajona-s/act-239538384>.

6. Приговор мирового судьи судебного участка Немецкого национального района Алтайского края. Уголовное дело № 1-21/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-nemeckogo-rajona-altajskogo-kraja-s/act-238244107>.

7. Приговор судьи судебного участка Егорьевского района Алтайского края. Уголовное дело № 1-24/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-egorevskogo-rajona-altajskogo-kraja-s/act-215571889>.

8. Российская газета. 1997. 16 июля. № 135.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.98

Ю.Л. Бойко, канд. юрид. наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Алтайский филиал

E-mail: yuriy.boyko.1957@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ В СТРУКТУРЕ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ И ГРУПП ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются вопросы выделения особенностей в методике расследования отдельных видов и групп преступлений, знание которых позволит более точно выдвигать общие и частные версии, более качественно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, и собирать криминалистически значимую информацию по конкретному расследуемому уголовному делу.

Ключевые слова: межвидовая методика, особенности расследования преступлений, частные методические рекомендации, элементы криминалистической характеристики преступлений, общие и частные версии, криминалистически значимая информация.

Yu.L. Boiko, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Altai branch
E-mail: yuriy.boyko.1957@mail.ru

ABOUT THE NECESSITY OF HIGHLIGHTING FEATURES IN THE INVESTIGATING METHODOLOGY OF CERTAIN TYPES AND GROUPS OF CRIMES

The article deals with the issues of highlighting features in the investigating methodology of certain types and groups of crimes, the knowledge of which will allow to put forward more accurately general and private versions, to establish more qualitatively the circumstances to be proved, and to collect criminally significant information on a particular criminal case under investigation.

Key words: cross-species methodology, characteristics of crime investigation, private guidelines, elements of criminalistic characteristics of the crimes, general and private versions, forensically relevant information.

Успешность деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступными проявлениями складывается в зависимости от эффективного применения дознавателем, следователем разработанных наукой криминалистикой методов по выявлению, раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений, которая реализует их через одну из своих составных частей – методику расследования отдельных видов и групп преступлений.

Именно она способна выработать достаточно полные и наиболее эффективные рекомендации по комплексному решению вопросов расследования отдельных категорий преступлений с учетом характерных для них специфических особенностей, несмотря даже на ухищрения и уловки, к которым прибегают преступники, на сложность сложившихся исходных следственных ситуаций и иных трудных ситуаций, складывающихся в процессе расследования уголовного дела.

Чем уже группа или вид преступлений, исследуемые в роли объекта для создания или совершенствования криминалистической методики их расследования, тем точнее и ценнее предстают разработанные рекомендации. Именно эти особенности отмечает В.В. Тищенко: «Не отрицая важности и нужности разработки таких методик расследования, узких по содержанию, необходимо отметить значение таких методик расследования, относящихся к более высокому уровню абстракции, общения, основу которых должны составлять определенные категории криминалистически сходных видов и групп» [7, с. 37].

Нам представляется, что отражение существенных черт и свойств, входящих в его объект, является основополагающим правилом логического формирования обобщенного понятия, поскольку «понятия окажутся подлинно научными лишь тогда, когда они образуются из существенных признаков, каждый из которых необходим для раскрытия специфики изучаемого явления, а вместе достаточны для определения его сущности» [6, с. 64].

На необходимость изучения особенностей отдельных видов и групп преступлений, осуществления деятельности по подготовке, непосредственному их совершению и сокрытию следов от этой преступной деятельности в своем фундаментальном и уникальном труде «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» указывал Г. Гросс, предлагая выделить отдельную часть в криминалистике, которую можно было бы назвать «теоретическое учение о проявлениях преступлений» [5, с. 757] и которая бы описывала специфические черты и признаки отдельных видов и групп преступлений.

В криминалистике традиционно сложилось мнение, что продолжаемая детализация вновь появляющихся частных методик может складываться на основе особенностей того или иного состава преступления: например, по механизму совершения преступлений, по способу его совершения, по субъекту совершения преступления, т.е. по наиболее значимым элементам криминалистической характеристики преступлений.

Совершаемые преступления представляют собой разновидность человеческой деятельности (хотя и негативной, деструктивной), имеющей свои особенности, обусловленные объективными и субъективными факторами, без выявления и исследования которых нельзя определить закономерности механизма слеодообразования и разработать конструктивные рекомендации по установлению всех обстоятельств преступления и лиц, его совершивших. Именно поэтому криминалистическая наука призвана исследовать различные аспекты преступной деятельности, ее информационного отражения в окружающей действительности, а также специфику следственной деятельности, что позволяет ей обеспечивать практику действенными методами, приемами и средствами расследования и раскрытия преступлений.

Осуществляемые в различное время исследования показывают, что упущения и ошибки в расследовании преступлений, допускаемые систематически дознавателями и следователями, являются следствием недостаточной разработанности особенностей в методике расследования без учета их специфических особенностей. Теоретические рекомендации последней не сориентированы в должной мере на складывающиеся до возбуждения уголовного дела доследственные ситуации, т.е. вначале предварительной проверки материалов о преступлении, а затем и возникающие по всему ходу расследования следственные ситуации. «В силу этого, – как верно подметил В.К. Гавло, – многие рекомендации по методике расследования слишком общие и не ориентируют следователя на точный алгоритм действий применительно к сложившейся ситуации» [4, с. 5].

Для формирования частных методических рекомендаций, необходимых для расследования отдельных видов и групп преступлений, в криминалистике используются два основных направления комплексирования этих методик. Они являются основой для выдвижения общих и частных версий на первоначальном этапе расследования. Во-первых, это создание новейших методик, которые обусловлены изменениями в уголовном законодательстве и появлением новых составов преступлений; совершенствованием действующих методик, свя-

занных с появлением новых способов совершения преступлений, с заменой субъекта преступных посягательств, выявлением новых обстоятельств, способствующих совершению данного вида преступлений и т.п. Во-вторых, это создание и формирование методик более высокого уровня обобщения, охватывающих несколько родов и даже видов преступных посягательств, но совершаемых не вообще, а в особых специфических условиях, месте и времени либо лицами с отличительным признаком, характеризующим общими для них чертами – так называемые межвидовые частные методики расследования [1, с. 751].

Если первое направление учитывает еще не до конца выявленные особенности расследования, поскольку их исследование проводилось при изучении незначительного количества совершаемых преступлений, когда еще трудно определить стратегию, методику и тактику расследования с учетом выявленных особенностей, то второе направление строится на основе изучения значительного количества совершаемых преступлений изучаемого вида с учетом уже выявленных специфических особенностей определенной категории преступлений. Кроме того, надо полагать, что межвидовая методика расследования преступлений имеет особую специфичность, набор отличающихся от простой методики особенностей в методике расследования. Это прежде всего обусловлено спецификой объекта (например, причинение вреда личности и его имуществу), на который посягает преступник, и наступившими последствиями от совершенного преступления.

Нам представляется, что разработка межвидовых методик расследования преступлений на сегодняшний момент является основной задачей завершающего раздела криминалистики – методики расследования отдельных видов и групп преступлений.

В основе их конструирования «находятся общие и существенные признаки совершения и расследования, присущие нескольким видам преступлений. В числе таких признаков могут быть особенности предмета преступного посягательства, личность обвиняемых, потерпевших, способов и механизмов преступлений. С учетом предмета, способов и механизма преступного посягательства разрабатывается, например, методика расследования корыстно-насиловственных преступлений» [3, с. 20-21].

Кроме того, необходимость разработки частных межвидовых методик вызвана тем, что не всегда возможно дать правильную оценку рассматриваемому событию в момент возбуждения уголовного дела, а следовательно, логически правильно подобрать соответствующую конкретному виду методику расследования. Следует отметить, что крими-

налистическая оценка исходной следственной ситуации начального этапа расследования позволяет довольно точно отнести расследуемый конкретный случай к определенному типу, роду, категории преступлений, дает возможность определить субъекта преступления, достаточно правильно избрать необходимое направление расследования и поставить общие и частные тактические задачи в целях эффективного расследования преступления.

От традиционных частных методик такие комплексы отличаются своей особенной структурой и содержанием. Как правило, они состоят из оснований, необходимых для формирования изучаемого комплекса, характеристик его признаков, выявления и развертывания только тех особенностей методики расследования, которые обусловлены этой характеристикой и в которых она наиболее проявляется. Главное здесь заключается в раскрытии со всех сторон содержимого самого процесса расследования, который может послужить наиболее рациональному формированию необходимых рекомендаций, их наилучшему анализу, изучению и применению в следственной практике. И речь не идет, да и не должна идти об автоматических ответах на такие вопросы, уже само знание такой связи предполагает возможность создания наиболее эффективной частной методики расследования с учетом ее специфических особенностей методики расследования на всех этапах расследования преступления.

Исходя из изложенного, нам представляется возможность дать понятие межвидовой частной методики расследования преступлений как «системы общих и частных теоретических положений, методических рекомендаций о целесообразных комплексах судебно-следственных, оперативно-розыскных и иных организационных действиях, определяемых особенностями расследования, их сочетании, особенностях применения технико-криминалистических средств и тактических приемов, разработанных в соответствии с требованиями закона в складывающихся судебно-следственных ситуациях расследования преступлений, совершаемых в сходных условиях и объединяемых мотивом, характером преступных последствий, специальным субъектом или объектом преступного посягательства» [2, с. 21].

Выделение специфических особенностей в методике расследования позволяет достаточно эффективно осуществлять процесс расследования, исходя из знания специфических следственных ситуаций, определить более верно алгоритм действий следователя и оперативного сотрудника, грамотно выбрать тот или иной тактический прием или тактическую комбинацию, психологически правильно

спланировать оперативно-тактическую операцию, осуществить более тесное взаимодействие сотрудников различных подразделений, задействованных в раскрытии и расследовании преступлений.

Выявление особенностей, связанных с элементами криминалистической характеристики, с моментом возбуждения уголовного дела (по заявлению без предварительной проверки и с предварительной проверкой сообщения, при реализации оперативно-разыскных материалов), со сложившимися следственными ситуациями первоначального и последующего этапа, показывает достигнутый уровень имеющихся научных исследований в области разработок методик расследования, но это не означает, что ее проблемы полностью решены. И в этой связи нам представляется достаточно обширным поле для выявления таких специфических особенностей.

Вместе с тем хотелось бы предостеречь исследователей от излишнего, чрезмерного поиска особенностей, неоправданного их выделения, зачастую не связанных с процессом расследования, а обусловленного лишь собственным личностным мнением автора (например, определения личности преступника по цвету волос и увязывания этого факта со способом совершения преступления и т.д.).

Эффективное решение задач борьбы с преступностью во многом зависит от правильного применения следователем научных методов по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений с

учетом специфических особенностей совершения каждого вида или группы преступлений, разрабатываемых наукой криминалистикой, которая будет реализовываться через ее составную часть – методику расследования отдельных видов преступлений. Только частная криминалистическая методика способна разрабатывать наиболее эффективные комплексы, содержащие рекомендации по расследованию отдельных видов и групп преступлений, с учетом их специфических особенностей, характерных для конкретного вида или группы преступлений. Выявление подобных особенностей по различным видам преступных посягательств является основой предмета криминалистической методики.

Но не следует понимать конкретную частную криминалистическую методику расследования как механическое объединение набора следственных действий и технических средств, необходимых для успешного расследования того или иного вида преступления. При создании частных методик расследования все зависит от базы формирования оснований, которые могут быть различны по своему содержанию, от выявленных специфических особенностей расследования как отдельной группы, так и отдельного вида преступлений. Содержание конкретных частных методик и есть то особенное, ради разработки которого существует криминалистическая методика расследования отдельных преступлений.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие. 3-е изд., доп. М.: Юридическая литература, 2001.
2. Бойко Ю.Л., Гавло В.К. Особенности методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: монография. Барнаул: АлтГУ; БЮИ МВД России, 2009.
3. Бойко Ю.Л. Особенности методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007.
4. Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.
5. Гросс Г. Руководство для следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002.
6. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Юридическая литература, 1972.
7. Тищенко В.В. Корыстно-насильственные преступления: криминалистический анализ. Одесса: Юридична література, 2002.

УДК 343.98.06

Е.В. Буряков, канд. юрид. наук, профессор

Омская академия МВД России

E-mail: bur.e2010@yandex.ru

МЕТОДИКА ОСМОТРА МЕСТА БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГРАЖДАН

В статье рассматриваются вопросы розыска без вести пропавших лиц, связанные с методикой проведения осмотра места происшествия по заявлениям и сообщениям о безвестном исчезновении граждан, особенности использования оперативно-разыскных мероприятий и достижений криминалистики по сбору и фиксации информации о пропавшем лице, следах и предметах, которые в дальнейшем могут способствовать решению ряда задач: обнаружению и идентификации лица, возбуждению уголовного дела и лиц, причастных к исчезновению.

Ключевые слова: без вести пропавшие лица, методика, оперативно-разыскные мероприятия, осмотр, розыск.

E.V. Buryakov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: bur.e2010@yandex.ru

METHODS OF VIEW OF PLACE OF CITIZENS' UNKNOWN DISAPPEARANCE

The article deals with the search for missing persons related to the method of view of place of occurrence of citizens' unknown disappearance on applications and reports, the peculiarities of using operational search measures and the achievements of criminalistics in collecting and recording information about the missing person, traces and objects, which in the future can contribute to the solution of a number of tasks: the detection and identification of a person, the initiation of a criminal case and persons involved in extinction.

Key words: missing persons, methods, operational-search activities, inspection, search.

Сложившаяся практика показывает, что в состав следственно-оперативной группы, выезжающей на место происшествия в связи с безвестным исчезновением лица, помимо следователя (Следственного комитета или МВД России [4]), входят оперативные сотрудники, участковый уполномоченный полиции, кроме того, необходимо привлекать инспектора-кинолога с розыскной собакой, эксперта-криминалиста, судебно-медицинского эксперта, а учитывая последние изменения в законодательстве и практике работы правоохранительных органов, прогнозируется привлечение экспертов в области молекулярно-генетической экспертизы, но, как показал опрос сотрудников розыскных подразделений, это

происходит далеко не всегда, и в 18% случаев следственно-оперативную группу подменяют оперуполномоченный уголовного розыска или участковый уполномоченный полиции, что приводит к некачественному сбору информации об исчезнувшем лице и утрате вещественных доказательств в случае совершения преступления.

Полный состав следственно-оперативной группы, на наш взгляд, безусловно, может качественно и квалифицированно решать задачи по розыску без вести пропавшего лица на первоначальном этапе проверки заявления, а именно обнаружить, зафиксировать, изъять материальные следы преступления; собрать в ходе осмотра места происшествия

максимально возможное количество предметов, могущих впоследствии оказать помощь в розыске пропавшего и правильно описать их в протоколе осмотра; зафиксировать обстановку на месте происшествия с использованием фото- и видеоаппаратуры, путем составления карт-схем [5, с. 39]. Однако, по мнению А.А. Бульбачевой, на результаты осмотра мест происшествий могут влиять недостаточное техническое оснащение субъектов их проведения и низкий уровень технико-криминалистической подготовки [3, с. 4]. С точки зрения Р.Л. Ахмедшина, «в силу ограниченного объема внимания у любого человека, в т.ч., естественно, и у членов следственной группы, равномерное распределение поисковых усилий в условиях разнонасыщенной местности нецелесообразно» [1, с. 82], т.к. осмотр проводится не только в квартире или доме, но и других помещениях, где пропавший работал, отдыхал или в принадлежащих ему по праву собственности, а также на прилегающей местности, имеющей удаленный и труднодоступный характер. Кроме того, на подобный осмотр выезжает дежурный оперуполномоченный уголовного розыска, как правило, не владеющий в полном объеме спецификой розыскной работы. В связи с изложенным необходимо вести речь не столько об организационной стороне проводимого мероприятия, сколько о методике проведения осмотра места происшествия по заявлениям и сообщениям о безвестном исчезновении граждан, которая обладает рядом специфических особенностей.

При осмотре (обследовании) жилища исчезнувшего лица и прилегающей местности следует осуществлять сбор сведений и образцов, необходимых для организации его поиска и отождествления (в случае обнаружения неустановленного живого лица или трупа). Путем исследования личных вещей пропавшего и обстановки жилища целесообразно принять меры к обнаружению и изъятию его волос, следов пальцев рук, образцов почерка, фото-, видеозаписей, медицинских документов (медицинских карт, рентгенограмм), вещей и предметов со следами тканей и выделений без вести пропавшего лица для получения геномной информации и проведения исследования; фиксации предметов гардероба пропавшего лица, без которых он не может обойтись в повседневной жизни; личных документов (паспорт, военный билет, служебное удостоверение и т.д.), а также изучения дневников, записных книжек, писем, телеграмм, открыток, технических средств (определителя номера и записей автоответчика стационарного телефона, планшета, ноутбука, сотового телефона).

Необходимо отыскать предметы, которыми пользовался только исчезнувший, и попытаться об-

наружить на них следы папиллярных узоров, которые нужно сравнить с образцами отпечатков пальцев рук лиц, проживающих в этом помещении либо имеющих к нему доступ (соседи, родственники, знакомые). Такое исследование необходимо провести непосредственно на месте происшествия экспертом-криминалистом.

В процессе осмотра внимание должно быть уделено личным вещам и документам исчезнувшего лица. Например, волосы можно обнаружить на одежде и постели без вести пропавшего лица. Если в квартире имеется компьютерная техника, то следует изучить электронную почту, информацию из социальных сетей, особенно относительно его связей, и другие данные. Детальному исследованию должны быть подвергнуты различные записи пропавшего лица, а также предметы и документы, без которых он не может обойтись. Например, обнаружение в процессе осмотра куртки, пальто, шубы, в которых пропавший обычно ходит в холодное время года, или единственных костылей, принадлежащих инвалиду без ноги; обнаружение личных документов лица, якобы уехавшего в командировку (без паспорта невозможно приобрести билет на поезд и самолет, устроиться в гостиницу), может свидетельствовать о совершении убийства. Своевременное обнаружение полученных сведений в дальнейшем позволяет раскрыть замаскированное под безвестное исчезновение убийство.

Обнаружение следов должно проводиться путем тщательного осмотра всего помещения и предметов обстановки, в первую очередь, обращая внимание на следы распития спиртных напитков и следы борьбы (поломанная мебель, порванная одежда и т.д.). В подобных случаях от членов следственно-оперативной группы требуется применение выработанных криминалистикой приемов поиска слабовидимых и невидимых следов крови, частиц мышечной ткани, костных останков, следов выстрела, борьбы, признаков маскировки и уничтожения следов преступления и трупа исчезнувшего. Поиск подобных следов должен производиться по всему месту осмотра, но более тщательно там, где они, скорее всего, могли остаться после убийства либо расчленения трупа. Такими местами могут быть ванная, кухня, туалет, чердак, балкон, погреб, подпол, сарай, колодец, гараж, дача, обращая особое внимание на печное отопление, где могут остаться фрагменты тела, одежды и различных предметов. Необходимо также осмотреть места отдыха (кровать, диван, тахта), поскольку значительное число убийств совершается в ситуациях, когда потерпевший находится в беспомощном состоянии, например в алкогольном состоянии и во время сна. Процесс осмотра необходимо

сочетать с ведением опроса лиц, проживающих в осматриваемом жилище и по соседству. При исследовании места происшествия Н.А. Хакимов полагает, что «выявляются различия между относительно устойчивым состоянием объектов и относительно устойчивым состоянием изменившихся объектов, а также раскрываются те стадии, через которые они прошли в процессе изменения» [6, с. 125]. Например, в августе в огороде обнаружена свежевскопанная грядка, и владелец этого участка на вопрос «Что собираетесь садить?» отвечает: «Огурцы», в таком случае, безусловно, необходимо проверить это место на предмет обнаружения трупа.

В целях обнаружения орудий преступления осматриваются все находящиеся в жилых и нежилых помещениях колюще-режущие и рубящие предметы (ножи, топоры, пилы и т.п.), а также предметы, которые могут быть использованы для нанесения телесных повреждений (молотки, гантели, утюги и др.). На возможность использования их в качестве инструмента для убийства и расчленения трупа могут указывать коричневые пятна, которые похожи на кровь, застрявшие на них волосы, частицы кожи и др.

В целях наибольшей эффективности проводимого осмотра его необходимо сочетать с оперативно-разыскными мероприятиями, которые позволяют получить дополнительные данные относительно обстоятельств безвестного исчезновения и выявить криминальные признаки такого исчезновения. В частности, целесообразно проводить опросы лиц, которые непосредственно проживают в осматриваемом помещении, и их ближайших соседей, а кроме того, осуществлять обследование прилегающей к месту осмотра территории. В процессе проводимых оперативно-разыскных мероприятий следует выяснять обстоятельства, которые бы свидетельствовали о распитии спиртных напитков и конфликтах в жилище накануне пропажи человека, производстве в квартире ремонта, его продолжительности и давности, переносе с места на место туалетов, сараев и других надворных построек, обращать внимание на колодцы, ямы для компоста, свежевскопанную землю на приусадебных участках. В целях установления места захоронения трупа в земле желательно использовать кинолога со служебно-разыскной собакой, а также проводить выборочное раскапывание рыхлых участков земли. В некоторых случаях обнаружить труп позволяет поведение домашних животных, которые могут подолгу находиться на месте захоронения своих хозяев.

С привлечением дополнительных сил может проводиться подворно-поквартирный обход, направленный на выявление граждан, располагающих

сведениями об исчезнувшем лице, его родственных и близких связях, намерении куда-либо уехать, направлении его движения в день исчезновения, месте, где разыскиваемого видели в последний раз, а также о лицах, с которыми он общался незадолго до исчезновения. К поисковым мероприятиям на прилегающей местности могут привлекаться добровольцы (волонтерские организации) [2, с. 33-34].

Район места убийства и захоронения трупа можно установить посредством проведения биллинга сотовых телефонов, схема которого выглядит следующим образом. В начале отрабатываются последние звонки с сотового телефона исчезнувшего гражданина родственникам, знакомым и другим лицам. А затем сопоставляется время этих звонков и места нахождения разговаривавших абонентов, которые в черте города можно установить с точностью до нескольких метров.

В ходе обследования территории, прилегающей к месту осмотра, необходимо обращать внимание на вентиляционные шахты, подвалы, чердаки, колодцы, выгребные ямы, туалеты, приусадебные участки (огороды), мусорные контейнеры, канализационные люки, теплотрассы, а также пустыри, овраги, лесополосы, заброшенные постройки и другие места, которые могли быть использованы преступником для сокрытия трупа и иных вещественных доказательств; лесные массивы, болота, заросли кустарников, овраги по маршруту возможного направления движения без вести пропавшего.

По возвращении следственно-оперативной группы с места осмотра (обследования) все результаты, полученные в процессе гласной и негласной деятельности, анализируются, оцениваются, принимаются организационно-управленческие и оперативно-тактические решения, а также проводятся процессуальные действия и оперативно-разыскные мероприятия в целях обнаружения без вести пропавшего лица.

Таким образом, использование достижений и возможностей оперативно-разыскной деятельности и криминалистики в процессе осмотра места безвестного исчезновения граждан позволяет решить ряд вопросов, без которых обнаружить пропавшее лицо и установить его судьбу будет крайне затруднительно и даже невозможно. К ним относятся:

- сбор сведений автобиографического характера и образцов для последующего его отождествления;
- выявление признаков криминального исчезновения и определение круга подозреваемых лиц;
- обнаружение следов и орудий совершения преступления, без вести пропавшего лица или его трупа.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Тактика осмотра «аномальных» участков в ходе осмотра места происшествия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы тринадцатой международной научно-практ. конф-ции: в 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. Ч. 1.
2. Богданов А.В., Завьялов И.А., Ильинский И.И. О некоторых аспектах розыска несовершеннолетних, пропавших без вести, и профилактике правонарушений и преступлений в их среде // Актуальные вопросы организации розыскной работы: электронный сб. науч. ст. по мат-лам межведом. круглого стола (Московский областной филиал МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 18 ноября 2016 г.) / под ред. В.В. Абрамочкина. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017 [Электронный ресурс].
3. Бульбачева А.А. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Акад. упр. МВД России, 2017.
4. Об утверждении инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц: приказ МВД России, Генеральной прокуратуры России, Следственного комитета России от 16 января 2015 г. № 38/14/5.
5. Скосарев В.В., Королькова О.А., Соколов С.В., Магомеди М.А., Соколов Д.С. Организация розыска без вести пропавших лиц, исчезнувших при криминальных обстоятельствах: методическое пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
6. Хакимов Н.А. Проблемы исследования места происшествия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы тринадцатой международной научно-практической конференции: в 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. Ч. 1.

УДК 343.57

И.Я. Ильина

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: irina.ilina81@mail.ru

МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье предпринята попытка определить механизм преступления при розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции, критерии классификации механизма преступления.

Ключевые слова: розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, механизм преступления.

I. Ya. Ilyina

postgraduate student of Barnaul Law Institute of Ministry of Internal
Affairs of Russia

E-mail: irina.ilina81@mail.ru

CRIME MECHANISM UPON THE RETAIL SALE OF ALCOHOLIC PRODUCTS TO MINORS

The article attempts to determine the crime mechanism upon the retail sale of alcoholic products to minors.

Key words: the retail sale of alcoholic products to minors, crime mechanism.

Исторически одну из главных ролей в разработке эффективных средств и методов борьбы с преступностью играла криминалистика. За время своего существования криминалистика сделала очень многое для того, чтобы вооружить органы расследования и правосудия самыми современными и эффективными методами поиска истины. До семидесятых годов прошлого столетия изучение преступной деятельности ограничивалось сбором сведений о способах совершения преступления и определением типичных следов, остающихся при использовании того или иного способа.

Механизм преступления как элемент криминалистической характеристики ранее исследовался недостаточно полно. Не так давно ученые-криминалисты стали понимать его теоретическую и практическую ценность, заключающуюся в том, что он охватывает сложную взаимодействующую систему физических, психических и иных процессов и их результатов, которые и являются сущностью любого преступления.

Впервые предложил понятие механизма преступления А.Н. Васильев, который указал на необходимость изучения в качестве составной части предмета криминалистики всего механизма преступления, а не только способа его совершения [2, с. 122]. Впоследствии механизм преступления был предметом изучения многих ученых-криминалистов: Р.С. Белкина, В.К. Гавло, Н.Ф. Герасимова, В.А. Образцова, Н.П. Яблокова и др.

Так, К.И. Сотников понимает механизм преступления как систему продолжительных разнообразных действий, характеризующих в основном временную и динамичную связь отдельных этапов, обстоятельств и факторов, оставляющих следы в памяти свидетелей и в материальной обстановке [7, с. 15]. Данное определение не включает понятия круга действующих лиц.

Механизм преступления, по мнению Н.П. Яблокова, – это последовательность преступных действий при совершении преступления. Как он считает, механизм преступления не связан с другими

важными факторами, например поведением потерпевшего [10, с. 62].

По мнению В.Е. Корноухова, механизм преступления – это часть преступного поведения, связанного с подготовкой, совершением и сокрытием преступления, в котором происходит взаимодействие отражаемых и отражающих объектов, приводящих к передаче энергии вещества, информации и возникновению изменений, т.е. следов преступления [6, с. 39]. Представляется, что не каждое преступное поведение будет иметь стадии подготовки и (или) сокрытия, поскольку существуют преступления, совершенные по внезапно возникшему умыслу на совершение преступления, например при совершении кражи какой-либо вещи у преступника может внезапно возникнуть умысел на завладение чужим имуществом, если он увидит, что данная вещь лежит без присмотра хозяина. У преступления не будет стадии сокрытия, например, в случаях, когда преступник по разным причинам, в частности в силу своего незнания, не осознает тот факт, что совершает преступление, соответственно, он не будет пытаться его скрыть.

Содержание перечисленных определений механизма преступления не дает полной картины совершенного преступления ввиду отсутствия элементов, необходимых и достаточных для возможности ретроспективного восстановления события преступления и установления по делу истины.

Более полную характеристику механизму преступления дают следующие ученые. Так, Д.А. Турчин понимает под механизмом преступления динамическую систему, созданную действиями иных лиц, в процессе развития которой в зависимости от вида преступления наступают те или иные преобразования всех захваченных ею материальных компонентов и подсистем, в результате чего порождаются информационные процессы в виде следов преступления, используемые для ретроспективного познания преступления [8, с. 172].

С точки зрения П.Г. Великородного, механизм преступления – это обусловленное действиями виновного лица пространственно-временное взаимодействие материальных тел и физических лиц, в ходе которого возникают качественные изменения взаимодействующих объектов, отражающихся в материальных и идеальных следах, а также формируется причинная связь между способом действий и наступившими последствиями [3, с. 60].

В.К. Гавло считает, что криминалистический механизм преступления – это взаимодействующая система элементов криминалистической характеристики, отражающая процесс совершения, образова-

ния его следов, имеющих значение для установления по делу истины [5, с. 116].

Р.С. Белкин трактует механизм преступления как сложную динамическую систему, определяющую содержание преступной деятельности, и относит к ее элементам предмет посягательства, субъект преступления, отношение субъекта преступления к своим действиям, способ преступления, преступный результат, поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками события, обстоятельства, способствующие или препятствующие преступной деятельности [1, с. 57].

Многочисленные определения, данные учеными-криминалистами, показывают, насколько понятие «механизм преступления» сложное, ёмкое и многогранное в криминалистике, насыщенное множеством деталей, которые, в свою очередь, могут играть решающую роль. Каждое из этих определений освещает такое явление, как механизм преступления, с разных сторон, но зачастую авторы не рассматривают механизм преступления комплексно.

Представляется, что содержание определения механизма преступления должно включать в себя все элементы, необходимые и достаточные для возможности ретроспективного восстановления события преступления и установления по делу истины, поскольку установление по делу истины является главной задачей криминалистики как науки прежде всего практической. Таким образом, определения механизма преступления, данные такими учеными-криминалистами, как Р.С. Белкин, В.К. Гавло, являются наиболее полно и емко отражающими суть рассматриваемого явления.

Представляется, что для эффективного выявления и расследования любого преступления следует классифицировать механизмы преступления по следующим основаниям:

- I. В соответствии со структурой уголовного закона.
- II. По степени сложности.
- III. По количеству осуществленных действий субъектами преступления.
- IV. По формам вины.
- V. По времени совершения [4, с. 175].
- VI. По способу совершения преступления.

В соответствии со структурой уголовного закона розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции относится к механизму преступлений против личности, против семьи и несовершеннолетних [9].

По степени сложности механизмы преступлений можно разделить на простые и сложные. Простой механизм преступления имеют преступные действия, представляющие собой простейшие

операции, движения, совершенные в одиночку или группой лиц, имеющих элементарные преступные навыки или склонность к антиобщественным действиям, как правило, спонтанно, пользуясь сиюминутно возникшей благоприятной для совершения преступления ситуацией.

Для розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции наиболее характерен сложный механизм преступления, заключающийся в совершении преступных действий лицом или лицами с устойчиво сформировавшейся антиобщественной направленностью личности или без таковой, либо относящимися к своим, по сути, преступным действиям неосознанно и (или) безразлично, имеющими определенные устойчивые профессиональные преступные навыки или навыки, которые еще ранее не квалифицировались как преступные, имеющими жизненный опыт, преследующими корыстную цель – извлечение прибыли любым способом, даже путем нарушения элементарных моральных принципов – розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции – и закона. Наиболее характерен описанный критерий классификации для розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции лицами на нелегально существующих торговых точках, реализующих суррогат алкоголя, которым длительное время удается оставаться безнаказанными.

По количеству осуществленных действий субъектами преступления выделяют одноактный, совокупный, составной механизмы, механизм длящегося преступления, механизм продолжаемого преступления. Для розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции наиболее характерен механизм длящегося преступления, поскольку образуется преступными действиями, осуществляемыми в течение более или менее длительного периода времени. Формирование длящегося преступления начинается уже с первого преступного действия, либо раньше при подготовке к преступлению, либо при совершении первого акта преступного бездействия. Таким образом, розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции можно считать начатой с момента не совершения продавцом действий по проверке возраста несовершеннолетнего покупателя либо, например, при подыскании способов продавцом для сокрытия возможного факта розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, например наличие у продавца заранее подготовленного непрозрачного пакета с целью упаковывания в него алкогольной продукции в случае ее розничной продажи несовершеннолетним.

При этом преступление розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции за-

вершается вследствие действий самого виновного, направленного на окончание преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления, например вмешательство очевидцев розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции или правоохранительных органов.

По формам вины продажу несовершеннолетним алкоголя следует отнести к умышленным преступлениям, когда продавец, осуществляющий розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, осознает характер своих действий по продаже несовершеннолетним алкоголя, совершенных неоднократно, но желает совершить указанные действия или относится к наступлению преступного результата безразлично. Преступление розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции может быть совершено преимущественно с прямым либо косвенным умыслом.

По времени совершения розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции механизм указанного преступления можно отнести к механизму длительного по времени преступления, поскольку указанный механизм представляет собой последовательную цепь однородных преступных действий, т.е. совершение розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции неоднократно [9].

Явление любого преступления, изначально созданное путем последовательности преступных действий, можно условно назвать «полной» картиной преступления, где каждый отдельный ее элемент сам по себе и в совокупности с другими элементами и создает эту «полную» картину преступления. Задача лиц, выявляющих и расследующих данное преступление, заключается в том, чтобы как можно точнее и полнее восстановить картину преступления и понять характер взаимодействия отдельных элементов конкретного преступления с целью более качественного расследования совершенного преступления и, как следствие, наказания виновных впоследствии, т.е. выполнения главного принципа права в целом – восстановления справедливости.

Так, рассматривая механизм преступления при розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции, следует отметить, что способ совершения рассматриваемого преступления, как представляется, является: 1) самостоятельным центральным элементом криминалистической характеристики розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции; 2) одновременно входит в механизм преступления розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции.

С учетом не включенных в статью 151.1 УК РФ [9] элементов способ совершения преступления в

составе механизма преступления создает значительные трудности для выявления и раскрытия преступлений, таких как, например, розничная продажа алкогольной продукции несовершеннолетним вне пределов времени совершения преступления, указанных в уголовной статье, т.е. вне пределов, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию вне пределов законно функционирующих торговых точек алкогольной продукцией, и делает механизм преступления розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним достаточно многообразным.

В этой связи и механизм рассматриваемого преступления будет многообразным и изменяющимся, индивидуальным для каждого конкретного преступления розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, поскольку механизм преступления находится в зависимости от центрального элемента криминалистической характеристики рассматриваемого преступления – способа совершения преступления, особенно в совокупности с другими элементами криминалистической характеристики розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции.

Причина того, почему при определении механизма розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции следует отталкиваться в первую очередь от способа совершения рассматриваемого преступления во всем его многообразии, состоит также в том, что, как представляется, при розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции преступник, избирающий тот или иной способ совершения данного преступления, является более активной фигурой преступления в силу криминалистической характеристики своей личности, т.е. свойств личности, в связи с чем преступник более активно влияет на весь процесс развития рассматриваемого преступного деяния, т.е. механизм розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции.

Однако, несмотря на суждение о том, что механизм рассматриваемого преступления будет индивидуальным для каждого конкретного преступления, все же можно выделить общие черты и, соответственно, условно разделить механизм преступления розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции на следующие группы, отталкиваясь от классификации способов рассматриваемого преступления.

Результаты анализа юридической литературы и судебно-следственной практики способа совершения преступления розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции позволяют клас-

сифицировать механизм указанного преступления, например, по следующему основанию:

1) характер действий продавца:

1.1) по степени осведомленности продавца об ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции и внутреннему эмоционально-психическому отношению продавца к осуществлению розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции:

- продавец, знающий об ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, но добросовестно заблуждающийся относительно возраста покупателя, в связи с этим не требующий у несовершеннолетнего покупателя предъявления документа, удостоверяющего личность, и продающий ему алкогольную продукцию. Как представляется, механизм преступления при таких исходных данных будет характеризоваться двумя главными особенностями – добросовестное заблуждение продавца относительно возраста покупателя, как следствие, продавец не будет предпринимать попытки к сокрытию преступления, и то психическое отношение продавца к содеянному, а именно то, что продавец не будет считать содеянное преступлением. Указанная разновидность поведения продавца наименее распространена на практике и составляет около 3% случаев;

- продавец, знающий об ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, но относящийся к этому безразлично и в связи с этим не требующий у несовершеннолетнего покупателя предъявления документа, удостоверяющего личность, и продающий ему алкогольную продукцию. При описанных исходных данных механизм преступления будет характеризоваться безразличным отношением продавца к возрасту покупателя. Следствием такого отношения могут быть как активные действия по сокрытию преступления, так и пассивные. Продавец может осознавать преступность совершенного им деяния, но при этом относиться к этому безразлично, как следствие, более безразлично относиться к процессу оставления им следов преступления. Указанная разновидность поведения продавца наиболее распространена на практике и составляет более половины всех зафиксированных в правоприменительной практике случаев (63%);

- продавец, знающий об ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, явно понимающий или знающий о несовершеннолетнем возрасте покупателя, но не требующий у покупателя предъявления документа, удостоверяющего личность, и умышленно продающий ему алкогольную продукцию. Как представ-

ляется, при описанных сходных данных механизм преступления будет особенно изощренным, поскольку основной особенностью в данном случае является то, что продавец знает или догадывается о несовершеннолетнем возрасте покупателя, осознает противоправность своих действий и умышленно осуществляет несовершеннолетнему покупателю продажу алкогольной продукции. В таком случае продавец предпримет все возможные меры к сокрытию следов преступления. Указанная разновидность поведения продавца составляет примерно 30% от всех зафиксированных в правоприменительной практике случаев;

- продавец, не знающий об уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции и в связи с этим не требующий у несовершеннолетнего покупателя предъявления документа, удостоверяющего личность, и продающий ему алкогольную продукцию. При таком механизме преступления во взаимосвязи с таким способом преступления продавец вероятнее всего не будет предпринимать действия для сокрытия преступления, добросовестно заблуждаясь относительно характера совершенного им деяния. Указанная разновидность поведения продавца составляет 4% от всех зафиксированных в правоприменительной практике случаев;

1.2) в тесной взаимосвязи с предыдущей классификацией способа и механизма совершения рассматриваемого преступления, соответственно, можно выделить классификацию способа розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции:

- с маскировкой факта продажи алкогольной продукции;
- без маскировки факта продажи алкогольной продукции.

Указанные действия также будут характерны больше для продавца и в процентном соотношении составляют примерно равное количество зафиксированных случаев. Однако, как представляется, сюда могут быть также вовлечены и другие лица, участвующие вольно или невольно в механизме совершаемого преступного деяния, а именно: сам потерпевший, третьи лица, такие как охранники, администраторы торговой точки, иные лица, способствующие или препятствующие совершению преступного деяния;

1.3) все вышеперечисленные особенности способа и, как следствие, механизма рассматриваемого преступления можно отнести в большей степени к торговле алкогольной продукцией на легально зарегистрированной недистанционной торговой точке.

Наибольший интерес, сложность и опасность, как представляется, вызывает такой способ розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции и, как следствие, механизм рассматриваемого преступления, как торговля алкогольной продукцией на нелегально существующей торговой точке по причине максимальной латентности механизма преступления и, как следствие, сложности выявления, доказывания и расследования такой разновидности механизма розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции.

Представляется, что сложность выявления и расследования преступления для правоохранительных органов связана с более изощренным и скрытым способом и, соответственно, механизмом рассматриваемого преступления, которые избирает преступник.

Рассматриваемые способ и вытекающий из него механизм преступления являются наиболее разнообразными, индивидуальными, поскольку к данному механизму преступления можно применить все вышеописанные особенности способа и механизма розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции по другим классификациям способа и механизма преступления в различных комбинациях. Кроме того, ко всем перечисленным особенностям механизма преступления можно добавить особенности такого способа совершения преступления, как дистанционная розничная продажа алкогольной продукции, совершенная вне пределов законно функционирующих торговых точек, торгующих алкогольной продукцией, которая не подпадает под определение, установленное законом, т.е. так называемой фальсифицированной алкогольной продукции, что в совокупности делает совершение такого преступления, как розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, практически не выявляемым, т.е. латентным и максимально опасным деянием.

Таким образом, механизм розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции – это взаимодействующая система элементов криминалистической характеристики преступлений, рассматриваемых в совокупности, а также в процессе формирования каждого из них по отдельности как самостоятельного элемента криминалистической характеристики преступления с центральной ролью способа совершения преступления. В зависимости от особенностей и многообразия способов совершения преступления образуются многочисленные комбинации механизма каждого конкретного преступления розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, в связи с чем меха-

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

низм розничной продажи несовершеннолетним зовать как максимально многообразный и сложный
алкогольной продукции в целом можно охарактери- к выявлению и расследованию.

Литература

1. Белкин Р.С. Избранные труды. М., 2008.
2. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984.
3. Великородный П.Г. Идентификационное исследование способа совершения преступлений в целях поиска преступника / отв. ред. В.Я. Колдин. Астрахань: АГТУ, 2001. 141 с.
4. Веренич И.В., Кустов А.М., Прошин В.М. Криминалистическая наука и теория механизма преступления: монография / под науч. ред. А.М. Кустова. М.: Юрлитинформ, 2016. 669 с.
5. Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты / под ред. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006.
6. Корноухов В.Е. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2000.
7. Сотников К.И. Общие и частные криминалистические теории: лекция. СПб., 1997.
8. Турчин Д.А. Значение механизма преступления в процессе следообразования // Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью: межвуз. темат. сборник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. С. 172-174.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА-М, 2010.

УДК 343.985.5

А.Е. Огурцов, канд. юрид. наук

Академия управления МВД России;

Д.И. Личко

ГУ МВД России по Красноярскому краю

К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ СПЕЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы сотрудничества в сфере специального сопровождения оперативно-разыскной деятельности, а также существующие проблемы при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Ключевые слова: оперативная разведка, специальное сопровождение, объект наблюдения, международное сотрудничество, оперативно-разыскная деятельность.

A.E. Ogurtsov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia;

D.I. Lichko

Main Department of the Ministry of the Interior of Russia for

Krasnoyarskiy Krai

ABOUT THE COOPERATION IN THE SPHERE OF SPECIAL SUPPORT OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

The article deals with the issues of cooperation in the field of special support of investigative activities, as well as the existing problems in the conduct of operational investigations.

Key words: operational intelligence, special support, object of observation, international cooperation, operational-search activity.

В современном мире наблюдается тенденция к увеличению количества преступных деяний, которые выходят за рамки государственных границ, и преступлений международного характера, а также количества запросов об оказании правовой помощи (как исходящих, так и поступающих). Предупреждение, раскрытие и расследование преступлений такого характера сопровождаются весьма сложными способами, в связи с чем необходимо повысить эффективность согласованных действий большинства государств путем рационального сочетания внутригосударственных и международных усилий, в т.ч. на основе международных соглашений [3, с. 96].

Субъектом, осуществляющим международное сотрудничество по борьбе с преступностью, является Министерство внутренних дел Российской Федерации. Важнейшей задачей МВД России является развитие международного сотрудничества в сфере

борьбы с наиболее тяжкими преступлениями – это терроризм, организованная преступность, заказные убийства, хищения транспортных средств, предметов культурного наследия и антиквариата, фальшивомонетничество, нелегальная миграция и др. Для решения основных задач по борьбе с международной преступностью требуется эффективное информационное сопровождение таких процессов, как оперативно-разыскная деятельность, раскрытие и расследование преступлений.

Объективным основанием для проведения комплексных совместных и (или) согласованных межгосударственных оперативно-разыскных мероприятий по специальному сопровождению оперативно-разыскной деятельности должны быть взаимообусловленность криминальной ситуации в заинтересованных государствах, события, произошедшие на территории одного, но затрагивающие

интересы другого государства – участника СНГ, или необходимость взаимодействия при розыске лиц, находящихся в другом государстве. При этом воздействия на эти факты, обстоятельства и криминальную ситуацию на национальном уровне либо нецелесообразны, либо малоэффективны.

Оперативно-разыскные мероприятия – это юридически определенная категория, закрепленная в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями). Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», принятый на десятом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 10-12 от 6 декабря 1997 г.), также содержит понятие «оперативно-розыскное мероприятие». Здесь, ссылаясь на российское законодательство, мы имеем в виду, что основное содержание оперативно-розыскного законодательства государств – участников СНГ имеет высокий уровень унификации в части, касающейся определения оперативно-разыскных мероприятий.

В этой связи исключением не стало и «Соглашение о сотрудничестве в сфере специального сопровождения оперативно-розыскной деятельности», принятое 18.12.1998 на уровне министров внутренних дел государств – участников СНГ (далее – «Соглашение»). Депозитарием соглашения является Министерство внутренних дел Российской Федерации. Принятие данного нормативного правового акта направлено на развитие сотрудничества между оперативными службами в целях повышения эффективности борьбы с преступностью при строгом соблюдении принципов суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела [2].

Специальное сопровождение оперативно-розыскной деятельности осуществляется в целях предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений. Основанием для проведения таких мероприятий является письменный запрос об осуществлении специального сопровождения оперативно-розыскной деятельности.

В оказании содействия в рамках «Соглашения» отказывается полностью или частично, если запрашиваемая Сторона полагает, что выполнение запроса может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенным интересам ее государства, противоречит законодательству или международным обязательствам ее государства либо может поставить под угрозу собственную безопасность оперативной разведки (ст. 3).

В случае оформления запроса о проведении оперативно-разыскных мероприятий он оформляется шифротелеграммой и направляется на имя руко-

водителя органа внутренних дел соответствующего уровня.

Запрос должен иметь следующие реквизиты:

- наименование органа, которому направляется запрос, и наименование органа, от которого он исходит;

- основания осуществления запроса и краткое содержание материалов дела, по которому необходимо осуществить специальное сопровождение;

- фамилия, имя, отчество и год рождения лица, в отношении которого необходимо осуществлять специальное сопровождение, его гражданство, род деятельности, наличие судимости, адрес местожительства, занятие, приметы, краткая характеристика, используемый автотранспорт, известные связи;

- вопросы, подлежащие выяснению, характер специального сопровождения и желательную дату начала его проведения;

- другие сведения, необходимые для надлежащего исполнения запроса.

В случае прибытия объекта наблюдения из другого государства указываются время отправления транспортного средства (поезда, самолета, теплохода, автомашины), номер рейса, бортовой номер самолета, место, номер поезда, купе и места, порядковый номер вагона, название теплохода, номер рейса, класс, каюта, место; маршрутный и государственный номера, а также марка автобуса; государственный номер, марка и цвет автомашины.

В случае срочной необходимости при следовании объекта наблюдения на территорию государства другой Стороны ст. 5 «Соглашения» допускает установление непосредственных контактов руководителей подразделений оперативной разведки с целью подготовки к решению поставленной задачи до поступления запроса и при условии принятия должностными лицами решения о необходимости продолжения наблюдения. В таком случае запрос направляется незамедлительно.

Особенности взаимодействия уполномоченных органов государств в сфере оперативно-розыскной деятельности определяются ее конфиденциальным характером. Этот вид государственной деятельности осуществляется как гласными, так и негласными методами.

Результаты оперативно-розыскной деятельности относятся, например, в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями) к категории государственной тайны. Методы оперативно-розыскной деятельности регламентируются на ведомственном уровне в рамках нормативных правовых актов ограниченного доступа.

Конфиденциальный характер, негласные методы проведения оперативно-разыскных мероприятий обуславливают их проведение на национальном уровне силами и средствами компетентных органов запрашиваемого государства. Такие мероприятия проводятся по запросу компетентного органа иностранного государства, с которым имеется, как сказано выше, соответствующее соглашение.

Таким образом, основные виды взаимодействия компетентных органов государств – участников СНГ в сфере оперативно-разыскной деятельности – это обмен информацией, полученной в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий, и взаимное оказание международной правовой помощи по делам оперативного учета в виде проведения таких мероприятий по запросам.

Одной из проблем сотрудничества государств – участников СНГ в сфере оперативно-разыскной деятельности является отсутствие специальной международной регламентации взаимодействия в данной сфере. По меньшей мере регламентации порядка передачи и использования информации ограниченного доступа. Такой точки зрения придерживаются, например, в МВД Республики Таджикистан [2].

В целях создания правовой основы в сфере регулирования организации и проведения специального сопровождения оперативно-разыскной деятельности необходимо принять меры как по совершенствованию правового регулирования международного сотрудничества в целом, так и гармонизации национальных законов и нормативных актов в частности.

Литература

1. Ивашук В.К., Снеговой А.В. К вопросу о проведении комплексных совместных и (или) согласованных межведомственных профилактических оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций в рамках государств – участников СНГ // Актуальные проблемы международного сотрудничества органов внутренних дел в борьбе с преступностью: сборник статей 2-й международной научно-практ. конф-ции. М.: Академия управления МВД России, 2015. С. 11-19.
2. Огурцов А.Е. Исторический аспект организации оперативно-поисковой работы в Российской империи и СССР // Концептуал: сборник научных трудов кафедры философии и истории / сост. А.В. Матюхин. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2015. С. 191-194.
3. Сунцов А.Е., Трунцевский Ю.В. Теоретические проблемы имплементации норм международного уголовного права в России // Московский журнал международного уголовного права. 1997. № 2. С. 96.

УДК 343.37

Н.В. Поляков

Сибирский юридический институт МВД России

E-mail: polyakov.nikolay.1987@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ НЕЗАКОННОГО ТРАНЗИТИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу современных способов незаконного транзитирования денежных средств при осуществлении незаконной банковской деятельности.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, незаконное транзитирование денежных средств, фирмы-однодневки, расчетный счет.

N.V. Poliakov

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: polyakov.nikolay.1987@mail.ru

ABOUT SOME WAYS OF ILLEGAL MONEY TRANSITING WHEN EXERCISING ILLEGAL BANKING ACTIVITY

The article is devoted to the analysis of modern ways of illegal money transiting when exercising banking activities.

Key words: illegal banking activity, illegal transiting of cash flow, short-lived companies, current account.

Защита банковской системы является одной из основных задач, стоящих перед современным российским государством, которое стремится к достижению экономической стабильности в период мирового финансового кризиса. В настоящее время одной из уголовно-правовых норм, в которой объектом охраны выступает установленный законом порядок осуществления банковской деятельности в Российской Федерации, является ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» [7, с. 98].

Общественная опасность незаконной банковской деятельности заключается в посягательстве на основы экономической безопасности и финансовой устойчивости государства, а также на установленный законом порядок банковского обращения и полноценное функционирование рыночных институтов. В связи с этим для успешного противодей-

ствия данной преступной деятельности необходимо ее тщательное изучение.

Исходя из общей практики расследования уголовных дел, возбужденных по ст. 172 УК РФ органами предварительного следствия МВД России, самыми распространенными операциями в настоящее время при осуществлении незаконной банковской деятельности являются обналичивание денежных средств, т.е. инкассация и кассовое обслуживание физических и юридических лиц, а также транзитирование денежных средств, т.е. осуществление переводов денежных средств по поручению физических и юридических лиц. Такая деятельность, по сути, является осуществлением банковских операций, за которые «обнальщики» получают свой нелегальный доход в зависимости от сумм денежных средств, перечисленных на расчетные счета подконтрольных им организаций [8, с. 140].

Необходимо обратить внимание на то, что в связи с вносимыми изменениями в НК РФ лица, осуществляющие незаконную банковскую деятельность, существенно изменяют старые и придумывают современные способы незаконного транзитирования денежных средств, тем самым приспособившись под изменяющееся законодательство. Кроме того, лица, причастные к незаконной банковской деятельности, а также их клиенты действуют слаженно между собой, между ними, как правило, четко распределены функции. Все это делается с целью тщательной конспирации преступной деятельности, что усложняет процесс выявления, раскрытия и расследования данных преступлений.

Между тем при расследовании незаконной банковской деятельности одной из первоначальных тактических задач, стоящих перед следователем, является определение способа незаконного транзитирования денежных средств, что в первую очередь влияет на планирование тех или иных следственных действий, поиск и фиксацию следов преступления, назначение и производство судебных экспертиз. В связи с этим в настоящем исследовании мы попытаемся раскрыть типичные способы незаконного транзитирования денежных средств.

По мнению Р.С. Белкина, способ совершения преступления представляет собой собирательное понятие, элементами которого являются способы подготовки, совершения и сокрытия преступления [1, с. 215].

Как верно отмечено Г.В. Костылевой, под способом совершения незаконной банковской деятельности следует понимать совокупность действий, направленных на совершение банковских операций без осуществления государственной регистрации и получения лицензии на их проведение в целях получения незаконного дохода [3, с. 170].

Так как в процессе осуществления незаконных транзитных операций используются расчетные счета фирм-однодневок, деятельность которых носит в основном фиктивный характер, то подготовительные действия направлены на регистрацию данных подконтрольных организаций и открытие их счетов. При этом управление расчетными счетами фирм-однодневок осуществляется дистанционно с использованием системы «клиент-банк», что затрудняет процесс фактической идентификации лица, осуществляющего операции со стороны кредитных организаций, т.к. в большинстве случаев указанные организации оформляются на массовых регистраторов, не осведомленных о данной преступной деятельности, передающих логины и пароли от входа в систему «клиент-банк» лицам, причастным к незаконной банковской деятельности.

Как справедливо отмечает И.С. Соловьев, фирма-однодневка – это созданная формально в соответствии с законодательством о государственной регистрации юридических лиц организация, используемая в качестве средства для совершения и (или) сокрытия следов правонарушений и преступлений и обладающая признаками, затрудняющими идентификацию физических лиц, в действительности причастных к ее учреждению и руководству финансово-хозяйственной деятельностью [13, с. 50]. Часто в специальной литературе фирмы-однодневки упоминаются как «фиктивные организации», «подконтрольные фирмы», «лжефирмы», «лжепредприятия», «конторки», «прокладки», «подставные юридические лица», «мусор-фирмы» [6, с. 99].

Далее необходимо непосредственно рассмотреть, какими же способами осуществляется незаконное транзитирование денежных средств.

Согласно анализу судебной практики судов общей юрисдикции (г. Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Красноярска, Омска и др.) за период с 2012 по 2017 гг. [12] самым распространенным способом незаконного транзитирования денежных средств является совершение мнимой сделки, под которой согласно ст. 170 ГК РФ понимается сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия [2]. Целью этих сделок является уклонение от уплаты налогов со стороны клиента (заказчика) незаконного транзитирования денежных средств. Предметом такой мнимой сделки является обязанность фирмы-однодневки, подконтрольной лицу, причастному к незаконной банковской деятельности, выполнить определенные работы, осуществить поставку товарно-материальных ценностей или оказать услуги заказчику, которая фактически не исполняется. В данном случае денежные средства с расчетного счета организации клиента перечисляются на расчетный счет фирмы-однодневки, подконтрольной лицу, осуществляющему незаконную банковскую деятельность, откуда по заранее предоставленным клиентом реквизитам отправляются на расчетные счета конечных контрагентов по различным основаниям, таким, например, как «оплата за товар», «за выполненные работы», «оплата транспортных услуг» и т.д. При этом между фирмой-однодневкой и контрагентом также заключается договор, согласно которому контрагент должен выполнить определенные работы или поставить товарно-материальные ценности, которые, фактически минуя фирму-однодневку, предоставляются в адрес клиента незаконного транзитирования денежных средств и принимаются его представителями по заранее выданным доверенностям.

Для придания правомерного вида данной сделке, лицами, осуществляющими незаконную банковскую деятельность, подготавливается весь перечень первичной бухгалтерской документации, которая передается клиенту для отчета перед фискальными органами. Таким образом, осуществляется сокрытие преступления.

Так, например, в июне 2017 г. Советским районным судом г. Казани по п. «а» ч. 2 ст. 172 УК РФ осуждены граждане Г., К., Н., Х. и Ш. В ходе судебного разбирательства установлено, что в период с 01.01.2013 по 22.03.2016 указанные лица, действуя в составе организованной группы, не имея специального разрешения (лицензии), в нарушение Инструкции ЦБ РФ от 2 апреля 2010 г. № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» [5], систематически совершали незаконные банковские операции, предусмотренные п. 3 и 4 ч. 1 ст. 5 ФЗ РФ № 395-1 от 02.12.1990 «О банках и банковской деятельности» [4], по осуществлению расчетов по поручению клиентов – различных юридических лиц, заинтересованных в их преступной деятельности и перечислявших денежные средства на подконтрольные преступной группе организации. В процессе осуществления незаконной банковской деятельности организованная группа, используя подконтрольные фирмы, осуществила оборот 4 531 398 138 127 рублей. Сумма дохода, полученного организованной группой от осуществления незаконной банковской деятельности (банковских операций) в виде 0,15% от суммы денежных средств, поступивших путем зачисления денежных средств на расчетные счета подконтрольных организаций, составила 6 536 110 рублей, которыми участники организованной группы распорядились по своему усмотрению [11].

Однако анализ двадцати обвинительных приговоров судов общей юрисдикции за 2012-2017 гг. [12] по рассматриваемой категории уголовных дел свидетельствует о том, что не всегда между фирмой-однодневкой и контрагентом (поставщиком) заключается договор, возможны случаи, когда денежные средства перечисляются с расчетного счета фирмы-однодневки на расчетный счет конечного контрагента на основании распорядительного письма, в котором указывается, что оплату следует считать осуществленной от имени организации заказчика (клиента). После поступления денежных средств на расчетный счет контрагента (поставщика) тот осуществляет отгрузку товарно-материальных ценностей в адрес фирмы клиента, заказавшего незаконное транзитирование денежных средств.

Так, например, по уголовному делу, возбужденному СЧ ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю в 2015 г. по подп. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК РФ, было установлено, что гражданин Б. в период с 2011 по 2015 гг. осуществлял незаконную банковскую деятельность путем оказания услуг по незаконному транзитированию денежных средств, перечисляемых клиентами на расчетные счета подконтрольных ему фирм-однодневок без оформления соответствующих отношений с конечными контрагентами. В адрес указанных клиентом контрагентов им направлялись распорядительные письма, в которых было указано, что платеж был осуществлен от имени другого юридического лица или индивидуально-предпринимателя, которые, в свою очередь, являлись его клиентами. За указанные услуги Б. получал преступный доход в размере от 1 до 2% от сумм, поступивших на расчетные счета подконтрольных ему фирм.

Также следует отметить, что на основе анализа судебно-следственной практики за последние пять лет [12] можно сделать вывод, что в настоящее время в связи с повышением процентных ставок рядом кредитных организаций и сокращением наличного оборота в стране у лиц, занимающихся незаконной банковской деятельностью, распространенным способом незаконного транзитирования и одновременно обналичивания денежных средств является его совершение с участием индивидуальных предпринимателей, которые не имеют открытых счетов в кредитных организациях. Согласно данной преступной схеме индивидуальные предприниматели передают лицам, осуществляющим незаконную банковскую деятельность, наличные денежные средства, полученные ими от реализации товарно-материальных ценностей, тем самым предоставляя вышеуказанным лицам оборотные средства (наличные), необходимые для передачи крупным клиентам незаконного обналичивания денежных средств. Так как на сегодняшний день очень сложно в короткий срок получить наличные денежные средства даже в банках, то лица, занимающиеся незаконной банковской деятельностью, предоставляют данным индивидуальным предпринимателям определенные скидки по незаконному транзитированию денежных средств, которое осуществляют за счет безналичных денежных средств, имеющих на расчетных счетах подконтрольных им фирм-однодневок. Такая криминальная схема зачастую применяется в крупных городах, где большое количество индивидуальных предпринимателей работают на крупных продовольственных и вещевых рынках и базах, т.е. в тех местах, где наблюдается высокий оборот наличных денежных средств. Характерной чертой данно-

го способа незаконного транзитирования денежных средств является то, что он позволяет имитировать якобы реальную финансово-хозяйственную деятельность, которая преследует лишь цель скрыть следы преступления от правоохранительных и других надзирающих органов.

Такая преступная схема была выявлена следователями СЧ ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю при расследовании уголовного дела, возбужденного в 2016 г. по подп. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК РФ. В ходе следствия было установлено, что гражданин Б. в период с 2012 по 2015 гг. осуществлял незаконное обналичивание и транзитирование денежных средств для бизнесменов, работающих на одной из крупных продовольственных баз г. Красноярска.

Как показывает проведенный опрос следователей СЧ ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю, СЧ УМВД России по г. Барнаулу, СЧ УМВД России по г. Кемерово, зачастую незаконное транзитирование денежных средств осуществляется с целью дальнейшего обналичивания денежных средств. В данном случае у клиента незаконного транзитирования денежных средств фактически есть контрагент, готовый осуществить снятие денежных средств со своего расчетного счета по различным основаниям и передать их заинтересованным лицам, однако для запутывания контролирующих органов и большей конспирации указанные лица пользуются данными услугами, опасаясь привлечения к уголовной ответственности по ст. 199 УК РФ.

Кроме того, согласно правоприменительной практике довольно распространенным способом незаконного транзитирования денежных средств в настоящее время является перечисление безналичных денежных средств на расчетные счета, открытые в кредитно-финансовых учреждениях за рубежом.

Так, например, в мае 2013 г. Тверским районным судом г. Москвы по п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ осужден гражданин И. В ходе судебного разбирательства установлено, что в период с 2010 по 2012 гг. он привлек на расчетные счета подконтрольных фирм-

однодневок 2,9 млрд руб., которые впоследствии по поручению своих клиентов незаконно транзитировал на расчетные счета организаций, находящихся в Латвии и на Кипре. В результате преступной деятельности им был извлечен доход в сумме 6,5 млн руб. [10].

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в зависимости от механизма перечисления безналичных денежных средств основными способами незаконного транзитирования денежных средств являются: 1) совершение мнимой сделки напрямую между фирмой клиента данной незаконной операции и фирмой-однодневкой, подконтрольной лицу, осуществляющему незаконную банковскую деятельность; 2) использование клиентом расчетного счета фирмы-однодневки для перечисления денежных средств конечному контрагенту на основании распорядительного письма, без оформления соответствующих правоотношений между ними; 3) транзитирование денежных средств с использованием расчетных счетов индивидуальных предпринимателей; 4) перечисление безналичных денежных средств на расчетные счета фирм-однодневок, открытых в кредитно-финансовых учреждениях за рубежом.

Представляется, что для эффективного противодействия незаконному транзитированию денежных средств необходимо разрабатывать схемы оперативного межведомственного взаимодействия, основанного на эффективных методах борьбы с данными преступлениями, установленных в ходе научных разработок по данной проблематике.

В случае создания методики расследования незаконной банковской деятельности и ее внедрения в деятельность органов внутренних дел она будет широко использоваться следователями, занимающимися расследованием экономических преступлений, что позволит им быстро и точно определять способ совершения преступления, выбирать необходимый комплекс следственных действий, направленных на сбор и закрепление доказательственной базы [9, с. 264].

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Костылева Г.В. Незаконная банковская деятельность: способы совершения // Проблемы предпринимательства и банковского права: мат-лы всероссийской научно-практ. конф-ции. М.: Изд-во «Спутник+», 2016. С. 165-170.
4. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций [Электронный ресурс]: инструкция ЦБ РФ от 02.04.2010 № 135-И. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Поляков Н.В. Документирование лжеэкономической деятельности фирм-однодневок, используемых для осуществления незаконной банковской деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1 (26). С. 98-104.

7. Поляков Н.В. К вопросу о необходимости совершенствования современного российского законодательства для борьбы с незаконной банковской деятельностью // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 98-100.

8. Поляков Н.В. К вопросу о субъекте незаконной банковской деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы пятнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. Ч. 1. С. 140-141.

9. Поляков Н.В. О необходимости разработки методики расследования незаконной банковской деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы двадцатой международной научно-практ. конф-ции. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 262-264.

10. Приговор Тверского районного суда г. Москвы от 29 мая 2013 г. // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». URL: <http://sudrf.ru>.

11. Приговор Советского районного суда г. Казани по делу № 1-410/17 г. от 2 июня 2017 г. // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-kazani-respublika-tatarstan-s/act-556481540>.

12. Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/law> (дата обращения: 08.02.2018).

13. Соловьев И.Н. Фирмы-однодневки: противодействие и проблемы уголовно-правовой квалификации // Налоговая политика и практика. 2011. № 1. С. 50-55.

УДК 343.982.43

Н.В. Шепель, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: shepelnv@mail.ru

О МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА У ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ МЕДИЦИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, В ЦЕЛЯХ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЯ РУКОПИСИ

В статье исследуется механизм формирования письменно-двигательного навыка студентов Алтайского государственного медицинского университета в период обучения с первого по шестой курсы с целью установления совокупности признаков почерка, позволяющих диагностировать профессиональную принадлежность исполнителя рукописи. Содержит анализ образцов почерка вышеуказанных студентов, определяющий закономерности формирования почерка «врача».

Ключевые слова: признаки почерка, письменно-двигательный навык, установление профессиональной принадлежности исполнителя рукописи, образцы почерка, лица, имеющие медицинское образование.

N.V. Shepel, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shepelnv@mail.ru

ON THE FORMATION MECHANISM OF HANDWRITING SIGNS OF PERSONS WITH MEDICAL EDUCATION IN ORDER TO ESTABLISH THE PROFESSIONAL IDENTITY OF THE PERFORMER OF THE MANUSCRIPT

The author explores the formation mechanism of the writing-motor skill of students of the Altai State Medical University during training from the first to the sixth courses, for the purpose of establishment of set of signs of handwriting allowing to diagnose a professional accessory of the performer of the manuscript. The article contains the analysis of samples of handwriting of the above students, determining the laws of formation of handwriting «doctor».

Key words: signs of handwriting, writing and motor skill, establishing the professional affiliation of the artist manuscript, samples of handwriting, persons with medical education.

Современными способами установления (диагностики) исполнителя рукописи либо подписи по признакам почерка является применение методик определения возраста [3], пола [4], национального языка по графическим особенностям письменности [5].

Однако такое направление, как установление профессиональной принадлежности исполнителя рукописи по признакам почерка, является малоиз-

ученным, но актуальным. Имеют место случаи, когда представители той или иной профессии выступают в качестве субъектов преступлений, связанных с подделкой документов, иных преступлений. Так, например, гр. А.К. Марченко собственноручно подделал несколько бланков рецептов, являющихся официальными документами формы № 148-1/у-88, утвержденной Минздравом РФ, и предоставляющих право на приобретение лекарственных препа-

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- общих признаков, отражающих пространственную ориентацию рукописи.

Изменению подвергаются и частные признаки почерка. Так, например, в почерке, представленном в качестве образца (см. иллюстрации 7-11), изменению подверглись следующие частные признаки:

- сложность движений при выполнении буквы «л» на первом курсе – по нормам прописи, на пятом курсе – усложнена за счет изменения направления движений при выполнении первого элемента и выполнения дополнительного соединительного элемента (см. иллюстрации 12-13);

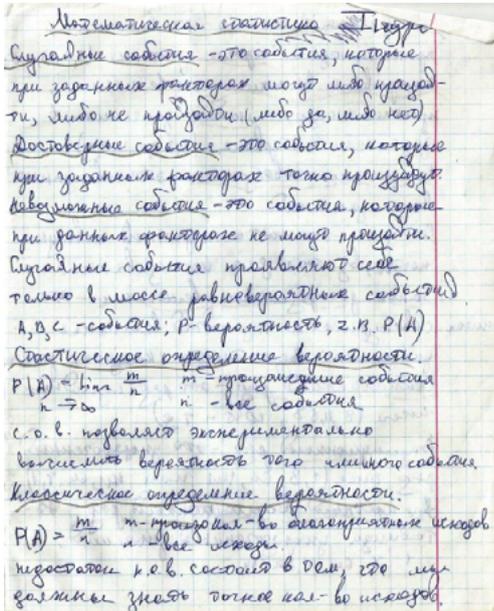

Иллюстрация 7. Образец почерка гр. А., исполненный на 1 курсе обучения

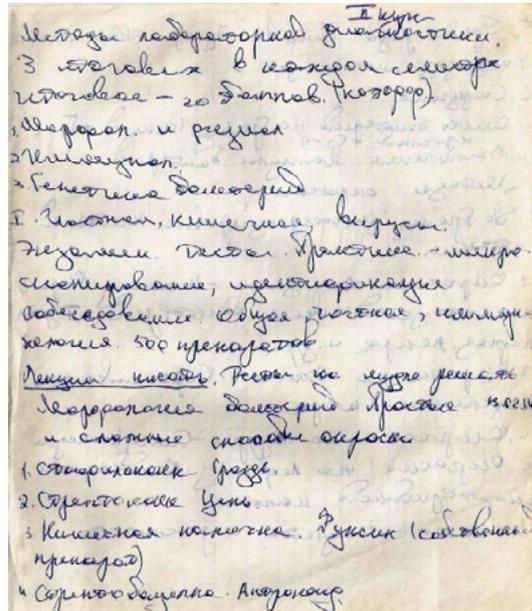

Иллюстрация 8. Образец почерка гр. А., исполненный на 2 курсе обучения

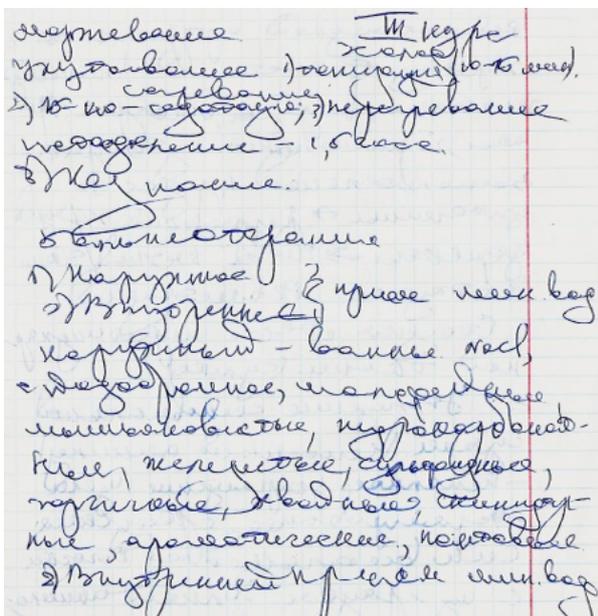

Иллюстрация 9. Образец почерка гр. А., исполненный на 3 курсе обучения

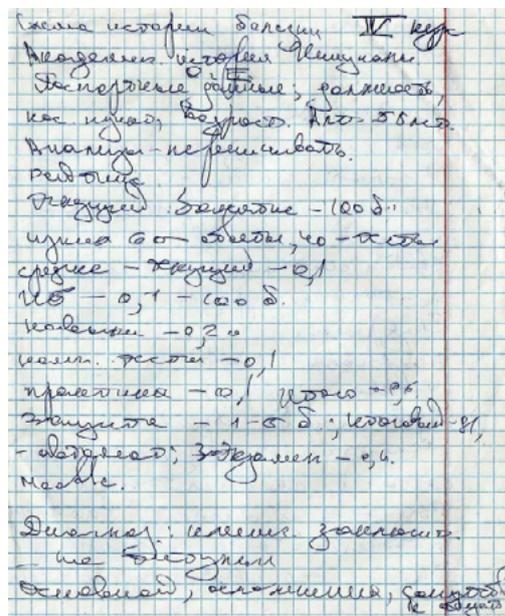

Иллюстрация 10. Образец почерка гр. А., исполненный на 4 курсе обучения

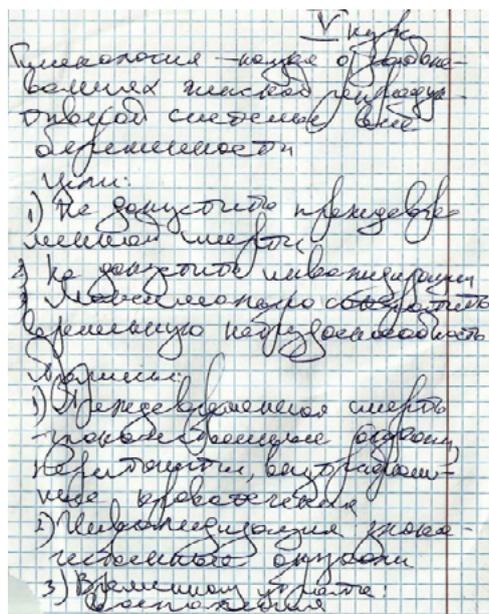

Иллюстрация 11. Образец почерка гр. А.,
исполненный на 5 курсе обучения

Иллюстрация 12. Буква «л» из образца,
выполненного на первом курсе

Иллюстрация 13. Буква «л» из образца,
выполненного на пятом курсе

- направление движений при выполнении заключительной части первого элемента буквы «я» на первом курсе – горизонтальное либо поднимающе-

еся, на пятом курсе – опускающееся (см. иллюстрации 14-16);

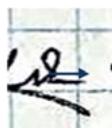

Иллюстрация 14. Буква «я»
из образца, выполненного
на первом курсе

Иллюстрация 15. Буква «я»
из образца, выполненного
на первом курсе

Иллюстрация 16. Буква «я»
из образца, выполненного
на пятом курсе

- абсолютная протяженность движений при выполнении начальной части первого элемента буквы

«р» на первом курсе – средняя, на пятом курсе – большая (см. иллюстрации 17-18);

Иллюстрация 17. Буква «р» из образца,
выполненного на первом курсе

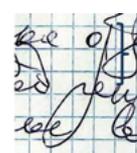

Иллюстрация 18. Буква «р» из образца,
выполненного на пятом курсе

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- относительная протяженность движений по горизонтали при выполнении подстрочной части букв «з», «д», «р» на первом курсе больше в 1,1-

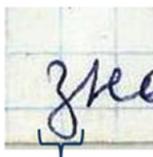

Иллюстрация 19. Буква «з» из образца, выполненного на первом курсе

- количество движений при выполнении буквы «р» на первом курсе по нормам прописи, на пятом

Иллюстрация 21. Буква «р» из образца, выполненного на первом курсе

- вид соединения движений при выполнении букв «т», «б» с последующей буквой в составе сло-

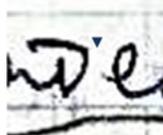

Иллюстрация 23. Буква «т» из образца, выполненного на первом курсе

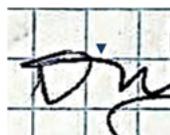

Иллюстрация 24. Буква «т» из образца, выполненного на пятом курсе

- вид соединения движений при выполнении последней в составе слова буквы «х» с предыдущей

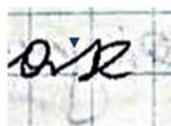

Иллюстрация 27. Буква «х» с предыдущей буквой из образца, выполненного на первом курсе

- относительное размещение точки начала движений при выполнении первого элемента буквы «х» в составе слова на первом курсе – слева относитель-

1,5 раза протяженности строчной части, на пятом курсе – больше в 2,5-10 раз протяженности строчной части (см. иллюстрации 19-20);

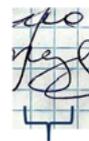

Иллюстрация 20. Буква «з» из образца, выполненного на пятом курсе

курсе – увеличено за счет дополнительного рефлексивного штриха (см. иллюстрации 21-22);

Иллюстрация 22. Буква «р» из образца, выполненного на пятом курсе

ва на первом курсе – интервальный, на пятом курсе – слитный (см. иллюстрации 23-26);

Иллюстрация 25. Буква «б» из образца, выполненного на первом курсе

Иллюстрация 26. Буква «б» из образца, выполненного на пятом курсе

буквой на первом курсе – слитный, на пятом курсе – интервальный (см. иллюстрации 27-28);

Иллюстрация 28. Буква «х» с предыдущей буквой из образца, выполненного на пятом курсе

но осевой линии буквы, на пятом курсе – справа относительно осевой линии буквы (см. иллюстрации 29-30).

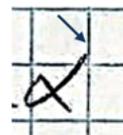
*Иллюстрация 29. Буква «х» из образца,
выполненного на первом курсе*

Анализируя указанные изменения частных признаков, можно сделать вывод о том, что наибольшему изменению подвергаются частные признаки 4 и 6 групп (протяженность движений и вид соединения движений).

Кроме этого, установлено, что последующая врачебная практика коренным образом влияет на почерк даже тех лиц, у которых в процессе обучения почерк не подвергся существенным изменениям.

По результатам же анализа образцов почерка студентов Алтайского государственного медицинского университета, результатам их опроса, анкетирования были установлены следующие факторы, определяющие закономерности формирования письменно-двигательного навыка лиц, имеющих медицинское образование:

- в образовательном процессе для фиксации большого объема информации формируется скорость письма, почерк резко «отклоняется» от норм прописи, резко искажаются общие признаки, характеризующие структуру движений по их траектории;

*Иллюстрация 30. Буква «х» из образца,
выполненного на пятом курсе*

- в процессе развития профессиональных умений и навыков у обучающихся проявляется «отклонение» от норм прописи в виде изменения нажима (штрихи становятся более тонкими) и преобладающей формы движения (в процессе выполнения рукописи применяется угловатая форма);

- с высокой занятостью и необходимостью заполнения большого объема различной документации в ограниченное время в почерке появляется больше резких штрихов (выбросов), угловатых элементов, искажённых букв.

Таким образом, несмотря на то, что направление по установлению профессиональной принадлежности исполнителя рукописи по признакам почерка, в т.ч. и у лиц, имеющих медицинское образование, в настоящее время является малоизученным, однако такие исследования при наличии соответствующей методики помогли бы оперативно и максимально полно диагностировать лицо, выполнившее исследуемую рукопись или подпись.

Литература

1. Архив Советского районного суда г. Томска. URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-tomska-tomskaya-oblast-s/act-100402597/> (дата обращения: 28.11.2017).
2. Кольцова А.В. Формирование «профессионального» письменно-двигательного навыка // Проблемы становления гражданского общества: сборник статей V Международной научной студенческой конференции (Иркутск, 24 марта 2017 г.). Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. Ч. III. С. 306-310.
3. Левицкий А.Б. Методика определения возраста исполнителя рукописных текстов: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1995. 255 с.
4. Левицкий А.Б. Методика определения пола исполнителя кратких рукописных текстов: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1990. 185 с.
5. Молоков Э.П. Определение национального языка по графическим особенностям письменности: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 1997. 80 с.

УДК 343.982.35

З.Л. Шхагапсов, доктор юрид. наук, профессор

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России;

Р.Р. Карданов, канд. юрид. наук

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России

E-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛЕГКОВЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, ОСНАЩЕННЫХ НОВЫМИ ШИНАМИ, ПО СЛЕДАМ ПРОТЕКТОРА

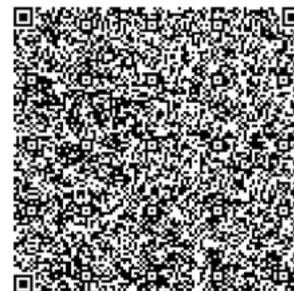
На сегодняшний день влияние транспортной системы на повседневную жизнь велико, в особенности автотранспорта. Повышение уровня автомобилизации населения страны, соответственно, привело к увеличению количества преступлений, совершенных с использованием автомобилей. В данной статье авторами освещены некоторые вопросы проведения идентификационных исследований новых шин по следам протектора, оставленным шинами легковых транспортных средств. Для выполнения поставленных целей и задач исследования были проведены эксперименты с использованием новых шин, результаты которых отражены в статье.

Ключевые слова: криминалистика, идентификация, преступление, транспортное средство, протектор, шины, расследование.

Z.L. Shkhagapsoyev, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar
University of the Ministry of the Interior of Russia;

R.R. Kardanov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar
University of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru

ON THE IDENTIFICATION OF VEHICLES EQUIPPED WITH NEW TYRES ON THE TREAD TRACKS

To date, the impact of the transport system on everyday life is great, especially vehicles. The increase in the level of motorization of the country's population, respectively, has led to an increase in the number of crimes committed with the use of cars. In this article the authors cover some issues of identification research of new tires on the tread tracks left by tires of passenger vehicles. To fulfill the set goals and objectives of the study, experiments were carried out with the use of new tires, the results of which are reflected in the article.

Key words: forensic, identification, crime, vehicle, tread, tires, investigation.

В последние годы в России значительно возросло количество автотранспорта, вследствие чего в совершении каждого четвертого преступления принимает участие транспортное средство. По данной причине очень часто на месте происшествия остаются следы транспортных средств, в большей степени следы шин. А, как известно, чем больше

информации будет извлечено в ходе осмотра места происшествия, тем быстрее будет раскрыто преступление [4, с. 43]. Полнота, всесторонность и качественные характеристики проводимого осмотра места происшествия значительно оказывают влияние на процесс установления механизма слеодообразования для дальнейшего определения основных на-

правлений расследования преступления [3, с. 138-140; 10, с. 115-116; 8, с. 98-101].

В связи с этим при наличии следов шин на месте происшествия необходимо максимально полно извлечь всю наиболее важную информацию о виде шины, ее особенностях, виде транспортного средства, его техническом состоянии, грузоподъемности (перегрузка транспортного средства, неравномерная нагрузка транспортного средства), наличии неисправностей узлов и механизмов ходовой части, некоторых признаках особенностей вождения транспортного средства и т.п. Кроме этого, по данным ГУПОБДД МВД России, дорожно-транспортные происшествия (ДТП) – существенный компонент в общем количестве совершенных преступлений. Так, за 2017 год в стране произошло 169432 ДТП. При этом результатом данных происшествий стала гибель 19088 человек, а 215374 человека получили ранения [6]. Решение вопроса о идентификации автотранспорта по следам его шин весьма актуально при раскрытии и расследовании данных преступлений.

Для проведения исследования различных объектов разрабатывается конкретная методика исследования, которая включает в себя научно обоснованные методы, приемы, в т.ч. использование технических средств. Для каждого вида (комплекса) объектов существует индивидуальная методика его исследования. На сегодняшний день практические работники ОВД применяют большое количество таких методик, в т.ч. экспертных, по установлению механизма ДТП и его дальнейшей оценке. Данные методики с различной степенью точности по имеющимся объектам-носителям информации позволяют определить скорость транспортных средств, направление движения, их взаиморасположение в момент столкновения и другие характеристики, свойственные для дорожно-транспортных происшествий.

По виду носителя информации объекты можно подразделить на объекты-отображения и объекты-предметы. Объекты-отображения – это материаль-

ные образования, на которых в результате процесса слепообразования отобразилась информация о другом объекте или событии, явлении. К объектам-предметам относятся все материальные предметы – носители информации о событии – в силу своего существования или наличия действительной либо возможной связи с ним [9, с. 56].

Для расследования указанных преступлений активно применяются специальные познания, формы которых могут быть различными. К таковым следует отнести проведение судебных экспертиз; оказание помощи специалистов следователю в его деятельности.

Судебная экспертиза – это следственное действие, состоящее в производстве в установленном законом порядке исследований тех или иных объектов специалистами в науке, технике, искусстве или ремесле и даче ими заключений по вопросам, возникающим в ходе расследования по уголовным делам [7, с. 246].

Следует отметить, что задачи экспертиз разделены на несколько групп. К таковым относят диагностические, целью которых является выявление способа и последовательности действий, количественных характеристик объектов, их свойств и признаков и т.д. Следующим видом являются задачи, направленные на идентификацию объектов [11, с. 41]. Процесс установления тождества объекта или личности по совокупности общих и частных признаков называется криминалистической идентификацией [2, с. 21].

Одной из разновидностей такого рода идентификационных исследований является проведение идентификации протектора шины (элемента шины колеса, формирующего пятно контакта шины) по его следам, расположенным на месте происшествия (иллюстрация 1). Актуальность назначения данного исследования заключается в том, что по результатам его проведения есть возможность установить конкретную шину и далее автомашину, на которой она установлена.

Иллюстрация 1. Изображение протектора шины

Озвученный ранее факт роста количества автомобилей привел к увеличению количества совершенных преступлений с участием транспортных средств и повышению величины обнаруженных на месте происшествия доли следов, оставленных новыми шинами. Аналитическое агентство «АВТОСТАТ» приводит данные состояния на 1 июля 2017 г. парка автомобильной техники на территории России, который составил 50 млн единиц. Примерно 84% от этого количества приходится на легковые автомобили, что соответствует 41,9 млн экземпляров [1].

В связи с этим возрос количественный показатель проведения исследования следов протектора шин, где были отображены не только дефекты, образованные в результате эксплуатации и ремонта, но и производственного характера, в связи с чем целью исследования стало проведение анализа дефектов производственного характера, расположенных на шинах легковых автотранспортных средств; возможностей отображения их в объемных и поверхностных следах, их дальнейшей фиксации и изъятия с мест происшествий и дальнейшего трасологического исследования.

Иллюстрация 2. Характеристики, расположенные на боковой поверхности шины

Содержание проводимого исследования заключалось в интенсивной эксплуатации одной шины, установленной на ведущей оси автомобиля, на определенном расстоянии по асфальтированной дороге. Общая протяженность маршрута составила 1500 километров при средней скорости движения 70 км/ч. Температура воздуха в момент проведения эксперимента составляла 15-25°C.

Перед проведением эксперимента на листе белой бумаги был получен поверхностный след наслоения, в котором четко и полно отобразились имеющиеся на шине дефекты производственного характера. После эксплуатации шины на другом листе белой бумаги тем же следообразующим участком был повторно оставлен поверхностный след наслоения.

Для решения поставленных целей и задач было проведено исследование, сущность которого заключалась в установлении закономерностей отображения в следах производственных дефектов автомобильных шин.

Отбор модели шины был обусловлен количественным показателем проданных новых легковых автомобилей в стране за 2017 год. Так, по данным электронного журнала «За рулем.рф», наиболее продаваемой моделью автомобиля является «Kia Rio», 38 126 экземпляров которой было реализовано дилерами [5]. Данная модель в штатной комплектации оснащена бескамерными шинами «Kumho» с характеристиками «185/65R15 88H» (иллюстрация 2), которая и была выбрана в качестве объекта исследования. Каждое из обозначений, расположенных на боковой поверхности шины, имеет свое значение. Цифра 185 обозначает ширину шины от бока до бока в миллиметрах; 65 – это высота профиля шины, указывается как процентное отношение к ширине; буква R – конструкция шины: радиальная; 15 – монтажный диаметр обода, в дюймах; 88 – коэффициент нагрузки.

Далее проводился анализ признаков, отобразившихся в сравниваемых следах. Исследование показало, что дефекты производственного характера автомобильных шин отображаются в следах достаточно четко и полно. Получено экспериментальное подтверждение, что идентификационный период этих признаков внешнего строения шины достаточно велик – несколько сотен километров пробега, что позволяет провести идентификационное исследование конкретной шины по ее следам.

Таким образом, экспертиза следов шин автотранспорта, в которых отобразились дефекты производственного характера, позволяет существенно расширить возможности идентификационного исследования следов протекторов шин легковых транспортных средств, обнаруженных на месте происшествия.

Литература

1. Автостат. URL: <https://www.autostat.ru/news/> (дата обращения: 23.02.2018).

2. Бадиков Д.А. Криминалистика: словарь терминов. Орел: ОрЮИ МВД России, 2010. 84 с.
3. Гаужаева В.А., Бураева Л.А., Карданов Р.Р. Сущность и роль криминалистической техники как раздела криминалистики в борьбе с преступностью: история и современность // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4.
4. Грибунов О.П., Трубкина О.В., Третьякова Е.И. Тактические особенности проведения следственного осмотра: учебное пособие. Иркутск, 2016. 92 с.
5. За рулем.рф. URL: <https://www.zr.ru/content/articles/907175-otritsatelnye-geroi-kakie-a/> (дата обращения: 23.02.2018).
6. Количество дорожно-транспортных происшествий. Сведения за 2017 год // ГУПОБДД МВД России. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).
7. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М.: Высшее образование, 2006. 441 с.
8. Курин А.А., Дронова О.Б., Исаченко Н.П., Кочубей А.В. Криминалистика для судебных экспертов. Волгоград, 2014. 380 с.
9. Отаров А.А., Карданов Р.Р. Судебно-криминалистическая экспертология: курс лекций. Нальчик, 2009. 211 с.
10. Чесноков А.А. К проблеме оценки эффективности борьбы с экстремизмом // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы тринадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. Ч. 2.
11. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: курс лекций. М.: Эксмо, 2005. 352 с.

Гражданско-правовые отношения

УДК 341.9

А.А. Кочнева

адъюнкт Нижегородской академии МВД России

E-mail: nasyash18@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА АБСОЛЮТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЧАСТНОГО ПРАВА

В статье автор анализирует различные предпосылки исследования абсолютных правоотношений как самостоятельной правовой единицы в контексте частного права. Через наиболее распространенные концепции правопонимания рассмотрена объективная реальность и обоснованность института абсолютных правоотношений. Данный вид правоотношений оценен с точки зрения составляющего звена частного права, характеризующегося свободой волеизъявления субъектов и отсутствием императивных норм регулирования. Также автор проводит сравнение сущности абсолютных и относительных правоотношений как родового и видового элементов, подчеркивает неоднозначность понимания абсолютных правоотношений и необходимость их углубленного изучения.

Ключевые слова: абсолютные правоотношения, частное право, относительные правоотношения, методологические предпосылки исследования, правовая абстрактность, субъекты правоотношений.

A.A. Kochneva

postgraduate student of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: nasyash18@gmail.com

METHODOLOGICAL BACKGROUND OF THE STUDY OF THE PHENOMENON OF ABSOLUTE LEGAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF PRIVATE LAW

The author analyzes various prerequisites of research of absolute legal relations as independent legal unit in the context of private law. The objective reality and validity of the institution of absolute legal relations are considered through the most widespread concepts of legal understanding. This type of legal relationship is evaluated from the point of view of the component part of private law, which is characterized by the freedom of expression of will of subjects and the absence of mandatory regulations. The author also compares the essence of absolute and relative legal relations as generic and species elements, emphasizes the ambiguity of understanding of absolute legal relations and the need for their in-depth study.

Key words: absolute legal relations, private law, relative legal relations, methodological background of the study, legal abstraction, subjects of legal relations.

Современная система социальных связей, глобализация всех сфер общественной жизни, внедрение инновационных технологий в массы, использование систем электронного документооборота и электронных способов защиты информации, увеличение масштабов производства, а также трансформация и модернизация государственно-правового регулирования обуславливают необходимость переоценки уже существующих и сформированных правовых институтов и феноменов. Дифференциация подходов к пониманию различных юридических явлений порождает противоречия в естественности и реальном существовании отдельных ранее выделенных видов таковых. Чаще необходимо прибегать к использованию новых и более универсальных методов познания и исследования, чтобы подтвердить обоснованность уже существующих научных классификаций и типизаций, а также в целях проведения мероприятий по внедрению или исключению новых видов и типов различных феноменов. Эта позиция применима и к современным правоотношениям.

Разная направленность возникающих правоотношений сформировала в правовой доктрине деление права на публичное и частное. Большой интерес, конечно, вызывает последнее, т.к. не связано императивными нормами и возникает на основе самостоятельного и свободного выбора субъектов-участников отношений. Таким образом, частный характер обуславливает абсолютные и неотъемлемые начала и черты в возникающих правах и обязанностях, которые формируют абсолютные правоотношения.

Классификация правоотношений на абсолютные и относительные исторически известна, однако над ее доказанностью и объективной реальностью спорят множество ученых-правоведов. Во главу концептуальной разницы между двумя указанными правовыми институтами закладывают именно критерий количественного состава. Однако односторонний характер данного подхода все чаще приводит к гипотезе о реальном отсутствии абсолютных правоотношений в современном социуме и служит методологической предпосылкой для более детального исследования абсолютизма в контексте субъективных прав и обязанностей, возникающих у участников частных правоотношений.

В процессе научного противостояния абсолютного и относительного возникает гипотетический вопрос о возможности существования абстрактных связей, имеющих правовую направленность, но не идентифицируемых в качестве правоотношений. Таким образом, рождается новая правовая форма реализации субъективных прав и обязанностей. Говоря о возможности субъектов осуществлять всеобщие и неотъемлемые их права, можно не отождест-

влять этот тип реализации с частным правоотношением, т.к. в указанном случае признак индивидуализации возникающих связей пропадает, а значит является абстрактное правовое начало. На защиту этого подхода вставал Н.И. Матузов, подчеркивая, что «правовыми отношениями могут быть названы не только строго индивидуализированные, конкретизированные, договорнообязательственные связи между отдельными субъектами..., но и наиболее общие, не столь детализированные, относительно стабильные (длящиеся) правоотношения, возникающие на основании действия главным образом конституционных норм, регулирующих соответственно и наиболее важные, основополагающие отношения, связанные с общественным государственным устройством, управлением, закреплением общего положения (статуса) субъектов и т.д.» [6, с. 247]. Соответственно, такого рода общий, не персонафицированный характер возникающих связей создает условия для возникновения феномена абсолютизма при реализации различного рода прав и обязанностей неограниченного круга субъектов, не только в рамках частного, но и в рамках публичного права.

Методологической предпосылкой для исследования данного абсолютного начала стал процесс разграничения правовых отношений и общих правовых связей, а также возможность отождествления абстрактных связей с абсолютными правоотношениями. Сторонники указанного сопоставления провозглашают правоотношения единственной возможной формой реализации прав и обязанностей субъектов-участников, однако классифицируют их на индивидуализированные (частные) и наиболее общие. При этой дифференциации общие правоотношения не лишены признака персонафикации, т.к. могут быть частично индивидуализированы и являются основой для развития относительных отношений и связей. Однако общие правовые связи рождаются без воздействия каких-либо юридических фактов, а лишь под влиянием конкретных норм. Таким образом, указанные общие юридические связи путем их дальнейшей индивидуализации могут быть трансформированы в правоотношения, которые, в свою очередь, будут иметь заранее установленную абстрактную природу, т.е. являться абсолютными по своей сути.

Предпосылкой изучения абсолютных правоотношений, а также формирования их в виде отдельного правового института явилось логическое непонимание «абстрактности» и количественной «неограниченности» субъектов, участвующих в отношениях.

Правовую абстракцию по её внутреннему содержанию можно идентифицировать как правовую

неопределенность. С философской точки зрения категория «неопределенность» имеет достаточно сложную историю. Первое упоминание о ее аксиологическом значении было в учении Анаксимандра, который сравнил ее со свойством любой материи, отражающим ее неисчерпаемость [7, с. 54]. Ученые-философы высоко оценивали значение неопределенности, т.к. отрицали естество абсолютной определенности, которая возможна лишь в несуществующих изолированных, закрытых от взаимодействия системах. Георг Вильгельм Фридрих Гегель без категории «неопределенность» не представлял возможность самого бытия, автор приравнивал данный феномен к необходимости. В.С. Готт отмечал, что «неопределенность – одна из форм объективного существования явлений мира, характеризующаяся отсутствием "резких граней" между свойствами и состоянием явлений природы и преобладанием зависимости свойств» [2, с. 25].

Однако рассматриваемая категория занимает центральное место и в других областях научного познания, в т.ч. в правовой сфере. С точки зрения права многие ученые-исследователи признавали неопределенность как одно из негативных явлений правовой материи, сравнивая её с дефектом правовой среды, характеризующимся неполнотой и непоследовательностью. Однако не всякая правовая форма требует четкости и строгости. Когда речь идет о правоотношениях, возникающих в абсолютно разных условиях объективной реальности, то необходимы такие правовые свойства, как гибкость и эластичность. Указанную возможность субъектам-участникам отношений предоставляет именно неоднозначность и неопределенность в их связях, самостоятельность и свобода их выбора, диктуемая в рамках частного права. Данную позицию поддерживает правовед Е.В. Богданова, считая, что «неопределенность является элементом договорного регулирования» [1, с. 21]. Таким образом, исследуя феномен правовой неопределенности, необходимо прибегать к некоторым обобщениям и абстракциям, с помощью которых интерпретируются отдельные виды правоотношений, в т.ч. возникающие в рамках частного права, в отсутствие конкретных императивных формально-юридических норм.

Термин «правоотношение» как внешне, так и по своему содержанию носит исключительно правовой характер, в связи с чем неразрывно связан с правом. Таким образом, идентифицировать определенный вид правоотношения логично через сущностное понимание конкретных прав, его составляющих или возникающих в ходе данных правоотношений. Проанализируем данные правоотношения, используя институциональный подход [10, с. 145].

Институт абсолютных правоотношений, как и любой другой правовой феномен, целесообразно исследовать посредством формирования базового понятийного аппарата, а также определения методологического инструментария анализа сущности и содержания выбранного вида общественных правоотношений. Рассмотрим несколько методологических подходов к пониманию правоотношений через концепции понимания права в целом.

Наиболее историчным является естественно-правовой подход к изучению права. Сторонники рассматриваемого подхода утверждают, что общественные отношения становятся правовыми в силу экономической и политической необходимости, а не в результате воздействия норм права на фактические отношения [3, с. 5]. Методология данной концепции полагает определенную субъективную частноправовую направленность возникающих в ходе указанной «необходимости» правоотношений. В связи с этим непосредственность и отсутствие юридического формализма позволяют нам говорить о зарождении абсолютных прав, присущих субъекту в силу его объективного существования под влиянием различного рода экономических, политических и социальных факторов. Напрашивается вывод, что естественно-правовая концепция раскрывает абсолютные правоотношения как процесс, в ходе которого возникают и осуществляются неотъемлемые права субъекта, не подлежащие юридическому ограничению и регулированию, что возможно только в рамках частного права.

Однако частное право нередко переплетается с публичным, т.к. любые отношения между субъектами подлежат урегулированию и контролю за их исполнением. В связи с этим проблема формализации и фиксации естественного права решается посредством сближения его с позитивным правом, т.е. посредством закрепления его в нормативно-правовых актах.

Таким образом, рождается следующий подход к пониманию права и возникающих на его основе абсолютных правоотношений – позитивно-правовой. Согласно данной концепции под правоотношением понимается урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого выступают носителями субъективных прав и юридических обязанностей, охраняемых и гарантируемых государством [11, с. 330-331]. В рамках методологии указанного подхода абсолютные правоотношения в своей сущности отождествляются с относительными, т.к. неограниченный субъектный состав приобретает качественную ограниченность, отношения возникают между конкретными участниками, права и обязанности которых закреплены документально.

Соответственно, благодаря позитивно-правовому методологическому подходу «любое правоотношение является относительным и представляет собой сознательное взаимное поведение конкретных субъектов» [5, с. 54]. Гносеологическая функция указанного направления правопонимания порождает предпосылки двойственной природы и сущности абсолютных правоотношений, их направленности на выражение и осуществление не только естественных и неотъемлемых прав личности в рамках частного права, но и на поддержание нормального государственно-правового функционирования в целом в контексте публичного права.

Для рассмотрения сущности абсолютных правоотношений с неограниченным субъектным составом необходимо обратиться еще к одной концепции правопонимания, а именно психологической, обосновывающей свободу выбора субъектов-участников, а также частную направленность возникающих правоотношений.

Основоположником указанной концепции был Л.И. Петражицкий. Ядром права, по мнению данного ученого, являлись не юридико-правовые или государственные нормы, не фактические социальные отношения, не духовно-нравственная идея естественного права, а явления индивидуальной психики – особые эмоции, обладающие специфическими признаками [4, с. 151]. Таким образом, в рамках указанной концепции абсолютные правоотношения, а также правоотношения в целом являются механизмом мотивационного и воспитательного воздействия на поведение людей. Методологической предпосылкой выступает необходимость самовыражения субъектов – участников правоотношений, а также объективная необходимость использования присущих указанным субъектам неотъемлемых прав. Каждый из субъектов обладает своими психоэмоциональными особенностями и склонностями.

Абсолютные правоотношения в контексте указанной концепции представляют собой индивидуально-психическое явление, существующее без их объективного закрепления. В данном случае абсолютные права и обязанности возникают не из конкретно определенных политических, экономических или социальных предпосылок действительности, а в результате субъективного процесса переноса внутренних убеждений, чувств и переживаний субъектов-участников друг на друга. Поведение лица становится психическим процессом, в котором «элементы взаимодействия сознательного и бессознательного уровня психики выражаются в волевом совершении поступков и действий в зависимости от личных потребностей и ценностей, обусловленных нравственностью, социальной средой, конкретной

ситуацией и содержанием социального (общественного) воздействия» [9, с. 20].

Идеальные абсолютные правоотношения возможны лишь благодаря высокоинтеллектуальной деятельности социальных элементов, в результате их структурированного взаимодействия и духовно-нравственного общения.

Именно психологическое направление понимания абсолютных правоотношений определяет шаблонную ограниченность правоотношений в рамках юридического позитивизма. Абсолютные правоотношения не находятся в четких формально закрепленных «стенах», они определяются более глобально и широко, исходя из внутренних потребностей и частных интересов субъектов-участников.

Ярким примером подтверждения существования данной концепции могут служить абсолютные правоотношения, возникающие в ходе реализации авторских прав, прав на интеллектуальную собственность. Субъекты-правообладатели, основные инициаторы такого рода правоотношений, предлагая свою интеллектуальную собственность, рассчитывают не только на её государственно-правовую поддержку и защиту, а также на её общественную оценку, в большинстве своем на общественную поддержку и одобрение. Соответствующий позитивный итог формирует методологические предпосылки для возникновения новых объектов интеллектуального труда, следовательно, качественно новых абсолютных правоотношений.

Однако диалектика такова, что в рамках провозглашения прав на интеллектуальную собственность могут возникнуть и негативные последствия, порождающие определенный конфликт интересов автора (субъекта-правообладателя) и интересов общества и государства, выступающих в роли оценщика. В условиях диалектического противостояния морально-психологический статус одного субъекта-участника оказывает доминирующее, по внутреннему содержанию обязывающее и запрещающее влияние на статус другого лица, следовательно, опосредованно ограничивает его права. В таком контексте «абсолютизм» правоотношений стирается, возникает конкретная относительная доминантно-рецессивная связь между строго определенными участниками.

В связи с этим объективная необходимость государственно-правового регулирования ставит вопрос о реальном существовании абсолютных правоотношений ребром. Все рассмотренные методологические концепции понимания сущности абсолютных правоотношений подтверждают их «относительность».

Естественно-правовой подход определяют неотъемлемые абсолютные права через экономиче-

скую и политическую необходимость. В рамках позитивного подхода ограничительный характер указанным правоотношениям предписывает юридический формализм и нормативно-правовое регулирование. Психологическое направление ограничивает абсолютные правоотношения через призму интересов конкретного субъекта-участника, через его психологическую индивидуальность.

В науке существует позиция, что «абсолютные правовые отношения в своей окончательной версии – комплекс относительных правовых отношений» [8, с. 46]. Это методологически подтверждается тем, что в рамках осуществления абсолютных прав субъектами-правообладателями образуются единичные или формирующие целую систему относительные права и обязанности между субъектами-участниками отношений. Относительность проявляется при реализации мер защиты неотъемлемых прав, а также идентифицируется ограниченностью участников в рамках конкретных условий. Это явление применимо к отношениям и в сфере вещного права, и в сфере реализации прав на интеллектуальную собственность.

Следовательно, можно предполагать, что институт абсолютных правоотношений по своему качественному содержанию шире и сложнее института относительных правоотношений. Некоторые авторы причисляют любое правовое качество к абсолютному, а значит любое правоотношение можно назвать абсолютным, в рамках которого уже возникают отдельные «ограниченные» связи.

Концепция, определяющая абсолютные правоотношения во взаимосвязи с возникающими абсолютными правами родовой категорией по отноше-

нию к относительным правоотношениям, образующим отдельный вид указанного рода, является дискуссионной и создает еще одну методологическую предпосылку к более детальному исследованию этих правовых феноменов.

Значимой методологической предпосылкой для исследования абсолютных правоотношений также выступает их разноплановая отраслевая сущность. Это подтверждено тем, что разные отрасли права воспринимают абсолютные правоотношения в условиях конкретно охранительных и регулятивных отраслевых норм права неоднозначно. В рамках гражданско-правовой доктрины абсолютными признаются отношения собственности. Административно-правовая доктрина определяет абсолютные правоотношения через непосредственное частное волеизъявление субъекта-участника правоотношений, его участие в организационно-управленческой деятельности общества или государства. В конституционном праве правовой абсолютизм идентифицирован через неотъемлемые права личности, признанные высшей ценностью. В избирательном праве все правоотношения имеют абсолютный характер, т.к. снова строятся на волеизъявлении лиц, возможности выражать интересы и влиять на выбор.

Таким образом, множественность и разноплановость методологических предпосылок для исследования, отсутствие единого системного структурированного подхода к изучению явления, двойственная природа феномена определяют высокую актуальность и перспективность для выработки правовой концепции понимания института абсолютных правоотношений, а также научного подтверждения их существования в объективной реальности.

Литература

1. Богданова Е.В. Категории «определенность» и «неопределенность» как элементы договорного регулирования общественных отношений // Законодательство и экономика. 2012. № 4. С. 21.
2. Готт В.С. О неисчерпаемости материального мира. М., 1968.
3. Дудин А.П. Диалектика правоотношения. Саратов, 1983.
4. Коробова А.П. Психологическая концепция правопонимания Л.И. Петражицкого и его учение о политике права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. С. 151.
5. Лоренц Д.В. К проблеме «абсолютного правоотношения» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 6.
6. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
7. Михайлов Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия. М., 1996.
8. Синицын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
9. Хужин А.М. Невинное поведение в праве (общетеоретический аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2013.
10. Хужин А.М., Чесноков А.А. К вопросу об использовании институционального подхода к анализу экономико-правовых явлений // Алтайский юридический вестник. 2017. № 3 (19). С. 145-150.
11. Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2006.

УДК 347(094)

Л.А. Тхабисимова, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Республики Адыгея
Пятигорский государственный университет

E-mail: thabisimova@rambler.ru;

А.В. Урумов, канд. юрид. наук

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД России

E-mail: urumov07@mail.ru

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В статье рассматриваются отдельные вопросы нетрадиционных источников гражданского права. Исследуются позиции ученых относительно понятия «нетрадиционные источники права». Авторами проанализированы основные виды нетрадиционных источников гражданского права и их роль в юридической практике.

Ключевые слова: нетрадиционные источники права, гражданское право, правовой обычай, основополагающие принципы гражданского права, судебный прецедент, судебная практика, доктрина гражданского права.

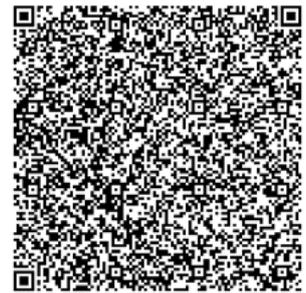
L.A. Tkhabisimova, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Pyatigorsk State University

E-mail: thabisimova@rambler.ru;

A.V. Urumov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar
University of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: urumov07@mail.ru

NONCONVENTIONAL SOURCES OF CIVIL LAW

The article deals with some issues of nonconventional sources of civil law. Points of view of scientists regarding the concept of «unconventional sources of law» are investigated. The authors analyzed the main types of nonconventional sources of civil law and their role in legal practice.

Key words: nonconventional sources of law, civil law, law custom, fundamental principles of civil law, judicial precedent, judicial practice, doctrine of civil law.

На современном этапе развития юриспруденции значительный теоретический и практический интерес вызывают нетрадиционные источники права российской правовой системы. Если традиционные источники, представленные системой нормативно-правовых актов, получили существенную научную разработку и являются признанными и наиболее авторитетными формами выражения и закрепления норм права, то нетрадиционные источники права требуют комплексного исследования, определения их места и роли в правовой системе России. Ряд авторов также справедливо отмечают, что тенденции

развития юридической практики предопределяют необходимость изучения не только традиционных, но и нетрадиционных источников, т.к. некоторые из них, будучи не признанными официально, имеют определенное фактическое применение на практике [1, с. 14; 4, с. 39-42].

Следует указать, что вариативность термина «нетрадиционные источники права» четко прослеживается в юридической литературе и может быть представлена несколькими подходами. Так, Д.В. Храмов указывает, что нетрадиционные источники права – это система нормативных предписа-

ний, нетипичных для конкретной правовой системы, носящих субсидиарный характер применения, а также ненормативных предписаний, необходимых для обеспечения единообразного регулирования общественных отношений и учитываемых правоприменительными органами при разрешении споров [15, с. 49]. По мнению А.П. Рожнова, нетрадиционные источники российского права представляют собой систему нормативных предписаний, создаваемых, как правило, в процессе правоприменительной деятельности не уполномоченными на то государственными органами или хотя и уполномоченными на то органами, но при безусловном субсидиарном характере применения таких предписаний для регулирования общественных отношений по сравнению с нормативно-правовыми актами, возникающими без прямого государственного вмешательства, но при последующем государственном одобрении [13, с. 29]. Оппонируя ему, Н.Н. Вопленко отмечает, что при таком понимании, по сути, речь идет о формах права, санкционированных государством. Однако нетрадиционные источники права – это не просто все формы права, которые санкционируются государством, а те из них, которые молчаливо признаются им в качестве возможных дополнительных регуляторов в сфере права. Государство «терпит» их присутствие в силу понимания закономерного характера их возникновения и полезной роли в тех областях социального регулирования, где жесткое государственное регулирование нецелесообразно [2, с. 23].

Нетрадиционные источники права, занимающие весомую роль в гражданском праве Российской Федерации, следует рассматривать в системе, которая включает в себя:

- судебный прецедент;
- судебную практику;
- правовой обычай;
- основные начала (принципы) российского гражданского права;
- доктрину гражданского права.

Из перечисленных нетрадиционных источников гражданского права центральное положение занимают судебный прецедент и судебная практика, которые часто некорректно приравниваются, а порой отождествляются. Данные понятия отражают хотя и близкие, но все же различные правовые явления [5, с. 109-111]. Категория «судебная практика» применяется лишь в том случае, когда выявляется определенная позиция судебных органов при разрешении гражданско-правового спора. При этом источником гражданского права становится не вся судебная практика, а лишь та ее часть, которая создается в результате деятельности высших судебных

органов в ходе разбирательства дел во второй и третьей инстанциях. Судебный прецедент – правовой акт высшего судебного органа, принятый в процессе осуществления правосудия и содержащий правила поведения (норму права).

Так, Конституционный Суд РФ, основываясь на нормах Конституции РФ, сформулировал правовые позиции, имеющие немаловажное значение для признания прецедентного характера его решений. Они касаются юридической силы как самих постановлений Конституционного Суда РФ, в которых тот или иной нормативно-правовой акт или отдельные его положения признаны не соответствующими Конституции РФ, так и решений, в которых выявлен конституционно-правовой смысл нормативно-правового акта и нивелируется неопределенность в ее истолковании с точки зрения соответствия Конституции РФ [14, с. 10]. Так, Конституционный Суд РФ оказал существенное влияние на регулирование института дееспособности гражданина, признав ряд норм ГК РФ неконституционными [12]. Также Конституционный Суд РФ в своем постановлении дал оценку конституционности положения п. 2 ст. 1086 ГК РФ, предусматривающего, что включение в состав утраченного гражданином в результате повреждения здоровья заработка доходов от предпринимательской деятельности производится на основании данных налоговой инспекции [11]. Данным решением Конституционный Суд РФ сформулировал общеобязательную, окончательную, непосредственно действующую и опубликованную в официальных изданиях новую норму права (правило поведения), содержащую положения для неоднократного применения, направленную на регулирование гражданско-правовых отношений, т.е. являющуюся источником гражданского права.

Порой в акте толкования высшие судебные инстанции России в ходе разъяснения фактически создают новые положения. Так, например, в совместном постановлении Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ установили, что в отношениях между организациями и гражданами проценты за пользование чужими денежными средствами подлежат уплате в размере единой учетной ставки ЦБ РФ по кредитным ресурсам, предоставляемым коммерческим банкам (ставка рефинансирования), в отличие от нормы п. 1 ст. 395 ГК РФ [7].

Касаясь возможности регулирования гражданских правоотношений обычаями, следует отметить, что ст. 5 ГК РФ, формулирующая определение обычая, входит в состав главы «Гражданское законодательство». Однако указанное положение не является основанием для включения обычая в гражданское законодательство. Как справедливо указывает

Н.Н. Павлова, во-первых, составляющие отраслевого законодательства четко без возможности расширительного толкования определены в предыдущей ст. 3 ГК РФ, и обычай в ней не представлен; во-вторых, определяя понятие «обычай», законодатель оговаривает, что это правило «не предусмотрено законодательством». Представляется абсурдным, чтобы что-то, «не предусмотренное законодательством», являлось частью этого самого законодательства. Поэтому обычай в системе источников гражданского права должен располагаться вне блока законодательных источников [9, с. 96]. При этом нормой, сформулированной в п. 2 ст. 5 ГК РФ, законодатель установил, что по своей юридической силе обычай уступает положениям нормативных правовых актов, а также договорным условиям. Обычай не подлежит применению, если он противоречит обязательным для сторон положениям законодательства либо условиям договора, что и определяет их место в системе источников гражданского права как дополнительные (восполнительные) источники в нижнем уровне иерархической структуры, т.е. это своего рода *consuetudo secundum legem* [3, с. 68].

Внесенными в ГК РФ изменениями [6] установлено, что источником российского гражданского права является не только обычай делового оборота, а просто обычай, без указания на сферу деятельности, в которой он возник, развивался, закрепился и применяется. Более широкий по смыслу термин «обычай» вобрал в себя более частные понятия местных, национальных обычаев, обычаев делового оборота, торговых и портовых обычаев и др. (например, применяемых в отношениях, связанных с определением гражданами порядка пользования общим имуществом). Указанные новеллы также ликвидировали правовое несоответствие, имевшее место в ГК РФ: источником гражданского права, согласно норме первой главы, являлся обычай делового оборота, а на практике допускалось применение как национального обычая (при приобретении гражданином имени – п. 1 ст. 19), так и местных обычаев (при сборе ягод, ловле рыбы или добыче других общедоступных вещей и животных – ст. 221). Эти правила поведения, основанные на местных и национальных обычаях, никак не относились к области предпринимательской деятельности, в которой только и допускалось правовое регулирование обычаем делового оборота.

Нетрадиционным источником гражданского права основные начала (принципы) российского гражданского права являются ввиду характера их содержания. Общие принципы права по своим свойствам отличаются от обычной, классической нормы права, а именно своей внутренней структурой. Это

своего рода такие же нормы, но нормы первоначального характера: программные, дефинитивные, декларативные. К тому же общие принципы не всегда служат единственным легальным определением правомерного, запрещающего, предписанного поведения.

Основополагающие принципы гражданского права можно разделить на две группы: 1) основополагающие принципы, закрепленные в законодательстве РФ; 2) основополагающие принципы, не закрепленные в законодательстве, но вытекающие из общего смысла действующего частного права. Принципы первой группы предусмотрены законодательством Российской Федерации в качестве формально-юридических источников права, содержащих норму права. Однако они носят субсидиарный характер применения и применяются в исключительных случаях (такие принципы сформулированы и зафиксированы в ст. 1 ГК РФ). В свою очередь, принципы, не закрепленные в законодательстве Российской Федерации, но вытекающие из общего смысла действующего права, можно отнести ко второй группе нетрадиционных источников. Данные принципы играют роль дополнительного правового средства, необходимого для обеспечения единообразного регулирования гражданско-правовых отношений (принцип недопустимости ненадлежащего осуществления гражданских прав, принцип полного возмещения убытков и т.д.).

Доктрина гражданского права не имеет в своем содержании механизма собственной реализации как источника права, но благодаря воплощению в юридических актах она служит непосредственной основой для решения юридических споров и проблем. Следует отметить, что доктрина не предусмотрена в качестве формально-юридического источника права в законодательных актах Российской Федерации, являясь дополнительным средством определения содержания правовых норм [8]. Однако судами широко применяются положения, сформулированные правовой доктриной. Закрепление таких положений в судебных актах свидетельствует об их санкционировании судебной властью. В связи с этим следует согласиться с О.А. Папковой, которая указывает, что в случае отсутствия соответствующей нормы в законе судья разрешает спор на основании обычного права, а при отсутствии последнего – по тому правилу, которое он установил бы в качестве законодателя. При этом он следует доктрине, признанной в науке и традиции [10, с. 22].

Доктрина гражданского права применяется к присущим ему диспозитивным дозволениям, а положения о возможности ее использования фиксируются в нормативных актах. Так, согласно ст. 1191

ГК РФ содержание норм иностранного права, регулирующего отношения с иностранным элементом, устанавливается в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве.

На основании вышеизложенного следует отметить, что:

1) нетрадиционные источники права официально не признаются или недооцениваются, хотя на практике они востребованы и находят свое место в гражданско-правовом регулировании. Порой они могут носить видимый, внешне законодательно закрепленный характер и быть признанными в качестве возможного источника права. Эти источники играют особую роль в правовой системе Российской Федерации, т.к. традиционные источники граждан-

ского права не способны регулировать все гражданско-правовые отношения. Очевидно, что реалии современной правовой жизни требуют их существования, функционирования и дальнейшего развития;

2) нетрадиционные источники гражданского права оказывают существенное воздействие не только на правоприменительную практику, но и на законодательную деятельность. К ним часто обращаются правотворческие органы при разработке и обсуждении проектов нормативных правовых актов;

3) нетрадиционные источники гражданского права взаимосвязаны и взаимодействуют с традиционными, в связи с чем данная система требует дальнейшего исследования для установления четких критериев разграничения и определения субординационной архитектуры.

Литература

1. Агафонова Е.А. Нетрадиционные источники гражданского права и потребность их изучения при подготовке юристов // 100-летие юридического образования в Саратовской области: мат-лы международной научно-практ. конф-ции в рамках международного научного симпозиума, посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2018. С. 14-16.

2. Вопленко Н.Н. Источники и формы права: учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 102 с.

3. Дробышевский С.А., Данцева Т.Н. Формальные источники права. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. 160 с.

4. Зеленский П.А. Практическая направленность юридического образования – актуальная потребность современного гражданского общества в России // Современная юридическая наука и правоприменение: сборник статей по мат-лам всероссийской научно-практ. конф-ции, проводимой в рамках вторых Саратовских правовых чтений (Саратов, 28-29 мая 2009 г.). Саратов: Изд-во СГАП, 2009. С. 39-42.

5. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. 512 с.

6. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон РФ от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627; 2013. № 9. Ст. 873.

7. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 01.07.1996 // Вестник ВАС РФ. 1996. № 9.

8. Павликов С.Г., Чистая Е.С. К вопросу о сущности доктрины и перспективах ее развития // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 2. С. 49-55.

9. Павлова Н.Н. Современная система источников российского гражданского права: на базе сравнительно-правового анализа законодательств государств постсоветского пространства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 196 с.

10. Папкина О.А. Судебное усмотрение в гражданском процессуальном праве // Журнал российского права. 2001. № 4.

11. По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1086 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Г. Тимашова: постановление Конституционного Суда РФ от 05.06.2012 № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3256.

12. По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 29. Ст. 4167.

13. Рожнов А.П. Нетрадиционные источники права в правовой системе // Вестник ВолГУ. 2001. Серия 5. Вып. 4. С. 27-34.

14. Урумов А.В. Нормообразующая роль судебной практики в правотворчестве // Закон и судебная практика: мат-лы научно-практ. конф-ции / отв. ред. С.И. Дементьев. Краснодар: КГАУ, КГУ. 2000. С. 8-11.

15. Храмов Д.В. Нетрадиционные источники российского частного права: общетеоретический аспект: монография / под науч. ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.

УДК 349.2:331.556.2

Г.Б. Федоренко

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: galgofe@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕРМИНОЛОГИИ И ПЕРЕИЗБЫТКА НОРМ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье говорится о недостаточной точности терминологии миграционного законодательства Российской Федерации, а также о наличии избыточных, с точки зрения автора, норм, регулирующих трудовые отношения с иностранными работниками.

Ключевые слова: миграционное законодательство, трудовая деятельность, иностранный работник, избыточность норм, расторжение трудового договора.

G.B. Fedorenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: galgofe@mail.ru

ON SOME PROBLEMS OF TERMINOLOGY AND OVERABUNDANCE OF NORMS IN THE LEGAL REGULATION OF LABOUR MIGRATION IN RUSSIA

The article refers to an insufficient accuracy in migration law terminology in Russia, as well as, from the authors perspective, a present excess of legal norms regulating labour relations with foreign workers.

Key words: migration law, labor activity, foreign worker, surplus of norms, termination of a labor contract.

Вопросам регулирования деятельности лиц, являющихся мигрантами, по трудовому либо гражданско-правовому договору посвящены нормы Федерального закона № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [6] (далее – Закон об иностранцах), заключение трудового договора с работником-мигрантом регламентировано главой 50.1 Трудового кодекса Российской Федерации [9] (далее – ТК РФ).

Чтобы правильно применять право к конкретным жизненным ситуациям, конечно, необходимо правильно квалифицировать действия, события и обстоятельства. И в этом случае весьма важна точная правовая терминология, позволяющая дать правильную квалификацию. Что касается исследуемых общественных отношений в области трудовой миграции, то несовершенство, а порой даже противо-

речивость терминологии миграционного законодательства неоднократно подвергались критике в научной литературе.

Так, о необходимости уточнения «категориального аппарата» указывал в своих работах Е.А. Малышев [3, с. 86], это касалось понятия «внешняя трудовая миграция» и его смыслового наполнения, а также использования такого понятия, как «международная трудовая миграция». Ранее об этом термине писали Е.А. Западнюк [2, с. 42] и Ю.В. Жильцова [1, с. 31].

Д.В. Черняева отмечает: «Отдельную проблему в вопросе о ратификации указанных международных актов составляет нечеткость терминологии российского законодательства о трудовой миграции и ее слабая согласуемость с международно признанной терминологией» [4, с. 39].

О терминологических противоречиях в данной сфере писал в своей статье К.Л. Томашевский: «Сразу обратим внимание на терминологические различия в праве ЕАЭС и в национальном законодательстве о трудовой миграции государств – членов данного Союза» [8, с. 56].

Большинство исследователей говорят о несогласованности терминологии международной и национальной при регулировании общественных отношений, касающихся миграции граждан, однако такая несогласованность прослеживается и в национальном праве.

В данной статье необходимо обратить внимание в том числе и на это явление. В статье 2 Закона об иностранцах даются определения таким категориям, как «трудовая деятельность иностранного гражданина», а также «иностраный работник» [9]. Прежде чем начать анализ этих определений в законе, хотелось бы отметить, что наукой трудового права и наукой гражданского права давно сформулированы понятия в данных отраслях, многие из которых получили свое законодательное закрепление.

Использование прилагательного «трудовой» является общепризнанной прерогативой трудового права. Осуществление деятельности, работы по трудовому договору очень часто называют трудовой деятельностью и подразумевают регулирование такой деятельности нормами трудового права. Когда же речь идет о гражданско-правовых договорах, то предметом данных договоров являются услуги и выполнение определенных работ.

В связи с этим данное в Законе об иностранцах понятие трудовой деятельности иностранного гражданина как выполнение работы иностранного гражданина не только по трудовому договору, но также и по гражданско-правовому договору на выполнение работ (оказание услуг) предполагается не совсем корректным, и в определенных случаях может толковаться не совсем однозначно, тем самым вызывая некоторый хаос в применении норм на практике, учитывая отсутствие надлежащей правовой грамотности у работодателей либо заказчиков работ – услуг. Различные виды деятельности граждан, приносящие им доход, в национальном праве принято называть «занятостью». Поэтому в данном случае более корректным было бы употребление термина «занятость иностранного гражданина». Но учитывая, что понятие занятости более широкое и включает в себя занятость не только по трудовому либо гражданско-правовому договору, возможно, более правильной формулировкой было бы указание на «оплачиваемую деятельность» иностранных граждан либо лиц без гражданства. Данный термин уже использовался исследователями, например

Е.А. Западнюк писал: «**Внешняя трудовая миграция** – это временное изменение места жительства с целью занятия оплачиваемой деятельностью в иностранном государстве. При этом оплачиваемая деятельность включает в себя работу как по трудовому договору, так и по гражданско-правовым договорам» [2, с. 42]. Ю.В. Жильцова также называла деятельность иностранцев «оплачиваемой», избегая употреблять термин «трудовая» [1, с. 31].

Но даже если каким-либо образом можно смириться с данной терминологией, понимая «трудовую деятельность» в широком смысле слова, как производное от слова «труд», который, как известно, подразделяют на «самостоятельный» и «несамостоятельный» (наемный), то со следующим термином – «иностраный работник» – согласиться значительно труднее. В соответствии со ст. 20 ТК РФ работником является «физическое лицо, вступившее с работодателем в трудовые отношения» [6, с. 11].

Тогда как в определении, данном в ст. 2 вышеуказанного Закона об иностранцах, иностранным работником является «иностраный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации и осуществляющий в установленном порядке трудовую деятельность» [9]; т.е. работающий как по трудовому договору, так и по гражданско-правовому договору! То есть только прибавление одного прилагательного «иностраный» вдруг трансформирует существующее легальное определение «работник» в более размытое и явно противоречащее действующему трудовому законодательству. Однако законодатель, достаточно свободно используя понятие «работник», все же дает отдельное понятие «работодатель» и «заказчик» в соответствии с действующими легальными определениями данных субъектов в трудовом и гражданском праве. Возникает логический вопрос: почему законодатель не является последовательным в приводимой терминологии в данном законе и не разводит понятия «работник» и «исполнитель», соединив эти два термина в один термин «иностраный работник»? Более того, этим термином для целей данного закона определяется только временно пребывающий в Российской Федерации и желающий работать иностранный гражданин, поскольку ограничения данного закона не распространяются, например, на иностранных граждан, имеющих вид на жительство.

Учитывая изложенное, нам представляется необходимым привести терминологию, используемую в данном законе, в соответствие с уже укрепившимися дефинициями в российском праве – трудовом и гражданском.

Второй аспект, на который хотелось бы обратить внимание, – это некоторая асимметричность правового регулирования трудовой миграции в Российской Федерации, а также в отдельных случаях и некоторая переизбыточность правовых норм.

Асимметричность заключается в том, что в необходимых для регулирования случаев нужных норм не существует, а в некоторых случаях, наоборот, их наличие необоснованно.

Речь идет о следующем: кроме поименованного нами выше закона, трудовые отношения между работодателем на территории РФ и иностранным гражданином регулируются также вступившей в законную силу с 2015 г. главой 50.1 ТК РФ, а вот гражданское законодательство в отношении заключения гражданско-правовых договоров с иностранными гражданами либо лицами без гражданства каких-либо дополнений либо изменений не претерпело.

Указанной главой ТК РФ устанавливаются особенности регулирования труда с иностранными работниками и лицами без гражданства, в т.ч. вводятся и новые основания для расторжения трудовых договоров с иностранцами. Общепринято, что трудовой договор с работниками-иностранцами либо лицами без гражданства прекращается по тем же основаниям, предусмотренным трудовым законодательством Российской Федерации, что и для российских работников. В некоторых соглашениях, подписанных Российской Федерацией, особо подчеркивалось, что уровень гарантий трудовых прав для иностранцев, работающих по трудовому договору, должен быть не ниже, чем предусмотренный для российских граждан. По общему правилу любые ограничения прав человека могут допускаться только в случаях и в порядке, установленных законом. Исходя из этого, ограничения трудовых прав иностранцев (а включение дополнительных оснований для расторжения трудового договора можно рассматривать как некоторое ограничение права и снижение определенных гарантий) должны быть логичными и достаточно обоснованными.

Рассмотрим дополнительные основания для прекращения трудового договора: таких оснований приводится в ст. 327.6 ТК РФ одиннадцать. Причем, если девять из этих оснований можно считать достаточно логичными, то два последних основания едва ли можно назвать обоснованными, более того, они явно носят несуразный характер. Пункты 10 и 11 данной статьи ТК РФ дают право работодателю уволить иностранного работника, когда существует: «невозможность предоставления работнику прежней работы по окончании срока временного перевода в соответствии с частью второй статьи 327.4 на-

стоящего Кодекса» либо «невозможность временного перевода работника в соответствии с частью третьей статьи 327.4 настоящего Кодекса» [6, с. 160], а ранее в ст. 327.4 ТК РФ устанавливалось, что таких переводов может быть не более одного раза в год. С чем связаны такие ограничения, законодатель не объясняет и не обосновывает.

Тем более если принять во внимание, что большая часть работников-мигрантов въезжают в Россию из безвизовых стран и осуществляют работу на основании патентов, в которых по общему правилу не указывается конкретная профессия, квалификация или специальность, то существование такой нормы вообще является избыточной (схожую точку зрения высказывала и Т.Ю. Коршунова [7, с. 272]), а если рассмотреть с иной точки зрения, то и дискриминационной, дающей право работодателю к злоупотреблению своими правами.

Представим ситуацию, когда работодатель, принявший на работу иностранца, предъявившего патент, выданный по общим правилам, настаивает, чтобы в нем была указана конкретная специальность, на которую он его принимает (такую возможность правила выдачи патента предусматривают), а затем при возникновении желания значительно раньше прекратить с ним трудовые отношения создает ситуации необходимости временного перевода (по причинам технического, либо технологического, либо организационного характера) в течение года дважды, а затем увольняет сотрудника.

Теперь другая сторона данной проблемы: в ст. 327.6 ТК РФ указываются специфические основания, кроме указанных в ст. 81 этого же кодекса, для прекращения трудовых отношений с иностранцем либо лицом без гражданства, и, как мы уже отметили, имеются явно излишние, даже необоснованно ограничивающие права иностранных работников, но среди этих оснований не указаны некоторые, которые весьма логично могли здесь находиться. Например, не указано основание для увольнения работника, у которого закончилось либо заканчивается действие удостоверения беженца, а иных документов, дающих право на пребывание в Российской Федерации, работодателю не предоставлено. То есть в этом случае на практике работодателю необходимо применить аналогию закона, чтобы расторгнуть такие отношения, выбрав одно из схожих оснований, указанных в рассматриваемой статье Трудового кодекса, например п. 6 ст. 327.6 «об окончании срока действия разрешения на временное проживание...» [6, с. 159]. И весьма затруднительным моментом станет внесение правильной записи о прекращении трудового договора в приказ и трудовую книжку работника.

С нашей точки зрения, необходимо пересмотреть нормы, содержащиеся в главе 50.1 ТК РФ: в одном случае убрать часть норм, а в другом – наоборот, обоснованно дополнить.

Таким образом, мы видим, что не только недостаточное нормативное урегулирование правоот-

ношений приводит к соответствующим правонарушениям в практике применения, но и чрезмерное (переизбыточное), и на настоящем этапе данные общественные отношения, конечно, требуют более разумного и системного регулирования как в отношении терминологии, так и в содержательном плане.

Литература

1. Жильцова Ю.В. Правовое регулирование трудовых отношений работников-мигрантов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 156 с.
2. Западнюк Е.А. Трудовая миграция населения и ее влияние на формирование современного рынка труда: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 264 с.
3. Малышев Е.А. Социальная и правовая характеристика внешней трудовой миграции в Российской Федерации: постановка проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2. С. 82-86.
4. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. // Международное публичное право: сборник документов. М., 1996. Т. 1. С. 492-515.
5. Международные трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации: монография / Э.Н. Бондаренко, Е.С. Герасимова, С.Ю. Головина и др.; под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 256 с.
6. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
7. Особенности правового регулирования трудовых отношений отдельных категорий работников: научно-практическое пособие / Е.Г. Азарова, М.А. Бочарникова, Л.А. Егошина и др.; отв. ред. Т.Ю. Коршунова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2015. 400 с.
8. Томашевский К.Л. Гармонизация национального законодательства членов ЕАЭС о трудовой миграции с международными договорами // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 55-59.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: <http://www.iprbookshop.ru/1251.html>.

УДК 347.232.14

М.Р. Чазымов

Кыргызская государственная юридическая академия

E-mail: gardash_90@mail.ru;

Н.А. Мусабаева, канд. юрид. наук

Кыргызская государственная юридическая академия

E-mail: nadira.musabaeva@mail.ru

САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРИБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

В данной статье рассматривается самовольная постройка как один из первоначальных способов приобретения права собственности на земельный участок.

Ключевые слова: самовольная постройка, недвижимость, право собственности, земельный участок, самозастройщик, приобретение права собственности, незаконный захватчик, признание права собственности.

M.R. Chazymov

Kyrgyz State Law Academy

E-mail: gardash_90@mail.ru;

N.A. Musabaeva, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Kyrgyz State Law Academy

E-mail: nadira.musabaeva@mail.ru

UNAUTHORIZED CONSTRUCTION AS ONE OF THE METHODS OF ACQUISITION OF OWNERSHIP OF THE LAND PLOT

This article considers an unauthorized construction as one of the original ways of acquisition of ownership of the land plot.

Key words: unauthorized construction, realty, ownership, land plot, self-builder, acquisition of property rights, illegal invader, recognition of ownership.

Недвижимость (земля, здания, сооружения, другие постройки) является объектом гражданского оборота, поэтому вопросы первоначальных способов приобретения земельных участков для постройки и право собственности на саму постройку имеют важное значение.

Общее правило Гражданского кодекса Кыргызской Республики (ст. 252), помещенное в главу «Приобретение права собственности», гласит, что право собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество возникает с момента его государственной регистрации. До момента такой регистрации вновь создаваемый объект постройки не приобретает юридического режима недвижимости,

следовательно, рассматривается законом как движимое имущество [1].

Титул собственности на новую постройку возникает при условии его соответствия закону, прежде всего земельному, а также при соблюдении существенных градостроительных и строительных норм и правил.

Лицо, осуществившее самовольную постройку, по общему правилу не должно приобрести на нее право собственности (п. 2 ст. 254-1), а сама постройка не становится недвижимостью, ибо она не подлежит государственной регистрации по причине допущенных при ее создании нарушений [1].

Поэтому недостроенные объекты («незавершенка») не могут оцениваться в качестве недвижимости, а представляют собой известную совокупность строительных материалов и конструкций, в которую вложен труд строителей. Понятно, что право собственности на такие объекты принадлежит собственнику стройматериалов. Отчуждение таких объектов подлежит по упрощенным правилам отчуждения движимого имущества.

Самозастройщик как собственник стройматериалов вправе их забрать, осуществив за свой счет снос такой постройки (абз. 2 п. 2 ст. 254-1 ГК) [1].

Таким образом, самовольной постройкой признается как жилой дом, так и любое иное недвижимое имущество, другое строение – сарай, гараж, административное здание, дача, сооружение:

- созданное на земельном участке, не отведенном для этих целей, и в порядке, установленном законом и иными правовыми актами;
- созданное без получения на это необходимых разрешительных документов;
- созданное с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

При наличии любого из трех признаков строение, сооружение и иное недвижимое имущество признаются самовольными постройками.

Специальная статья 254-1 Гражданского кодекса КР, посвященная правилам и последствиям самовольной постройки, была включена в кодекс значительно позднее, чем был принят Гражданский кодекс, в 1999 году, и требует значительных оговорок.

Самовольная постройка, конечно, должна подлежать сносу, за исключением особо оговоренных законом случаев. Одно дело, когда самовольное строительство производится самим законным собственником или пользователем земельного участка. В этом случае в общественных интересах необходимо только сохранить ограничения, предусмотренные строительными, природоохранными, земельными и иными отраслями законодательства. При наличии хотя бы одного из указанных в нем нарушений: нарушение порядка предоставления земельного участка, землеотвода или его целевого назначения, существенное нарушение строительных норм и правил, узаконить самовольную постройку нельзя.

Другое дело, когда самовольное строительство осуществляется путем захвата земельного участка, уже находящегося в чужой собственности или постоянном пользовании или в муниципальной собственности.

Однако ст. 254-1 ГК не делает подобных разграничений. Особые случаи узаконивания самовольной постройки, указанные в этой статье, имеют

отношения ко всем самовольным постройкам, независимо от того был захват земельного участка или нет [1]. В итоге получается, что захватчик чужого земельного участка по нашему закону может узаконить и саму постройку, и сам земельный участок без особых проблем.

Попытаемся обосновать выдвинутый тезис.

В абзаце 2 п. 2 ст. 254-1 ГК общее правило о самовольной постройке не дает императивной (не допускающей выбора) нормы [1]. Сама статья изложена таким хитроумным способом, что в принципе защищает права захватчика земельного участка и самовольного застройщика, но не законного собственника земельного участка или постоянного землепользователя. Как говорится, «если нельзя, но очень хочется, то можно» [2].

Дело в том, что, во-первых, законодатель ставит снос самовольной постройки в зависимость от того, будет ли подан иск со стороны заинтересованного в этом лица, права которого нарушены, или со стороны соответствующего государственного органа. Другими словами, законный собственник земельного участка или его законный постоянный пользователь должны еще доказать в суде, что их права нарушены, и получить решение суда. Если применять эту статью к законному собственнику земельного участка, осуществившему самовольную постройку, то статья не вызывает сомнения, пусть доказывает, что никому его постройка вреда не причинила.

А если ее же применить к захватчику чужого участка, то получается нонсенс. Потому что ничего не должен доказывать законный собственник земельного участка, у которого самым бессовестным образом захватили землю и построили на ней что-то тоже самовольно [2].

У собственника земельного участка, и только у него, должно быть исключительное право выбора: либо потребовать у нарушителя его прав снести самовольную постройку, либо самому снести за счет нарушителя, либо сказать спасибо захватчику за работу и возместить ему расходы на постройку. При этом только фактические расходы, подтвержденные захватчиком документально.

Простая логика и конституционные принципы нашего государства подсказывают, что статья 254-1 ГК должна быть изложена таким образом, чтобы защитить собственника земельного участка, где осуществлена самовольная постройка другим лицом [1, 3].

Однако 29 июня 2017 г. на заседании Парламента депутаты в третьем чтении приняли поправки в законы «О введении моратория на перевод (трансформацию) орошаемых земель, пашни в другие ка-

тегории земель и виды угодий», «О переводе (трансформации) земельных участков».

Отметим, что цель законопроекта – узаконить новостройки, занимающие общую площадь 13 398 га по всей республике. Из них общая площадь земельных участков орошаемой пашни, застроенных индивидуальными жилыми домами, составила 11 704 га.

На данных земельных участках построены 38,7 тыс. жилых домов и проживают 42,2 тыс. семей. Указанные земельные участки по различным причинам не были выведены из состава земель сельскохозяйственного назначения и не были переведены (трансформированы) в земли населенных пунктов.

Сегодня предлагается узаконить земли, застроенные до 2009 г., до введения моратория на трансформацию земель.

Из статьи 20 исключается норма, по которой ранее земельные участки, находящиеся в частной собственности, переводились под индивидуальное жилищное строительство после изъятия на основании градостроительной документации, правил застройки и землепользования территорий городских и сельских населенных пунктов. Теперь это считают ненужным [4]. А закон «О введении моратория на перевод (трансформацию) орошаемых земель пашни в другие категории земель и виды угодий» от 31 июля 2009 г. и вовсе следует признать утрагившим силу [5].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, а не создаст ли принятие данного закона прецедент для незаконных застройщиков, влекущий за собой цепную реакцию для группы населения, которая захватила земли после апрельской революции 2010 г. Тогда и они начнут требовать узаконить их самострой. Хотя нужно признать, что некоторые из них стали жертвами мошенников и приобрели земли, у которых целевое назначение не подразумевает строительства жилья.

Но данный закон не прошел процедуру подписи у главы государства и был возвращен с возражениями из-за коррупционных рисков, которые могло повлечь за собой его принятие.

Несколько по-иному должен решаться вопрос, когда самовольная постройка осуществляется на земле, находящейся в муниципальной собственности и захваченной незаконно. В этом случае, думается, применима правовая норма, относящаяся к самовольной постройке собственника земельного участка, о том, не нарушаются ли права третьих лиц, соблюдены ли градостроительные и другие нормы и правила. Может быть, в исключительных случаях можно узаконить и постройку и произвести землеотвод. На практике, кстати, так и решаются вопросы захваченных самовольно муниципальных земель и построек. Но если такого разрешения дать нельзя, какой же орган должен требовать по суду снос самовольных построек?

В абзаце 2 п. 2 ст. 254-1 ГК говорится, что таким органом, по мнению законодателя, может быть только либо заинтересованное лицо, права которого нарушены, либо «соответствующий государственный орган». Непонятно, о каком органе может идти речь, но исходя из логики, данным органом, по сути, является местная районная администрация, на территории которой ведется самовольное строительство [1].

В сносе самовольных построек на территории населенных пунктов более всего заинтересован именно муниципальный собственник. Но вот как раз муниципальный собственник (как говорится об этом в п. 6 ст. 254-1 ГК) только в исключительных случаях с учетом социально-экономической целесообразности может претендовать на самовольную постройку [1]. При этом он может претендовать в том случае, если заинтересован обратить самовольную постройку в свою собственность. А что же земельный участок? Имеет ли значение сам режим муниципальной собственности для сноса самовольной постройки? Ясного и однозначного ответа в законе нет.

Также следует помнить, что право собственности на самовольную постройку не может быть признано ни за собственником земельного участка, ни за лицом, осуществившим постройку, если сохранение постройки повлечет нарушение прав и охраняемых законом интересов других лиц либо будет создавать угрозу жизни и здоровью людей.

Литература

1. Гражданский кодекс Кыргызской Республики: введен в действие Законом КР от 5 января 1998 г. № 1 // Информационно-правовая система «ТОКТОМ». URL: http://www.toktom.kg/?comp==main&m_t=1.
2. Зайцева Ж. Ведущий специалист по правовым вопросам аудиторской фирмы «В.Якобс. Аудит» «Право и предпринимательство». 2001. № 2 // Информационно-правовая система «ТОКТОМ». URL: http://www.toktom.kg/?comp==main&m_t=1.

3. Конституция Кыргызской Республики: принята референдумом (всенародным голосованием) от 27 июня 2010 г. (в ред. Закона КР от 28 декабря 2016 г. № 218) // Информационно-правовая система «ТОКТОМ». URL: http://www.toktom.kg/?comp==main&m_t=1.

4. О введении моратория на перевод (трансформацию) орошаемых земель пашни в другие категории земель и виды угодий: Закон КР от 31 июля 2009 г. № 257 (в ред. Закона КР от 18 января 2017 г. № 3) // Информационно-правовая система «ТОКТОМ». URL: http://www.toktom.kg/?comp==main&m_t=1.

5. О переводе (трансформации) земельных участков: Закон КР от 15 июля 2013 г. № 145 (в ред. законов КР от 19 марта 2016 г. № 21, 1 июня 2017 г. № 95) // Информационно-правовая система «ТОКТОМ». URL: http://www.toktom.kg/?comp==main&m_t=1.

Лицензионный договор № _____
о предоставлении права на использование материалов
(неисключительная лицензия)

г. Барнаул

«___» _____ 201 г.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Барнаульский юридический институт МВД России», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице начальника института _____, действующего на основании Устава, с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «Автор», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона / Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. По настоящему договору Автор на безвозмездной основе обязуется предоставить Издателю неисключительные права на использование статьи

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.1. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Издателю Произведение.

1.2. Автор гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Издателю по настоящему Договору, является оригинальным произведением Автора.

1.3. Автор гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2. Автор предоставляет Издателю на весь срок действия исключительных прав на Произведение:

2.1. Право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения.

2.2. Право на распространение Произведения любым способом.

2.3. Право на внесение изменений в Произведение (редакционную правку), не представляющих собой его переработку.

2.4. Право на использование метаданных (название, имя Автора, аннотации, библиографические материалы и пр.) Произведения путем распространения и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации, а также включения в различные базы данных и информационные системы.

2.5. Право на доведение до всеобщего сведения.

2.6. Право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения.

2.7. Автор также предоставляет Издателю право хранения и обработки следующих своих персональных данных без ограничения по сроку:

- фамилия, имя, отчество;
- сведения об ученой степени;
- сведения об ученом звании;
- сведения о месте работы и занимаемой должности;
- контактная информация.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчеты, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п.

3. Дата подписания Договора Сторонами является моментом передачи Издателю прав, указанных в настоящем Договоре.

4. Издатель обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Автора, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

5. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

6. Автор и Издатель несут в соответствии с действующим законодательством РФ юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

6.1. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить причиненный реальный ущерб.

7. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

8. Все споры по Договору подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае недостижения согласия в течение 30 рабочих дней споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

9. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и действует бессрочно.

10. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

11. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

12. Реквизиты Сторон:

Издатель

Автор

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего
образования «Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской
Федерации»
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

ФИО
Адрес
Паспортные данные

Дата рождения

НАЧАЛЬНИК

м.п.